

Владимир Хрусталев

*Последние дни Великой
династии*

РОМАНОВЫ

Секретные архивы о тайне гибели Царской семьи
наконец-то раскрыты!

Владимир Михайлович Хрусталев
Романовы. Последние дни Великой династии
Серия «Романовы. Падение династии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6183687

Романовы. Последние дни Великой династии / Владимир Хрусталев.: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-079109-5

Аннотация

История трагической судьбы Царской семьи после Февральского переворота 1916 г. и до их расстрела в Екатеринбурге – предмет более, чем 25-летнего исследования одного из крупнейших специалистов в этом вопросе Владимира Хрусталева.

Большая часть материалов, приведенных в этом издании, долгое время находилась в «спецхранах», центральных и местных архивах, многие из которых неизвестны не только широкому кругу читателей, но и профессиональным историкам.

Эта книга наконец отвечает на все вопросы и полностью и окончательно закрывает тему гибели Царской семьи.

Содержание

Предисловие	4
Введение	8
Глава I	15
Глава II	68
Глава III	108
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Владимир Михайлович Хрусталева

Романовы. Последние дни Великой династии

Светлой памяти Юрия Алексеевича Буранова и моего единственного сына Андрея Владимировича Хрусталева посвящается...

Предисловие

Впервые наш совместный труд с Ю.А. Бурановым «Гибель императорского дома»¹ появился 20 лет тому назад. Хотя с тех пор прошло достаточно много времени, но книга не утратила своей актуальности и широко цитируется в исторических исследованиях до сих пор. Она имела свои особенности, о чем отметим. В последние годы нам удалось выявить новые, неизвестные ранее документальные источники, которые позволяют уточнить многие факты, связанные с трагическими событиями гибели царской семьи и ряда великих князей в первые годы Советской власти. Поэтому я решил вернуться к этой теме. Кроме того, обобщающая и дополненная работа «Крушение Императорского Дома Романовых: уничтожение династии» дань памяти Ю.А. Буранову и разъяснение наших позиций, которые не всегда и во всем совпадали. Одновременно это еще одна попытка ответить на некоторые вопросы, которые ранее нами были поставлены.

Мы с Юрием Алексеевичем познакомились в конце 1980-х гг. и с тех пор начали тесно и плодотворно сотрудничать. У нас оказался общий профессиональный интерес историков к трагическим судьбам представителей династии Романовых, которые погибли во время Гражданской войны в России. Данная тема длительный период в Советском Союзе находилась под прессом официальной марксистско-ленинской идеологии, а временами под прямым «табу». В силу того, что Ю.А. Буранов являлся сотрудником ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (ныне РГАСПИ), а я отдела изучения и публикации документов ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ), то мы знали гораздо больше о тех трагических событиях, чем сообщалось в открытой печати. Многие аспекты этой темы составляли государственную тайну, а документы и ряд печатных изданий находились в «спецхранах». Для нас история государства Российского не делилась на историю дореволюционную и историю советскую, а составляла одно целое, т. е. историю нашей державы, со всеми ее взлетами и падениями, как звенья неразрывной цепи. Мы стремились «докопаться до правды», установить истину и показать реальный образ последних «венценосцев» и членов императорской фамилии в истории нашего отечества. Это стремление поддерживалось в нас и тем, что Юрий Алексеевич родился на Урале, где многие Романовы по «року судьбы» окончили свой скорбный, земной путь. У меня также с малолетства был интерес к данной теме, т. к. моя бабушка Евгения Николаевна Соколова со стороны мамы и ее родня были почти из тех же мест, что и имеющий известность однофамилец, белогвардейский следователь «царского дела» Н.А. Соколов. К тому же мне довелось, с первых шагов профессиональной деятельности историка-архивиста, обнаружить неизвестные ранее документы об убийстве великого князя Михаила Александровича (брата царя). Они, к моему удивлению, во многом расходились с официальной версией. Хотя в советской историографии, в те времена, как теперь хорошо известно, часто эти события искажались или вовсе замалчивались. Яркий пример тому популярная книга М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»². Когда я учился в МГИАИ и аспирантуре, то эта тема

была во многом еще «закрытая», но интерес к «тайне века» у меня остался на всю жизнь. В сентябре 1990 г. появились первые наши с Ю.А. Бурановым совместные опубликованные работы, посвященные судьбе Михаила Романова³ и его последнему дневнику⁴. Вскоре мы опубликовали еще один документальный очерк, посвященный алапаевским мученикам⁵. Наши труды были замечены. Мы получили предложение по заключению договора с издательством «Прогресс» на подготовку книги очерков по этой теме. Предложение было принято, и мы приступили к работе. Каждый из нас, прежде всего, продолжал изучать и описывать события по документам архивов, где мы работали, делясь между собою необходимой информацией и уточнениями направлений для дальнейшего поиска еще неизвестных материалов. Конечно, работа не ограничивалась только архивами и библиотеками. На последнем этапе Юрий Алексеевич (после согласования нами некоторых спорных вопросов и совместного редактирования окончательного текста) рукопись отдал на перепечатку. Мы предварительно договаривались не писать о том, о чем до конца еще не знаем или имеем на какие-то события различные точки зрения. Однако таких спорных моментов было немного. Этой позиции мы придерживались и в дальнейшем, в наших совместных работах. Об этом мы открыто указали во введении книги. В частности, мы подчеркивали, что в ней «не рассмотрена в деталях сама акция екатеринбургского расстрела». Эти вопросы мы оставили до поры «за кадром», для дальнейшего изучения, т. к. сроки сдачи рукописи были весьма напряженными, а писать что-то спонтанно, о чем еще сами не имели до конца четкого представления, посчитали не приличным. Тем временем страна вслед за «горбачевской перестройкой» катастрофически втягивалась в эпоху «великих перемен». Каждый из наших соотечественников мог реально почувствовать в конце XX в. на своем личном опыте катаклизмы смены строя, подобно тем, что были в начале века после Февральской революции и «октябрьского переворота» большевиков. Те, казалось, далеко отодвинутые от нас во времени события, как бы вновь стали нашей реальностью переживаемого момента, хотя и зеркально отраженными, но с теми же разрушительными последствиями для страны. Наша надежда на появление книги также подверглась многим испытаниям, в том числе неопределенным и тревожным ожиданиям. В это время по предложению редакции популярного журнала, как пробный шар, мной была предпринята публикация документальных очерков⁶ на Урале по материалам ГА РФ (ЦГАОР СССР). В издательстве «Прогресс» дело, наконец, сдвинулось с места. К сожалению, квалификация нашей машинистки, как выяснилось, оказалась далеко не во всем на высоте. К тому же издательство в силу быстро меняющихся различных обстоятельств сократило на ходу объем книги на несколько авторских листов и, практически, без должного с нами согласования выпустило ее в свет. Книга вызвала большой интерес читателей и историков (вскоре была переиздана в Польше), но в нее даже не был вложен вкладыш, с допущенными опечатками и в связи с сокращением текста, вкрадшимися неточностями. Некоторые из них, по нашему мнению, выглядели нелепо. Так, например, всем хорошо известный один из участников убийства Григория Распутина князь Ф.Ф. Юсупов (граф Сумароков-Эльстон, младший) был напечатан через запятые, и вместо одного лица оказалось как бы несколько. Значительная часть текста о великом князе Николае Николаевиче (младшем) была вовсе опущена, а вместо образовавшейся «дыры» появилась строка: «Сам Николай Николаевич до Ставки не доехал, а должность Верховного главнокомандующего по решению Временного правительства занял генерал Алексеев»⁷. На наш взгляд, были явно видны вырезанные места, имелся в нескольких случаях сбой и опечатки в сносках. Тем не менее книга до сих пор актуальна. Как с горькой иронией позднее шутил Юрий Алексеевич: эта книга своеобразный «лакмусный тест» на самодетельных плагиаторов от истории. По ней можно судить, кто в своих трудах честно ссылается на нее, а кто заимствует материал, ссылаясь только на наши, в ряде случаев, сбитые архивные сноски, но на самом деле не утруждался побывать в

архивах и заглянуть в дела. И это легко доказать. Конечно, для нас утешение слабое. Поэтому в данном издании я даю на используемые материалы современные сноски, тем более что ряд архивных дел теперь получили новую шифровку, в связи с переработкой некоторых описей документальных фондов. Я, прежде всего, высказываю свою точку зрения на описываемые события, в необходимых случаях, отмечая иную позицию Юрия Алексеевича, особенно на так называемую «записку Юровского». Мне думается, что он бы не возражал против такого подхода и не оказался на меня в обиде. Кто пожелает провести самостоятельный источниковедческий анализ, тот может найти список наших трудов и публикаций архивных материалов в конце книги. Исследователям необходимо учитывать, что нами предпринимались и отдельные независимые друг от друга самостоятельные публикации документов, статей и других трудов по разным аспектам «романовской темы», где, в ряде случаев, каждый из нас высказывал свой личный взгляд на те или другие «спорные для нас» проблемы.

Хотел бы специально подчеркнуть, что серию изданий, посвященных конкретным судьбам трагически погибших представителей династии Романовых, мы с Юрием Алексеевичем Бурановым намечали давно, но труднодоступность разработки материалов и дефицит времени ограничивало, к сожалению, наши возможности. Только теперь мне удалось кое-что сделать из ранее задуманного, в частности, написать книгу о жизненном пути великого князя Михаила Александровича. Мы участвовали и в других проектах документальных изданий по истории Императорского Дома Романовых⁸. В этой работе постоянно помогал мой сын А.В. Хрусталева. Однако жизнь не предсказуема и случилось так, что в начале 2005 г. они неожиданно один за другим ушли из нашего мира. В данном издании содержится не только наш с Ю.А. Бурановым многолетний совместный труд по поиску материалов, но и посильно оказанная помощь моего трагически погибшего сына Андрея. Несмотря на то, что после их смерти прошло восемь лет, но светлая память о них останется в сердцах многих, кто их знал лично, а также, надеюсь, и их читателей, навсегда. Поэтому мною в этой книге повествование часто ведется от множественного числа: мы, – и не только в честь их памяти (они со мной будут вечно), но и в знак нашей общей признательности труда многих поколений архивистов, которые сумели сохранить исторические реликвии до наших дней. Я не решился отступать в данной книге от апробированной нами ранее формы изложения материалов в виде исторических очерков и документальной хроники событий. Частично я сохранил структуру и текст нашей прежней книги, лишь уточняя и дополняя его, так как он дает верные общие представления о событиях того времени. Во многом это мой ответ на пожелания наших читателей. Однако, в какой-то степени, это другая книга, поэтому изменено ее название и продлено повествование до нашего времени. Конечно, в одном произведении невозможно ответить на все вопросы данной темы, но каждый из вас может найти интересующий материал в наших других брошюрах и сборниках документов. Мы иногда слышали упреки, что в наших совместных прежних трудах⁹ имеется много цитирований источников. Однако мы это делали сознательно, т. к. считали своей главной задачей показать документы и не говорить о том чего не знаем или не нашли каким-то версиям достоверного документального подтверждения. Мы старались следовать девизу и словам Л.Н. Толстого, который подчеркивал: «Эпиграфом к истории я бы написал: ничего не утаю». Такая форма изложения, по моему мнению, позволяет показать подлинность образов исторических личностей, передает дух эпохи, создает впечатление присутствия и соучастия в минувших событиях. Мы приводили взгляды на одни и те же события того времени представителей лагерей различной политической направленности, что, в какой-то мере, могло бы приблизить нас к установлению истины. Кроме того, ссылки на исторические источники в наших работах позволяют заинтересованным исследователям и читателям при желании обратиться к ним непосредственно, расширить свой кругозор, относительно тех фактов, которые привлекли их внимание. Я стремился как профессиональный историк-архивист не навязывать своих

взглядов другим, а говорить с тем, кто взял в руки эту книгу максимально языком исторических документов, оставляя за заинтересованным читателем право выводов, т. к. народная мудрость утверждает: «Сколько человек, столько мнений». А мнения могут у каждого человека со временем меняться, в зависимости от приобретенных новых знаний на пути постижения истины. Прежде всего, к этому мы и стремились в наших трудах, т. е. самим приблизиться к истине и показать нашим читателям путь к ней. Хотя на практике хорошо известно, что этот процесс бывает бесконечным. Я хотел бы обратить внимание читателей на ряд особенностей повествования данной книги. При цитировании исторических источников, для облегчения понимания их содержания мною дается в круглых скобках текст соответствующих примечаний (выделенной курсивом пометкой. – *В.Х.*), а также в квадратных скобках восполняемые по смыслу недостающие отдельные слова и восстанавливаемые части слов. В угловых скобках воспроизводятся слова рукописей трудные для прочтения или поврежденных мест документов, что допускает варианты их другого воспроизведения. В необходимых случаях пространные комментарии приводятся внизу страницы, под строкой. Передача текста соответствует правилам публикации исторических документов. Данный труд, прежде всего, результат наших многолетних изысканий архивных материалов, многие из которых неизвестны даже профессиональным историкам.

Кардинальные преобразования в России «во времена великих перемен» в конце XX – начале XXI в., так же как и на заре минувшего мятежного столетия, очередной раз перевернули наше коллективное общественное сознание, взгляд на собственную историю. Мы вновь оказались, словно в другой стране. И только в последнее время пришло понимание целостности и преемственности развития нашей державы, ее политики, экономики и культуры, в какой-то мере стала восстанавливаться «связь времен».

Хроника «смутного времени», зафиксированная в личных документах членов Императорского Дома Романовых, с фотографической точностью отражает реалии истории того периода. Знакомство с уникальными архивными реликвиями, анализ, хотя, в какой-то степени, и известных, но отдаленных от нас во времени событий целой эпохи, помогут лучше понять действительность и ответить на многие вопросы, волнующие общество сегодня.

Введение

Государство Российское в 2007–2008 гг. отметило несколько знаменательных дат. Прошло 90 лет со дня свершения события мирового значения. Весной 1917 г. в России, а вернее, в отдельно взятой столице Российской империи г. Петрограде, в считанные дни произошел бунт или переворот, который вошел в анналы всемирной истории как Февральская революция. Ее кульминационным моментом было свержение монархии. Это положило начало конца Российской империи и более чем 300-летнему правлению династии Романовых. Историки проанализировали причины падения самодержавия в России и рассказали о том, как это произошло, хотя еще и не с достаточной полнотой, принося порой объективность в жертву политике. За реальными событиями часто отсутствовали неугодные исторические персонажи – люди, бывшие непосредственными их участниками. Ход истории порой зависит от волевого решения отдельной личности, облеченной властью. Понять это решение часто до конца можно, лишь взглянув на него не только через призму объективных обстоятельств и событий, но и сквозь субъективное преломление черт характера того или иного действующего лица, стоящего у руля государства. Другими словами, выяснив «роль личности» в истории.

2008 г. знаменателен еще двумя тесно связанными между собою памятным датами, о которых в недавнем прошлом официальные власти предпочитали не вспоминать. Это 140-летие со дня рождения Государя императора Николая Второго¹ и 90-летие со дня трагического убийства царской семьи в Екатеринбурге на Урале и ряда членов императорской фамилии в Перми и Алапаевске². Несмотря на то, что существует множество исследований, особенно за границей, посвященных судьбам Романовых в 1917–1919 гг., здесь много еще остается неясного.

Династия Романовых начала в 1613 г. свое служение на Российском Престоле в драматический момент истории: угрозы потери страной национальной независимости, в период «смутного времени» и польского нашествия. За 304 года правления династии Российская империя стала мировой державой, занимавшей ¹/₆ Земного шара и реально влиявшей на судьбоносные процессы развития цивилизации. Каждый седьмой человек планеты в то время проживал в нашей стране. Она обладала колоссальными природными ресурсами. По своему экономическому развитию Российская империя в начале века входила в пятерку передовых государств мира, а по темпам промышленного роста находилась среди лидеров. Однако она опять очутилась в силу стечения неблагоприятных роковых обстоятельств, благодаря многочисленным враждебным внешним и оппозиционным внутренним силам, на пороге национальной катастрофы. Одной из причин крушения державы явилось и то, что Императорский Дом Романовых, насчитывающий к тому времени 65 человек, 16 из которых носили титул великого князя, оказался расколотым. Позднее многие сторонники монархии, оказавшись в эмиграции, с горечью констатировали, подобно генералу Н.А. Епанчину, что некоторые: «Великие князья изменили Государю дважды: и как Императору, и как Главе Императорского Дома».

---

¹ Император Николай Александрович Романов (Николай II) родился в Царском Селе под Петербургом 6 (19) мая 1868 г. в день памяти святого Иова Многострадального.

² В ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми был похищен чекистами великий князь Михаил Александрович и тайно убит. Его могила до сих пор неизвестна. В печати было ложно объявлено об его бегстве. В ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге была расстреляна вся царская семья. В печати было объявлено только о казни Николая II. Через сутки, в ночь с 17 на 18 июля были зверски убиты под Алапаевском на Урале (сброшены в шурф шахты) ряд членов императорской фамилии, включая родную сестру царицы великую княгиню Елизавету Федоровну. В советской печати было объявлено об их похищении белогвардейцами.

Сегодня общепризнанно, что в истории России XX в. имеется еще множество «белых пятен», которые только теперь раскрывают свои тайны. Таким «белым пятном» является один из поворотных моментов мировой и отечественной истории: неожиданное крушение и гибель Императорского Дома Романовых в феврале – марте 1917 г., не так давно (в 1913 г.) торжественно отпраздновавшего 300-летнее правление великой державой. До того были отмечены в Российской империи знаменательные события мирового значения: 200-летие победы русских войск над шведами под Полтавой и 100-летие Бородинского сражения под Москвой с «покорителем мира» Бонапартом Наполеоном. Таким образом, в каждом столетии во время правления династии Романовых были еще раз на деле подтверждены знаменитые, ставшие символическими, слова Святого князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

В истории России смена монархов или проведение крупных реформ часто кончались большими государственными потрясениями, а порой начиналась новая эпоха. Так, добровольное отречение от трона в 1825 г. наследника Константина в пользу своего брата Николая I Павловича послужило поводом к восстанию декабристов. Вынужденное отречение от власти императора Николая II и передача ее великому князю Михаилу Александровичу породило в чем-то схожую для судьбы монархии ситуацию в дни Февральской смуты 1917 г. До сих пор остаются открытыми вопросы: имел ли право Николай II передавать трон младшему брату? Почему Михаил не решился взять корону или не уступил право на нее следующему из династии Романовых, а отложил этот вопрос до решения Учредительного собрания? Почему члены Временного правительства, боровшиеся с царским режимом под лозунгом требования «правительства доверия», придя к власти, фактически с первых шагов избавились от «пут парламента» и устранили Государственную думу? Насколько правомочно провозглашение Временным правительством 1 сентября 1917 г. в России республики, т. е. до вынесения решения Учредительным собранием, к созыву которого само всех призывало? Почему большевики разогнали Учредительное собрание и расстреляли демонстрацию простого народа, который выступил в его поддержку, тем самым напомнив в какой-то степени своими действиями события «кровавого воскресенья 1905 г.», и положили начало Гражданской войны в России?!

Окончательное крушение Дома Романовых, начавшееся «отречением от престола» двух «венценосных» братьев, было началом пути к гибели не только царской семьи, убитой в Екатеринбурге, но и группы членов императорской фамилии, казненных в 1918–1919 гг. в Перми, Алапаевске и Петрограде. Проследить их крестный путь, который пролег через унижения, клевету, аресты, ссылки, тюремное заключение и мученическую смерть, является одной из главных задач нашей работы. При сопоставлении фактов их гибели, прослеживаются, как нам представляется, контуры единого плана осуществления кровавой акции по уничтожению представителей династии Романовых.

По большому счету крушение Императорского Дома явилось отправной точкой скорбного пути к гибели не только последних российских «венценосцев», но многих сотен тысяч наших рядовых соотечественников в годы Гражданской войны, а впоследствии миллионов жертв за колючей проволокой сталинского ГУЛАГа, включая невинных детей, стариков и женщин. Чтобы разобраться в сложном переплетении событий тех лет, обратимся к документам и историческим фактам.

Определенно можно сказать, что к последнему русскому царю, которого называли не иначе как Николай Кровавый, российские историки, за исключением немногих (да и то в последнее время), мягко говоря, отнеслись несправедливо. В течение длительного периода на самодержца, который мог бы быть почти нашим современником (например, германский император Вильгельм II жил с 1859 по 1941), обрушивали поток клеветы, измышлений и

ненависти. Его имя систематически дискредитировалось, так что многим становилось ясно: все это было планомерной акцией по вытравливанию из сознания простого русского народа (веками чтившего монарха, как одну из величайших своих национальных святынь) малейшей памяти об этой, несомненно, незаурядной личности, хотя и не лишенной человеческих слабостей.

Если следовать афоризму, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое», то необходимо установить последовательность и объективность событий, предшествующих крушению царской России. Надо, прежде всего, показать на документальной основе «отречение» Николая II и его брата, великого князя Михаила Александровича, от трона, а также проследить последующую трагическую судьбу представителей императорской фамилии. Мы стремились показать все эти события в восприятии и действиях представителей противостоящих лагерей, как явных монархистов, так и либералов, и непримиримых революционеров. Современники тех событий пророчески отмечали: «История императора Николая II и его царствования нелегко дается историкам. Уже теперь на фоне ее вырисовываются два противоположных, могущих казаться исключаящими друг друга явления: 1) чрезвычайный, почти неслыханный рост благосостояния русского народа почти во всех областях государственной жизни и 2) трагический конец царствования, бросивший великую страну в омут неслыханных бедствий, поставивших ее на край бездны...» На пути исследователей стоит много преград. Это не только труднодоступность или порой отсутствие документальных данных, но и сложность понимания и объяснения причин происходившего в те годы многоаспектного исторического процесса.

Катастрофе Российской империи в немалой степени способствовало всепожирающее пламя Первой мировой войны, в горниле которого жертвами пали еще две династии: Гогенцоллернов в Германии и Габсбургов в Австро-Венгрии. Парадоксальность событий заключалась в том, что в открытом военном противостоянии столкнулись и рухнули три старейших европейских Императорских Дома, некогда стоявших единым щитом против наполеоновских притязаний на мировое господство. Последствия катастрофы оказались в какой-то степени трагичными не только для народов поверженных стран, но и для судеб мировой цивилизации. В России и Германии вскоре возникли тоталитарные режимы, хотя и с разными векторами направленности, но с одинаковыми притязаниями на нераздельное политическое влияние на нашей планете.

В данной работе автором делается попытка раскрыть наиболее неясные страницы в судьбе погибших членов императорской фамилии, включая многодетную царскую семью, в годы Гражданской войны. Вместе с тем здесь кратко говорится и о судьбе тех, кто сумел выехать за пределы России и тем спасти свою жизнь.

Книга написана на основе документов, в ряде случаев неизвестных не только широкому кругу читателей, но и профессиональным историкам. В ней привлечены материалы «Чрезвычайной Следственной Комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших царских министров и прочих должностных лиц» (ЧСК) при министерстве юстиции Временного правительства, документы и материалы, журналы заседаний и постановлений Царского и Временного правительств, ВЦИК, Совета Народных Комиссаров РСФСР. Нами использованы документы Наркомата юстиции, НКВД, ВЧК и местных ЧК, а также других советских органов власти. Мы привлекли материалы российской эмиграции (в частности, РЗИА³) и белогвардейских правительств, в том числе следственные дела по убийству царской семьи, составленные судебным следователем Н.А. Соколовым и прокурором В.Ф. Иорданским. Широко использовали документы из личных фондов царской семьи (в

---

³ Русский Зарубежный Исторический Архив (РЗИА), эмигрантские материалы которого до Второй мировой войны хранились в Праге (Чехословакия).

том числе дневники, письма и т. п.), великих князей и других представителей императорской фамилии и их ближайшего окружения. Отметим, что среди этих материалов имеются дела, сформированные Екатеринбургским Совдепом во время пребывания Романовых в ссылке весной и летом 1918 г. на Урале, изъятые после их расстрела и привезенные Я.М. Юровским в Москву. Удалось также выявить документы, воспоминания и свидетельства охранников и палачей Романовых. Все это в комплексе с печатными и архивными источниками, мемуарами и периодической печатью позволяет последовательно проследить развитие событий по уничтожению династии Романовых, вскрыть «тайные пружины» осуществления этой планомерной и кровавой акции. При этом мы стремились говорить с читателем максимально именно языком документов, оставляя за ним право выводов.

Прежде чем говорить о трагических судьбах Романовых и о грехах, в которых их обвиняют, необходимо хотя бы в общих чертах представлять, чем являлась Россия на рубеже веков? С каким экономическим и культурным потенциалом она вступила в полосу сценария, по которому через короткий промежуток времени развернулись упомянутые нами трагические события в Перми, Екатеринбурге, Алапаевске и Петрограде. Эта точка зрения аргументируется неизвестными ранее документами. В частности, это последние дневники великого князя Михаила Александровича и царской четы; протоколы допросов свидетелей по «царскому делу и убийству великих князей», составленные белогвардейским следствием. С другой стороны имеются материалы ВЧК и советских властей. Среди них воспоминания и свидетельства палачей, охранников, служащих советских учреждений, а также сообщения прессы с последующей дезинформацией о судьбе Романовых и другими материалами.

Временное правительство в обстановке разжигания и растущей ненависти толпы, требующей казни всех Романовых, с трудом сохранило им жизнь. Но при этом, как свидетельствуют документы, не встретив должной поддержки со стороны союзников (Антанты) и некоторых влиятельных зарубежных «венценосных родственников» русской династии, не сумело отправить царскую семью и ряд великих князей за пределы страны. Последствия этого были трагичны.

Мы обращаем внимание читателей на тот факт, что Совнарком, в какой-то мере, «унаследовал» от Временного правительства «вопрос» судьбы Романовых.

Советское правительство до определенного момента продолжало политику своих предшественников, но затем пошло на более жесткие меры. Весной 1918 г. 13 членов Императорского Дома были привезены на Урал. Возможно, в это же время разрабатывался и план их уничтожения в случае обострения политической и военной обстановки.

Политическая и криминальная акция чекистов по похищению и убийству великого князя Михаила Романова в Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. была генеральной репетицией того сценария, по которому в дальнейшем развернулись трагические события в Екатеринбурге и Алапаевске.

Особенно убедительно контуры общего плана по осуществлению уничтожения Романовых на Урале прослеживаются в «алапаевской трагедии». Спустя сутки после расстрела царской семьи в Екатеринбурге, в ночь с 17 на 18 июля 1918 г. в шахте под Алапаевском была тайно чекистами убита варварским способом группа великих князей и родная сестра царицы великая княгиня Елизавета Федоровна. Документы белогвардейского следствия по этому делу прокурора В.Ф. Иорданского, а с другой стороны материалы ЧК, свидетельствуют, что в Алапаевске также был использован весь предшествующий и апробированный арсенал средств: тайное убийство, поданное как «бегство», и последующая дезинформация общественного мнения в прессе. Однако всё тайное становится рано или поздно явным, и следы содеянного преступления большевиков были обнаружены, а его участники полностью изобличены.

Не меньшей таинственностью была окружена казнь царской семьи в полуподвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге, что породило массу версий. И здесь чекисты первоначально пытались организовать «бегство» Романовых. Этот замысел с помощью провокационных «подметных писем офицера» не удался, и была расстреляна вся царская семья, включая детей и приближенных. Советское правительство признало только факт казни Николая II. Раскрытие тайны убийства всей царской семьи в РСФСР последовало лишь в 1921 г. после появления сначала статьи, а затем и книги бывшего члена Екатеринбургского Совдепа П.М. Быкова «Последние дни Романовых» (Свердловск, 1926). Вся последующая советская историография отражала официальную версию, выводящую Совнарком из-под прямой ответственности по принятию решения о расстреле Романовых, приписывая эту инициативу и перекладывая ответственность на местные власти – на Уральский областной Совет. Этот богатый криминальный «опыт» был использован большевиками на практике и позднее, в аналогичной ситуации при расстреле адмирала А.В. Колчака в Сибири. Казнь «верховного правителя» и на этот раз была преподнесена как инициатива и вынужденная мера местного ревкома. Однако документы, изобличающие роль вождей «мировой революции» в данной секретной акции по ликвидации врага Советской власти, утаить не удалось. Теперь они опубликованы, включая секретные прямые предписания В.И. Ленина. Примечательно, что в конце января 1919 г. в Петрограде большевиками были открыто и демонстративно расстреляны великие князья: Павел Александрович, Дмитрий Константинович, Георгий и Николай Михайловичи, – с помещением об этом сообщения в периодической печати. Их могилы на территории Петропавловской крепости до сих пор неизвестны. Казнь великих князей чекистами в Петрограде была совершена, как утверждалось позднее, в ответ на арест и затем убийство революционеров Карла Либкнехта и Розы Люксембург в Германии.

В последние годы в России, после длительного замалчивания, появился целый ряд статей и публикаций (на основе «записки» чекиста Я.М. Юровского), в которых приводятся некоторые детали обстоятельств убийства царской семьи. Однако в этом потоке сообщений часто содержатся отрывочные и порой противоречивые сведения, основывающиеся не на документальных фактах, а на предположениях и логических умозаключениях. Порой эти сообщения не только не приближают к раскрытию тайн гибели династии Романовых, но и ведут к созданию новых мифологических версий. Только разработка архивных документов в центральных и местных государственных архивах, в том числе включая ведомственные материалы ВЧК-ОГПУ-МГБ-КГБ-ФСБ, позволит приблизиться к раскрытию «белых пятен» в крушении и гибели Дома Романовых.

4–6 июля 1991 г. под Свердловском на Урале было официально вскрыто захоронение с останками царской семьи, которые еще ранее были обнаружены местными энтузиастами во главе с геологом А.Н. Авдониным и известным киносценаристом Г.Т. Рябовым. Более года шла экспертиза данных материалов «тайного захоронения» криминалистами местной прокуратуры. Однако скоро выяснилось, что «уголовное дело» не имеет перспектив, и оно было закрыто Свердловской областной прокуратурой «за давностью лет» совершенного преступления. В периодической печати появился целый ряд острых критических статей на эту тему. Итогам этого же расследования была посвящена Международная конференция, которая состоялась 27–28 июля 1992 г. в Екатеринбурге. Позднее этой проблеме были посвящены еще ряд научных конференций, которые, однако, не дали окончательного ответа и оставили многие вопросы открытыми, в том числе о «подлинности» обнаруженного земного последнего пристанища императора. (См.: «Тайна Царских останков. Материалы научной конференции “Последняя страница истории царской семьи: итоги изучения екатеринбургской трагедии”». Екатеринбург, 1994.)

Через некоторое время это «дело» неожиданно вновь было «реанимировано», но уже в Москве. По указанию Генерального прокурора Российской Федерации 19 августа 1993 г.

было возбуждено уголовное дело, которому был присвоен № 16/123666. Ведение следствия поручили старшему прокурору-криминалисту В.Н. Соловьеву.

23 октября 1993 г. распоряжением председателя Правительства Российской Федерации В.С. Черномырдина была создана специальная «Комиссия по изучению вопросов, связанных с исследованием и перезахоронением останков Российского императора Николая II и членов его семьи», работу которой возглавил Ю.Ф. Яров. Целью комиссии, судя по архивным документам, являлось: на основе «достаточности и достоверности исследований выдача рекомендаций Правительству по захоронению останков царской семьи и их приближенных». Работе специальной государственной комиссии под председательством Ю.Ф. Ярова – Б.Е. Немцова и ходу проведения следствия Генеральной прокуратурой Российской Федерации нами будет уделено особое внимание.

Так была перевернута еще одна таинственная страница, связанная с историей гибели династии Романовых. По мнению некоторых исследователей и общественных деятелей, данная тема из области исторической перешла в разряд политической проблемы.

Наша книга, конечно, не исчерпывает всей полноты темы, но надеемся, что она позволит раскрыть новые неизвестные страницы истории последних лет Дома Романовых для многих читателей, разрешит по-новому взглянуть на, казалось бы, всем знакомые и в то же время незнакомые исторические факты Российского государства.

В июле 1998 г. состоялась церемония торжественного захоронения при всем народе останков императора Николая II и членов его семьи в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. Это событие было неоднозначно встречено как в России, так и мировой общественностью. В частности, на похоронах был первый Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин, но не было Патриарха и официально РПЦ дистанцировалась от этой «политической акции» (по мнению некоторых). Тем не менее царская семья была канонизирована по решению церковного архиерейского собора в августе 2000 г. в Москве, а еще ранее в октябре – ноябре 1981 г. это было сделано РПЦЗ в Вашингтоне (США).

Следует еще раз отметить, что в последние годы внимание российского общества было привлечено к судьбе царской семьи рядом обстоятельств: вскрытие тайного захоронения «бывших узников Ипатьевского дома» под Екатеринбургом и торжественное погребение их по православному обряду в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга; возвращение на родину части подлинных документов: следственного «дела об обстоятельствах убийства царской семьи и представителей Российского Императорского Дома Романовых на Урале» (архив белогвардейского следователя Н.А. Соколова); причисление последнего императора и его семьи к лику страстотерпцев Поместным архиерейским собором РПЦ в августе 2000 г.

В начале 2008 г. было широко объявлено в средствах массовой информации об обнаружении (еще осенью 2007) под Екатеринбургом отсутствующих ранее в «тайном царском захоронении» останков младших Романовых: цесаревича Алексея Николаевича и его сестры Марии. Автор имеет в отношении всех этих событий свое мнение.

Мы считаем, что академический труд по установлению истины, тех далеких и трагических событий начала XX столетия, еще впереди. Наша первоочередная задача обозначить эту проблему и попытаться дать ответы на некоторые из ранее поставленных нами вопросов.

Мне бы не хотелось, чтобы эта книга углубляла размежевание российского общества относительно различных политических ориентаций, а послужила только для того, чтобы каждый задумался об истинном предназначении России на своем жертвенном пути развития цивилизации и роли каждого из нас в общей судьбе нашего Отечества. Как известно, все события в этом мире взаимосвязаны. Особенно понимаешь это «во времена великих перемен». Такие времена пережили представители династии Романовых: революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, крушение прежнего мира в 1917 г., начало пожара Граждан-

ской войны и всеобщей разрухи в России. Известно, что история общества развивается по спирали своеобразными циклами, которые, в какой-то мере, повторяются на новом этапе своего пути. Многие события «смутного времени» были зафиксированы в личных дневниках, письмах и других документах бывших «венценосцев». Сегодня, читая эти исторические реликвии, невольно возникают и напрашиваются сравнительные аналогии с нашим беспокойным, переломным периодом конца XX – начала XXI в. Это неудивительно, т. к. мы являемся очевидцами многих событий и исторических уроков, которые уже переживала и проходила многострадальная наша отчизна. История предупреждает от повторения ошибок, а порой и наказывает нерадивых учеников новыми испытаниями. Попробуем связать и проследить историческую нить времен, которую неоднократно пытались оборвать и начать сначала, но на свой лад временщики России.

Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже коровы
И белых и красных жестокий обман.

Из «Центурий» Нострадамуса

Глава I

Коллективный портрет на историческом фоне

Говорить о царствовании Николая II – легко, говорить о личности последнего самодержца России – трудно. И не только потому, что царствование его было у всех на виду, а личная жизнь скрыта, но еще и потому, что любой человек неповторим и это всегда загадка, тайна и мистика. Это тем более трудно сделать в отношении императора Николая Александровича и его супруги императрицы Александры Федоровны (урожденная немецкая принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадтская) – натур сложных и противоречивых, вокруг которых до сих пор в общественном мнении бытуют взаимоисключающие характеристики.

Часто о личности мы судим не только по словам, но по выражению глаз и улыбке, по чертам характера, по делам и поступкам. Порой слово, случайно сорвавшееся с уст, характеризует героя гораздо ярче и правильнее, чем целая речь, заранее им обдуманная и произнесенная, но не отвечающая его убеждениям, а служащая для достижения поставленной цели. Поэтому к пониманию сути «венценосных особ», по нашему мнению, легче подойти путем знакомства с отдельными фактами и эпизодами из их жизни, так внезапно и трагически оборвавшейся. Монархист В.В. Шульгин говорил, что «цари живут в стеклянных дворцах – все, что делается в их стенах, становится сейчас же известно». Пристально всмотримся в черты портрета императорской семьи, чтобы лучше понять как их самих, так и ход исторических событий.

* * *

В мятежное время Февральской и Октябрьской революций, да и после гибели Николая II, периодическая печать и многочисленные мемуары современников отмечали фатальность судьбы бывшего царя. Газеты и журналы, отдающие дань повальному увлечению читателей «окультурными науками» и сеансами спиритизма, пестрели подобного рода заметками:

«Число 23 в жизни Николая II.

– ...Видите ли, – серьезно ответил мне астролог, – ...в жизни Николая II, несомненно, странную роль играет число 23. Родился он 6 мая (по старому стилю) 1868 года; 23 апреля по старому стилю как раз будет 6 мая по новому; сумма цифр рождения $1 + 8 + 6 + 8$ тоже = 23. Если затем к году рождения – 1868 – прибавим 23, то получим – 1891, год, когда на Николая – и именно 23 апреля – в Токио покушался японец Санзо Цуда.

Далее: Николай вступил на престол в 1894 году, если к этому числу прибавить 23, то получим – 1917, год его отречения. Царствовал он 23 года. Наконец – именины женщины, сыгравшей такую роль в его жизни, Александры Федоровны – 23 апреля...

Интересно, что сумма цифр 1917 равна 18-ти, то же, что у другого трагического для русского абсолютизма года 1881-го, года, когда был убит Александр II, и, собственно говоря, началась русская революция...»

Заметка относится к лету 1917 г., грешит рядом неточностей, но заканчивается прозрачным намеком на обреченность бывшего «помазанника Божия». Если быть точными и продолжать подобную арифметику, то Государь император Николай Александрович царствовал 22 года, 4 месяца и 18 дней, вступив на Российский престол 26 с половиной лет от роду.

По продолжительности царствования он занимал в ряду русских императоров шестое место, уступая лишь Петру Великому, Екатерине II, Александру I, Николаю I и Александру II.

Наличие религиозного мистицизма в характере Николая II отмечал французский посол в России Морис Палеолог: «Однажды Столыпин предлагал Государю важную меру внутренней политики. Задумчиво выслушав его, Николай II делает движение скептическое, беззаботное, движение, которое как бы говорит: “Это или что-нибудь другое, – не все ли равно”... Наконец, он заявляет грустным голосом:

“Мне не удастся ничего из того, что я предпринимаю, Петр Аркадьевич. Мне не везет... К тому же человеческая воля так бессильна”...

Мужественный и решительный по натуре, Столыпин энергично протестует. Тогда царь у него спрашивает:...

– Знаете ли вы, когда день моего рождения?

– Разве я мог бы его не знать?

– Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

– Простите, Государь, не помню.

– Иова Многострадального.

– Слава Богу, царствование Вашего Величества завершится со славой, так как Иов, смиренно претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божиим и благополучием.

– Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания; но не получу моей награды здесь, на земле... Сколько раз применял я к себе слова Иова: “...Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне”»¹⁰.

В самом деле, какой-то злой рок, казалось, отметил его судьбу скорбной печатью. Шла молва, что в день крестин новорожденного великого князя, в то время, когда шествие направлялось из храма под торжественный перезвон колоколов, орден «Андрея Первозванного», жалуемый при рождении каждому члену императорской фамилии, вдруг неожиданно сорвался с подушечки, которую нес церемониймейстер, и с шумом упал на пол. «Недоброе, худое предзнаменование», – роптали суеверные люди. В действительности, как утверждают исторические документы, такого происшествия не было. Однако эта мысль невольно возникла вновь, когда впоследствии царствование Николая II, начавшись страшной ходынской катастрофой в дни коронавания императора в Москве, было отмечено печатью многих трагических вех истории российской: неудачная Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., кровавая бойня Первой мировой войны, всепожирающее пламя революции 1917 г. и гражданской междоусобицы. Предчувствие рока постепенно проникло в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а там дальше... Божья воля.

Следует заметить, что в семье Романовых знали о предсказании святого Серафима Саровского, записанном, по слухам, каким-то генералом и якобы хранящимся в департаменте полиции, гласившем о сыне Александра III приблизительно следующее: «Начало двадцатого века: кровопролитная война. Глад, мор, трясение земли. Сын восстанет на отца и брат на брата. Царствование долгое (чуть не шестьдесят лет), первая половина его тяжкая, вторая светлая и покойная».

Ни задатки юного великого князя Николая Александровича, ни начало жизненного пути наследника престола, казалось, не предвещали трагического финала. Флигель-адъютант А.А. Мордвинов, находившийся долгое время при императоре Николае Александровиче и великом князе Михаиле Романове, описывал случай, рассказанный ему учителем английского языка «венценосных» братьев К.И. Хиссом: «Однажды мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывается въезд короля, любившего простонародье, и которому толпа восторженно кричала: “Да здравствует король народа!” Глаза у мальчика заблестали, он весь покраснел от волнения

и воскликнул: «Ах, вот я хотел бы быть таким...». Это интимное желание быть любимым «многими», «всеми», по преимуществу простыми людьми и притом только русскими, хотя и было запрятано у Николая Александровича глубоко, все же чувствовалось во многих случаях и впоследствии...»¹¹

Впечатления детства, как всем известно, наиболее сильны и памятны. Они в значительной степени определяют позднее весь мир человека и влияют на его психику. Именно в них – в этих «наивных грезах» или «детских страхах» – часто кроются подлинные мотивации многих последующих его действий и поступков.

Большое влияние на формирование личности юного Николая имели его августейшие родители. Позднее Александра Петровна Олленгрэн – воспитательница царских детей, както вспоминала, что получила от Александра III (тогда еще наследника престола великого князя Александра Александровича) устную инструкцию, которой ей следовало руководствоваться: «Ни я, ни великая княгиня не желаем делать из них (Николая и его брата Георгия. – В.Х.) оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, повадки не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, а я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне «фарфора» не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся – пожалуйте. Но доказчику – первый кнут. Это – самое мое первое требование»¹².

Воспитанием мальчиков, в числе прочих, занимался и англичанин мистер К.И. Хисс, который не только научил своих подопечных говорить по-английски, но и в совершенстве стрелять, ездить верхом, ловить рыбу и т. п. Он часто говаривал Николаю: «Пользуйтесь временем, пока Вы еще наследник, прислушивайтесь к правде; Вы еще можете ее изредка слышать, а когда будете царем, никогда уже не услышите». Но наследник Российского престола усвоил и другое внушение своего наставника генерала Г.Г. Даниловича: «Помните, Ваше Высочество, что каждый из ваших приближенных преследует, прежде всего, свою личную пользу». Цесаревич с малых лет твердо знал, что «русские цари поставлены самим Богом, что русские цари, как защитники и носители национального духа страны, должны являться для народа последним оплотом отеческой доброты и бесконечной справедливости»¹³.

Ребенок рос тихий и задумчивый. С ранних лет в нем уже складываются основные черты его характера: чувство долга и самообладания.

«Бывало, во время крупной ссоры с братьями или товарищами детских игр, – вспоминал К.И. Хисс, – Николай Александрович, чтобы удержаться от резкого слова или движения, молча уходил в другую комнату, брался за книгу и, только успокоившись, возвращался к обидчикам и снова принимался за игру, как будто ничего не было»¹⁴.

От своих наставников Николай усвоил главное: воспитание не заканчивается в юношеском возрасте. Для того чтобы успешно пройти свой жизненный путь, необходимо постоянно работать над собой, что борьба со своими недостатками и развитие природных способностей и талантов есть нравственный долг каждого человека. Он всю жизнь добросовестно следовал этим мудрым наставлениям, постоянно стремился к самосовершенствованию. Так, например, много лет спустя в беседе с министром С.Д. Сазоновым, когда разговор коснулся свойственной многим людям раздражительности, император Николай II, слегка улыбаясь, сказал: «Эту струну личного раздражения мне удалось уже давно заставить в себе совершенно замолкнуть. Раздражительностью ничему не сможешь, да к тому же от меня резкое слово звучало бы обиднее, чем от кого-нибудь другого»¹⁵.

Некоторые министры затаили на императора Николая II обиду, т. к. бывало в их карьере случаи, когда он их хвалил и награждал за службу, а вскоре отправлял в отставку. Правда, это не исключало, что через какой-то промежуток времени они могли опять оказаться на

ответственных должностях, если их ошибки были не столь велики. Император не любил вступать в дискуссии и детально объяснять, что он хотел от своих подчиненных. Конечно, при желании, как известно, можно научить и «слона играть на барабанах», но как говорится в народной поговорке «стоит ли овчинка выделки». Проще было найти другого чиновника на высокий пост, который бы не забывал, что, прежде всего, должны быть интересы государства, а «не своя личная польза». Если между сановниками случались интриги и открытые конфликты, то «самодержец» обычно не выяснял долго, кто прав или кто виноват. Он часто убирал обоих, что являлось острасткой на будущее для других государственных мужей и предотвращало «ведомственные войны». Государственный аппарат, по убеждению императора, должен был действовать как одно целое: четко и слаженно. Императора Николая II его недоброжелатели (особенно в советские времена) упрекали как «никудашного управленца» и не имеющего сильной воли, который не терпел тех, кто начинал своей славой бросать на него тень. Стоит напомнить, что благодаря последнему царю во главе правительства стояли такие выдающиеся личности, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, а Российская империя выдвинулась на передовые позиции в мире. Правда, когда как, казалось, всемогущий и незаменимый граф С.Ю. Витте за интриги получил отставку, то он посвятил себя написанию воспоминаний, в которых порой сквозит большая обида. В беседе с писателем А.С. Суворинным он с нескрываемым раздражением высказал, что император Николай II не «самоволец, а своеволец». В этом замечании, не правда ли, есть какое-то противоречие тому утверждению, что у царя была слабая воля. Конечно, все познается в сравнении. Вскоре в России наступили времена правления государственного деятеля, в характере которого и даже в выбранном им псевдониме, звучала зловещая воля – И.В. Сталин. Этим деятелем до сих пор некоторые наши соотечественники восхищаются, как заботливым «отцом народов» и талантливым управленцем, «поднявшего страну с колен» на недостижимую высоту. Хотя эту страну он и его соратники (общими усилиями) уронили после революций 1917 г. в пропасть анархии и экономического хаоса. Не стоит забывать и о методах управления Сталина, когда начальники выполняли свою должность не столько «на совесть», сколько «за страх». Можно было в любой момент оказаться в тюрьме, на Соловках или попасть под расстрел. Приближенным к Сталину наркомам или министрам нужно было к тому же обладать талантом «приспособленцев» и на интуитивном уровне почувствовать, что желает «вождь народов» или «хозяин». Генеральный секретарь на самом деле обладал властью большей, чем последний самодержец Николай II. Он фактически направлял все свои усилия, как бы усидеть на вершине государственной пирамиды, построенной большевиками. Социальный мировой эксперимент, основывающийся на сталинском тезисе «обострения классовой борьбы в условиях построения социализма, стоил больших жертв для простого народа. Каждый гражданин нашей свободной социалистической страны в случае малейшего не согласия или роптания оказывался под прессом отлаженной карательной системы ГУЛАГ. Однако путь к всеобщему добру не должен проходить через насилие, иначе добрыми намерениями дорога может быть вымощена в ад. Это не раз бывало во всемирной истории человечества. После смерти диктатора Сталина, даже более либеральные правители России в лице Генеральных секретарей ЦК КПСС часто применяли во многом все те же апробированные силовые методы управления. Так, например, для многих еще памятные события расстрела протестующего народа в Новочеркасске в «хрущевские времена», или усмирения не так давних «беспорядков» в Сумгаите, Тбилиси, Риге, а также последний расстрел «парламента» в Москве, который можно сравнить лишь с расстрелом Кремля большевиками в дни «октябрьского переворота» 1917 г. Однако не будем отвлекаться на проявление «родимых пятен» сторонников жесткой власти, т. к. в народной поговорке говорится: «Горбатого могила исправит». Вопрос лишь в том, стоит ли наступать на одни и те же грабли, которые вновь маячат на нашем пути, еще раз?

Следует заметить, что последний Российский император Николай II начал вести свой дневник в тринадцать с половиной лет и продолжал, практически без пропусков, ежедневно на протяжении почти 36 лет. Подобные дневники вели все члены царской семьи, в том числе и дети, но не с такой поразительной тщательностью. Первые свои регулярные дневниковые записи цесаревич заносил в небольшие памятные книжечки, выполненные типографским способом, где на каждый день были отпечатаны: даты по старому и новому стилю, указаны религиозные праздники, дни рождения и именины членов императорской фамилии и т. п. Каждая такая книжечка имела деревянные маркированные обложки с инкрустацией, выполненной из разных пород дерева. Они были подбиты белым муаром, имели золотой обрез и металлические замочки, которые закрывались маленьким ключиком, что относительно гарантировало тайну их содержания. Судя по записям в дневниках, они не были рассчитаны для посторонних глаз, непосредственны и по-детски искренни, порой однообразны и, вероятно, рассматривались воспитателями наследника престола как одно из обязательных дисциплинирующих ежедневных занятий.

Перелистаем несколько страниц этой реликвии:

«Мой дневник я начал писать с 1 января 1882 г.

1/13 Пятн[ица]. Обрезание Господне. Св. Василия Великого. Празднуется рожд[ение] Его Высочества Великого князя Алексея Александровича. День неприсутственный.

Утром пил шоколад; одевал л[ейб]-гв[ардии] резервный мундир; за завтраком с нами сидели Сандро и Петя; ходили в сад с Папа: рубили, пилили и разводили большой костер; легли спать около $\frac{1}{2}$ десятого»¹⁶.

Пропустим два дня: «**4/16 [января]. Понед[ельник]. Собор 70 Апостолов.**

Утром я читал “Хижину дяди Тома”; затем пили будничн[ый] кофе, или *café au lait* (кофе с молоком. – В.Х.); учились в означенные часы; за завтраком были кн. Юрьевская (морганатическая супруга императора Александра II. – В.Х.), Гого и беби, катались с Папа в санях и сами благополучно правили; после прогулки работали; у меня немного заболела голова, но к вечеру поутихла; после обеда играли в Арсенале, читали и легли спать в десятом часу.

5/17 [января]. Вторн[ик]. Муч[еника] Феопемпта.

В $\frac{3}{4}$ восьмого пили будничн[ый] кофе; учились; присутствовали на обедне и водосвятии; священник окропляет наши комнаты; Миша (великий князь Михаил Михайлович, флигель-адъютант. – В.Х.) был дежурным у Папа; завтракали с нами Миша и Н.К. Гирс; работали в “Зверинце” с Мишей и Mr. Heath; после обедали; затем я играл с Mr. Heath на бильярде и проиграл партию; [готовил] подарки кн. Юрьевской и часы; легли в десятом часу.

6/18 [января]. Среда. Богоявление Господне. День неприсутственный.

В 8 ч[асов] утра пили праздничн[ый] кофе; читали; были у Мама; одевали л[ейб]-гв[ардии] Преображенский мундир; были на обедне и присутствовали при водосвятии Серебрян[ого] оз[ера] у Эхо; в строю находились: терцы, кубанцы, сводная рота, 1-й эскадрон кирасирского п[олка].

Затем был большой завтрак – гуляли с д. Гегом (великий князь Сергей Александрович. – В.Х.); в 16 [часов] была елка [для] офицер[ов] всего конвоя: я раздавал билеты; после обеда играли в Арсенале; легли в десятом часу...

8/20 [января]. Пятн[ица]. Преп[одобных] Георгия, Емилиана, Григория.

Одевшись, читал “Хижину дяди Тома”; без двадцати минут восемь мы выпили будничн[ый] кофе; учились; завтракали с нами Елена и Володя Шереметевы; катались в санях: Георгий и я сидели на козлах, и оба поочередно правили, а Папа и Володя сидели сзади; после катания

мы пилили, рубили дрова, и Георгий разводил костер; во время обеда у Георгия заболела голова, и он лег на постель Гоша; затем он закутался в простыню на диване, пока Mr. Duperre читал ему “Grogue-mitaine”. Легли в десятом часу»¹⁷.

Первым записям дневника присущи лаконизм и некоторая монотонность, что, впрочем, соответствовало ритму распорядка дня повседневной жизни цесаревича. Иногда, правда, юному Николаю надоедало писать одно и то же, и тогда идут пропуски или подобные фразы: «Ничего необычного не произошло», «Весь день прошел по-обыкновенному».

Главное, по нашему мнению, что дневники цесаревича отражают не только фактологическую сторону происходящих событий в его жизни, но и дают представление о формировании его характера, привычках, склонностях и т. п. Однако по этим записям не видно и следа, что в цесаревиче ощущается превосходство его положения над окружающими, стремление быть лидером или жажды власти над другими. Вот одна из характерных его дневниковых записей 1882 г.:

«Январь. 13/25 Среда. Муч[еника] Ермила.

Встали в семь, читали; без двадцати минут восемь пили будний кофе; учились; у Георгия были опыты из естественной истории; Папа, Мама, Георгий и я принимали две депутации и двух человек особо; мне поднесли превосходно сделанную деревянную тарелку с надписью “Воронежские крестьяне – Цесаревичу” с хлебом-солью и русским полотенцем; завтракали с нами князь и княгиня Оболенские и баронесса Раден; работали в “Зверинце”; после обеда играли в Арсенале, затем я читал, и легли спать в 10-м часу»¹⁸.

Уже в это время Николаю было свойственно чувство такта, что отмечалось многими из современников, кто общался с ним. Великий князь Александр Михайлович (друг с детства Сандро) на склоне лет вспоминал о первой встрече с ним в 1875 г. в Ливадии:

«Длинная лестница вела от дворца прямо к Черному морю. В день нашего приезда, прыгая по мраморным ступенькам, полный радостных впечатлений, я налетел на улыбавшегося маленького мальчика моего возраста, который гулял с няней с ребенком на руках. Мы внимательно осмотрели друг друга. Мальчик протянул мне руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Его добрые глаза и милая манера обращения удивительно располагали к нему. Мое предубеждение в отношении всего, что было с севера, внезапно сменилось желанием подружиться именно с ним. По-видимому, я тоже понравился ему, потому что наша дружба, начавшись с этого момента, длилась сорок два года. Старший сын наследника цесаревича Александра Александровича, он взошел на престол в 1894 году и был последним представителем династии Романовых...

Ничто не может изгладить из моей памяти образа жизнерадостного мальчика в розовой рубашке, который сидел на мраморных ступеньках длинной Ливадийской лестницы и следил, хмурясь от солнца, своими удивительной формы глазами за далеко плывшими по морю кораблями. Я женился на его сестре Ксении девятнадцать лет спустя»¹⁹.

И далее, повествуя о времени коронации императора Александра III в Кремле, великий князь отметил:

«18 мая император отправился отдохнуть в свою резиденцию под Москвой – Нескучное, расположенную на берегу Москвы-реки под сенью векового парка.

Лежа в высокой, сочной траве и слушая пение соловьев над нашими головами, мы четверо – Ники, Жорж, Сергей и я – делились между собою тем совершенно новым, поразительным чувством спокойствия, полной безопасности, которое было у нас в течение всех коронационных празднеств.

– Подумай, какой великой страной станет Россия к тому времени, когда мы будем сопровождать Ники в Успенский собор, – мечтательно сказал брат Сергей.

Ники улыбнулся своей обычной мягкой, робкой, чуть-чуть грустной улыбкой»²⁰.

Отметим, что даже влиятельный сановник граф С.Ю. Витте, находившийся в последние годы с Николаем II в довольно сложных отношениях и явно его недолюбливавший, подчеркивал среди своих заслуг и достижений перед Россией решающую роль императора: «В сущности, я имел за себя только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных, это – доверие императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическому золотому обращению обязана исключительно императору Николаю II»²¹. И там же в своих воспоминаниях писал: «Во всяком случае, отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий император Николай II»²².

Дети императора Александра III были обычными нормальными русскими детьми. Несмотря на строгость и авторитет отца, они все же иногда позволяли себе шалить. Особенно часто это случалось, когда вместе с царскими детьми в Гатчине гостили их многочисленные двоюродные и троюродные братья и сестры не только больших семейств великих князей Владимира Александровича и Михаила Николаевича, но и зарубежных родственников. С.Ю. Витте вспоминал о начале своей карьеры при Александре III и впечатлении, произведенном на него царской семьей: «Государь пробыл в Киеве несколько дней. На обратном пути, не помню почему, Андреевский не мог сопровождать поезд, и я заменил его; с Государем приезжали и братья его: Владимир Александрович и Алексей Александрович. Помню, как теперь, что при отходе поезда все мы собрались на вокзале в царских комнатах. Сначала приехали великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, а затем, через несколько минут, император с императрицей и детьми, т. е. с двумя мальчиками: Николаем, нынешним императором, и братом его Георгием. Оба мальчика страшно шалили; там было много публики, в парадной форме провожающей Государя, и они все время бегали между ногами публики. Вдруг Владимир Александрович хватает за уши наследника Николая и сильно его дерет, говоря: “Я тебе говорю – перестань шалить”. Тогда я сказал кому-то, стоявшему около меня, что вот теперь Владимир Александрович дерет его за уши, а пройдет несколько десятков лет, как бы он ему этого не припомнил»²³.

Далее Витте делился своими заботами той памятной поездки: «Когда поезд останавливался на станциях, то цесаревич Николай и великий князь Георгий постоянно выбегали из вагона и бегали осматривать буксы вагона и паровоз. Гувернер постоянно говорил им, чтобы они этого не делали, но они все-таки каждый раз выбегали, так что я все время боялся, как бы не оставить на какой-нибудь станции цесаревича Николая и великого князя Георгия»²⁴.

Однако чрезмерные шалости не всегда благополучно сходили с рук царским детям. Если воспитателям не помогали словесные внушения, то в ход могли пойти и другие меры воздействия. В дневнике цесаревича за 29 мая 1882 г. имеется запись: «Мама нам подарила необходимые предметы для рыбной ловли; завтракал д. Пиц (великий князь Павел Александрович. – В.Х.); так как Георгий очень шалил за завтраком, то его повели в кусты, сняли панталоны и высекли веткой (попоша от этого странного обращения с ней раскраснелась); катались с Папа и Мама в коляске; ловили рыбу: я поймал трех одинаковых щук...»²⁵

По всеобщему мнению, любимцем Александра III из трех его наследников был младший сын Михаил, краснощекий здоровяк, с веселым и живым характером. Старшие братья Николай и Георгий не переставали удивляться, какие многие шалости строгий к ним отец прощал Мише. Как бы им досталось за такие вольности?! А в устах Миши эти шутки до слез смешили отца, заставляя его сотрясаться всем могучим телом. Вот одна из подобных сцен

из жизни царской семьи: «Взрослые сидят на террасе, возле которой внизу, в песке копаются Миша. Бывший в хорошем настроении духа, Александр III взял лейку с водой и, подозвав Мишу, сверху широкой струей забрызгал мальчика. Смеялся Миша, весело грохотал грузный отец, почтительно заливались присутствовавшие.

– Ступай, Миша, переодеваться. Весь, гляди, мокрый. Но Миша заупрямился.

– Ты меня поливал, теперь моя очередь, становись на мое место.

И вот Миша уже на террасе, с лейкой доверху полной водой, тербит отца:

– Скорее, папа, скорее.

Ничего не поделаешь: Александр III, как был в мундире, спускается вниз, становится на место Миши и терпеливо ждет, пока Миша не выльет всего содержимого лейки на лысину отца. Довольные друг другом, возбужденные оба, отец с сыном идут переодеваться»²⁶.

Как говорят, по задаткам юного отрока можно судить о характере мужа. Император Александр III мог оценить шутку и любил сам пошутить над другими.

Великий князь Кирилл Владимирович (старший сын великого князя Владимира Александровича) с теплотой вспоминал о времени, проведенном в детстве в кругу царской семьи: «Если мы не встречали Рождество в Царском, то проводили его с дядей Сашей, тетей Минни и нашими кузенами в Гатчине. Мы нередко ездили туда в течение года, но Рождество в Гатчине являлось особым поводом для сбора семьи.

Мы восхищались нашими старшими кузенами и несколько завидовали им, потому что они могли делать то, до чего мы еще не доросли.

Миша был любимцем дяди Саши, и мне тоже он очень нравился своим милым характером...

Елке и подаркам всегда предшествовала служба в церкви, после которой, по традиции нашей семьи, мы собирались в какой-нибудь темной комнате. Затем дядя Саша уходил в комнату, где стояла елка, чтобы узнать, все ли готово. Мы пребывали в томительном ожидании и страшно волновались. Наконец дядя Саша звонил в колокольчик и дверь распахивалась, и мы вбегали в комнату, где на столах вокруг елки нас ожидали великолепные подарки.

Мы очень любили дядю Сашу, он был исключительно добр к нам, и многие счастливейшие часы моего детства, особенно зимой и ранней весной, я провел у него в Гатчине. Туда нас часто приглашал на уик-энд кузен Миша. Весной мы ходили на веслах по живописным, кристально чистым озерам парка, питавшимся родниковой водой, а летом совершали прогулки на велосипедах по его аллеям.

Зимой мы играли во всевозможные игры на снегу: катались на коньках и съезжали на санях с ледяных гор на территории дворца. Спуск был крутым и очень быстрым. Я обычно сидел на коленях матроса, возглавлявшего процессию. Царило беспредельное веселье. Дядя Саша часто наблюдал за нашими играми, получая от них не меньшее удовольствие, чем мы сами»²⁷.

В дневнике цесаревича Николая за 1884 г. имеется запись: «11 июня. Понедельник. Утром шел дождь. Мама ездила верхом с д. Пицом. Завтракали с т. Мари (великая княгиня Мария Александровна. – В.Х.), д. Пицом, Петюшой и Боголюбов. Гуляли с Папа в Александрии. Погода совсем прояснилась. После обеда ездили верхом: я на Карабахе, брат на Гусаре. Я объехал кругом всей Александрии 4 с половиною раза. Вечером Папа нас поливал. Вода попала за голенища наших сапог. Мы поднимали ноги, и вода вытекала струей, наподобие гадящих собак. Тетя Мари помирала при этом со смеху. Конечно д. Пиц подпустил несколько нравоучительных фраз, которые я дурно расслышал»²⁸.

Граф С.Ю. Витте позднее отмечал свое общее впечатление от наблюдаемых им взаимоотношений подрастающего поколения в царской семье: «Больше всех император Александр III любил своего сына, Михаила Александровича.

Почему человек любит того или другого – это тайна души, а потому трудно было бы объяснить, почему император Александр III больше всего любил своего Мишу. Но факт тот, что он его любил больше всех.

Все дети императора Александра III, не скажу, чтобы боялись отца – нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей и во время прогулок он с ним играл. Вот както они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончалось тем, что император Александр III взял этот рукав – это было летом – и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

– Затем, – рассказывал мне камердинер, – после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, оперся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый рукойойник воды и всю эту воду вылил на голову Государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось»²⁹.

Николай Александрович всю жизнь любил и чтил своих родителей, которые уделяли много внимания и времени детям. Когда дети были маленькими, то одним из любимых их развлечений было поочередное катание на длинном шлейфе платья своей дорогой Мама, которая с веселым смехом возила их по зеркальному паркету дворца. Не меньше восторга доставляло детворе, когда обожаемый Папа позволял им гурьбой забираться на его могучую спину, и он на четвереньках, пыхтя, изображал паровоз, неустанно ползал с ними, полностью отдаваясь общему веселью. Такие милые сердцу сценки можно было наблюдать не только в Гатчинском дворце, но и на отдыхе царской семьи у родственников в Дании, где король Христиан IX шутил, строго покрикивал на разбушевавшуюся малышню: «Дети! Прекратите лупить русского царя!» Общее восхищение детей и взрослых вызывала физическая сила Александра III, когда в его могучих руках толстый железный прут как бы сам по себе завязывался в узел, а массивная кочерга могла превратиться в восьмерку. Он всем на удивление легким движением пальцев запросто гнул серебряный рубль, ломал подкову или рвал на несколько частей сложенную колоду карт. Далеко не каждому такое было под силу, хотя, повзрослев, его сыновья Николай и особенно Михаил освоили некоторые из подобных трюков обожаемого «венценосного отца».

В дневниках юного цесаревича Николая имеется множество свидетельств о тесном общении с родителями: «Ходили гулять с Папа вокруг озера и в “Зверинец”; была великолепнейшая погода, очень жаркая; мы вдвоем ломали лед палками; нас провожал до средних ворот северный олень, ожидая получить хлеба, но у нас его не было...»

«Гуляли с Папа и Мама в “Зверинце”; обедали; в Арсенале была маленькая лекция Миклухо-Маклая; он рассказывал о своем 12-летнем пребывании в Новой Гвинее и показывал нам свои рисунки...»³⁰

Ходили слухи, что великий путешественник предлагал принять в состав Российской империи папуасов Новой Гвинеи. На это Александр III мудро заметил, что у него со своими «туземцами» проблем хватает.

Продолжаем листать далее дневник: «В первый раз катались на коньках; много работали с Папа и Mr. Heath над очищением будущего катка от снега...» и т. д. В ответ царские дети боготворили своих родителей.

В первом дневнике цесаревича можно найти упоминания о подготовке своими руками простых детских подарков к дню рождения дорогого отца:

«Февраль. 7/19 Воскр[есение]. Преп[одобных] Парфения и Луки.

Проснувшись в семь и одевшись, сели за чтение; пили праздничный кофе; чистили [клетки] канареек и попугаев и рисовали для Папа...»³¹ Наконец, наступил долгожданный для царских детей день: **«Февраль. 26/10 Пятн[ица]. Св. Порфирия, архиепископа. Рождение] Его Величества, Государя Императора Александра Александровича. День неприсутственный.** Проснувшись и одевшись, сели за шоколад; читали; надели мундиры новой формы моего Московского и Иркутского полков; подарил Папа собственные картинки и зверей; получили письма от Mr. Heath; ходили к обедне; завтракали в Арсенале; Сандро и Петя сидели с нами; последний остался весь день у нас; катались с горы и попеременно [пролазили] через маленькое отверстие в снегу; обедали у себя в половине шестого; играли у Ксении в конек-горбунок; Петя уехал, а мы легли спать в половине десятого»³².

Цесаревич Николай во многом стремился подражать отцу и нежно любил мать, на которую, по мнению родственников и приближенных, очень был похож. Повзрослев, Николай Александрович признавался, что являлся любимцем матери, в отличие от отца, который больше благоволил к младшему, Михаилу. Император Николай II всю жизнь в душе хранил теплые воспоминания о счастливых и беззаботных днях раннего детства и по просьбе своих дочерей часто рассказывал им занятные различные истории: «Когда я был маленький, – говорил он, – я был любимцем моей матери. Только появление маленького Миши отставило меня, но я помню, как я следовал за ней всюду в мои ранние годы. Мы проводили чудесно время в Дании с моими кузенами. Все собирались вместе в Берисдорфе. Нас было так много, съезжавшихся к нашему деду (королю Христиану IX), что некоторые из моих греческих кузенов спали на диванах в приемных комнатах! Мы купались в море. Я помню, как моя мать выплывала далеко в Зунд со мною: я сидел на ее плечах. Были небольшие волны, и я схватился за ее курчавые короткие волосы своими обеими ручками, и так сильно, что она крикнула от боли. Наша цель была специальная скала в море, и когда мы ее достигали, мы были оба в восторге»³³.

Страшным потрясением для юного Николая была гибель от рук революционеров-террористов деда – императора Александра II, что оставило в его душе (как свидетельствуют дневниковые записи) неизгладимое впечатление на всю жизнь.

В воскресенье утром 1 марта 1881 г. император Александр II одобрил проект правительственного сообщения о созыве представителей земств. Вскоре среди бела дня в самом центре столицы, на Екатерининском канале, в императорскую карету Н.И. Рысаковым была брошена бомба. Это седьмое покушение «народовольцев» на Александра II оказалось роковым. Кучер, конвоирующие карету казаки и случайные прохожие оказались ранеными и некоторые из них скончались на месте. Оставшийся невредимым император успел выйти из разбитой кареты и поспешил оказать помощь пострадавшим, но тут же был сражен второй бомбой еще одного террориста, И.И. Гриневицкого. Взрывом Александру II сильно раздробило ноги и всего изрешетило осколками. Смертельно раненный император приказал немедленно доставить его в Зимний дворец и, теряя сознание, побелевшими губами шептал по

дороге: «Во дворец... Там умереть...». В три часа тридцать минут пополудни он скончался от потери крови.

Спустя многие годы, во время Первой мировой войны, император Николай II с грустью рассказывал на прогулке в парке детям о мученической смерти своего деда Царя-Освободителя.

«Мы завтракали в Аничковом дворце, мой брат и я, – говорил он, – когда вбежал испуганный слуга: «Случилось несчастье с императором, – сказал он. – Наследник (Александр III) отдал приказание, чтобы великий князь Николай Александрович (то есть я) немедленно приезжал бы в Зимний дворец. Терять время нельзя».

Генерал Данилов и мы побежали вниз и сели в какую-то придворную карету, помчались по Невскому к Зимнему дворцу.

Когда мы поднимались по лестнице, я видел, что у всех встречных были бледные лица. На ковре были большие красные пятна. Мой дед истекал кровью от страшных ран, полученных от взрыва, когда его несли по лестнице. В кабинете уже были мои родители. Около окна стояли мои дядя и тетя. Никто не говорил. Мой дед лежал на узкой походной постели, на которой он всегда спал. Он был покрыт военной шинелью, служившей ему халатом. Его лицо было смертельно бледным. Оно было покрыто маленькими ранками. Его глаза были закрыты. Мой отец подвел меня к постели. «Папа, – сказал он, повышая голос, – Ваш «луч солнца» здесь». Я увидел дрожание ресниц, голубые глаза моего деда открылись, он старался улыбнуться. Он двинул пальцем, но не мог поднять рук, ни сказать то, что хотел, но он, несомненно, узнал меня. Протопресвитер Баженов подошел и причастил его в последний раз. Мы все опустили на колени, и император тихо скончался. Так Господу угодно было», – печально закончил свой рассказ Николай II.

По свидетельству приближенных: «Он продолжал идти молча. Не было ни грубых слов по отношению к убийцам, ни возмущения. Покорность воле Божией была основой его религии, и его вера в Божественную Мудрость, которая направляет события, давали Николаю II то совершенно сверхъестественное спокойствие, которое никогда не оставляло его»³⁴.

Эту трагедию болезненно пережила вся императорская фамилия. Великий князь Александр Михайлович отмечал в своих воспоминаниях: «Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думающего о возможности вторичного покушения, не покидал нас. Мы понимали, что-то несоизмеримо большее, чем наш любящий дядя и мужественный Монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с Царем-Батюшкой и его верноподданным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы понимали, что русский Царь никогда более не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием... Романтическая традиция прошлого и идеалистическое понимание русского самодержавия в духе славянофилов – все это будет погребено вместе с убитым императором в склепе Петропавловской крепости. Взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам, и никто не мог отрицать, что будущее не только Российской империи, но и всего мира зависело теперь от исхода неминуемой борьбы между новым русским Царем и стихиями отрицания и разрушения»³⁵.

Эта драма, к сожалению, имела свои необратимые и далеко идущие последствия не только для династии Романовых, но прежде всего для исторической судьбы всей Российской империи. Государь Александр II был коварно убит накануне подготовленной им к обнародованию проекта первой конституции России.

Стоит отметить, что в воспоминаниях многих современников тех трагических событий содержатся упоминания о конституции, которую намеревался подписать убиенный император Александр II. Однако в дневнике великого князя Константина Константиновича (знаменитого поэта К.Р.) от 7 ноября 1882 г. имеется следующая любопытная запись: «Ходили с Папа гулять целых 2 часа... Я спрашивал Папа, действительно ли существовала какая-то

чрезвычайно важная бумага, которую покойный Государь будто бы уже подписал утром 1 марта. Папа отвечал, что бумаги этой не видал, но слышал про нее от княгини Юрьевской, и что про нее не было речи на совещании у нынешнего Государя 8 марта 1881 г.»³⁶.

Всю жизнь Николай II с чувством глубокой доброты вспоминал о своем деде, отмечая его дни рождения и трагической гибели присутствием на богослужении. По просьбе своих детей он любил в свободное время рассказывать им об императоре Александре II: «Когда я был маленьким, меня ежедневно посылали навещать моего деда. Мой брат Георгий и я имели обыкновение играть в его кабинете, когда он работал. У него была такая приятная улыбка, хотя лицо его бывало обычно красиво и бесстрастно. Я помню то, что на меня произвело в раннем детстве большое впечатление.

Мои родители отсутствовали, а я был на Всенощной с моим дедом в маленькой церкви в Александрии. Во время службы разразилась сильная гроза. Молнии блистали одна за другой. Раскаты грома, казалось, потрясали и церковь, и весь мир до основания. Вдруг стало совсем темно. Порыв ветра из открытой двери задул пламя свечей, зажженных перед иконостасом.

Раздался продолжительный раскат грома, более громкий, чем раньше, и вдруг я увидел огненный шар, летевший из окна прямо по направлению к голове императора. Шар (это была молния) закружился по полу, потом обогнул паникадило и вылетел через дверь в парк. Мое сердце замерло. Я взглянул на моего деда. Его лицо было совершенно спокойным. Он перекрестился, так же спокойно, как и тогда, когда огненный шар пролетал около нас.

Я почувствовал, что это и немужественно, и недостойно так пугаться, как я, я почувствовал, что нужно просто смотреть на то, что произойдет и верить в Господню милость так, как он, мой дед, это сделал.

После того как шар обогнул всю церковь и вдруг вышел в дверь, я опять посмотрел на деда. Легкая улыбка была на его лице, и он кивнул мне головой. Мой испуг прошел. И с тех пор я больше никогда не боялся грозы. Я решил всегда поступать как мой дед, давший мне пример исключительного хладнокровия»³⁷.

После злодейского убийства 1 марта 1881 г. императора Александра II на Российский престол взошел его 36-летний сын Александр III, решительно повернувший государственный курс от либеральных реформ к консерватизму.

8 (20) марта 1881 г. Александр III получил письмо из Англии от императрицы Виктории I: «Мой дорогой брат! Мой дорогой сын, ваш свояк (наследник английского престола Альберт-Эдуард. – *В.Х.*), будет носителем этих строк и передаст Вам мои чувства глубокого отчаяния и истинной грусти, которые я испытала, узнав о кончине Вашего дорогого отца. Я до сих пор пребываю в ужасе от этого страшного события, этого жуткого преступления, которое было так же воспринято везде в моем королевстве и за его пределами. В то же время я прошу Вас принять мои наилучшие пожелания по поводу Вашего счастья. Пошли Вам Бог необходимые силы для того, чтобы нести тот тяжелый груз, который Он Вам послал! Я попросила Берти представлять меня на грустной церемонии похорон Вашего Августейшего Отца. Я хочу Вам также объявить, что он от моего имени должен представить Вас к Ордену Подвязки. Я прошу передать Минни, что я очень счастлива, что она вскоре сможет, в качестве утешения, увидеть свою дорогую сестру. Позвольте выразить Вам еще раз мою глубокую симпатию и просить Бога хранить Вас, так же как Минни и ваших детей. Навсегда остаюсь, дорогой брат, Вашей любящей доброй сестрой. Виктория, королева и императрица»³⁸.

Другого рода было послание императору от Центрального исполнительного комитета партии «Народная воля», где значились строки: «В вашем положении есть лишь два выхода: или неминуемая революция, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добро-

вольное подчинение воле народа...». Идеи либерализма с юных лет были близки Александру III, но его нельзя было запугать или силой принудить к тому, чему он противился или в чем разочаровался. Такое давление вело к противоположному результату, его решительному размежеванию с либералами.

Бывшая фрейлина А.Ф. Тютчева делилась впечатлениями о произошедших переменах в облике Александра III: «Я говорила Государю о том стыде и горе, которые испытывает всякий русский при мысли о страшном преступлении, ответственность за которое падает на всю страну. “Нет, – живо возразил Государь, – страна тут ни при чем; это кучка негодных и фанатичных мятежников, введенных в заблуждение ложными теориями, у которых нет ничего общего с народом. Теперь нужно позаботиться оградить школы, чтобы яд разрушительных теорий, проникнувший в высшие классы, не проник в народные массы. К сожалению, выяснилось, что Желябов, стоявший во главе заговора, – крестьянин и очень способный человек”».

Я была очень взволнована и должна сказать, очень изумлена и поражена, слушая Государя, а еще больше, глядя на него.

Я знала Государя с детства, так как ему было лет восемь-девять, когда я вступила в должность фрейлины к покойной императрице. С этого раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекавшие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нем некоторую резкость и угловатость, что часто встречается у тех натур, которые для внешнего проявления требуют тяжелого усилия над собой. В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад.

Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, – одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами. Невозможно, видя его, как я его видела, не испытать сердечного влечения к нему и не успокоиться, по крайней мере, отчасти, в отношении огромной тяжести, падающей на его богатырские плечи; в нем видны такая сила и такая мощь, которые дают надежду, что бремя, как бы тяжело оно ни было, будет принято и поднято с простотой чистого сердца и с честным сознанием обязанностей и прав, возлагаемых высокой миссией, к которой он призван Богом. Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти»³⁹.

Можно согласиться с высказанным мнением, что перемены произошли разительные в поведении и облике нового императора. Несмотря на проявления твердого характера с первых шагов Александра III, его никак нельзя обвинить в пристрастии: повелевать и властвовать. Он даже в молодости и в мечтах не желал быть императором, о чем свидетельствуют многие документы. В тот день, когда великому князю Александру Александровичу исполнился 21 год (т. е. уже после неожиданной смерти наследника престола Николая), он с грустью записал в дневнике: «Вспомнил я письмо милого брата, которое он написал мне ровно год назад, где он поздравляет меня с 20 годами. Но вот его не стало, и он оставил мне свое место, которое для меня было всегда ужасно, и я только одного желал, чтобы брат мой был женат скорей и имел сына, тогда только, говорил я себе, я буду спокоен. Но этому не суждено было исполниться»⁴⁰.

Запомним эти строки, т. к. много лет спустя смысл их будет повторен младшим сыном Александра III великим князем Михаилом Александровичем. Однако положение, долг и обстоятельства часто меняют человека.

Через месяц, 2 апреля, пять заговорщиков террористов, причастных к взрывам бомб, были уже повешены. Он остается неуклонно верен консерватизму и все свое непродолжительное, но славное, особенно успехами во внешней политике, благодаря принципам мирного существования с другими странами, царствование. Таким образом, после бурных революционными событиями последних лет правления Александра II, Россия вступила в эпоху успокоения, не прерывавшуюся до смерти царя, которого в народе окрестили именем: Царя-Миротворца.

В придворной жизни прекратились былые интриги, исчез фаворитизм, так как Александр III был более постоянен в своих симпатиях и редко менял министров в правительстве, что вносило стабильность в государственный курс державы. Он являлся искренним пацифистом во внешней политике. За время его царствования отношения России к Германии хотя и утратили тот сердечный характер, которым они отличались при Александре II, но тем не менее сохранили полную доброжелательность.

Однако пацифизм императора Александра III исходил не от слабости Российской империи, и это он доказал с первых шагов царствования. Так, например, великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях писал:

«Не прошло и года по восшествии на престол молодого императора, как произошел серьезный инцидент на русско-афганской границе. Под влиянием Англии, которая со страхом взидала на рост русского влияния в Туркестане, афганцы заняли русскую территорию по соседству с крепостью Кушкою. Командир военного округа телеграфировал Государю, испрашивая инструкций. “Выгнать и проучить как следует”, – был лаконичный ответ из Гатчины. Афганцы постыдно бежали, и их преследовали несколько десятков верст наши казаки, которые хотели взять в плен английских инструкторов, бывших при афганском отряде. Но они успели скрыться.

Британский Ее Королевского Величества посол получил предписание выразить в С.-Петербурге резкий протест и потребовать извинений.

– Мы этого не сделаем, – сказал император Александр III и наградил генерала Комарова, начальника пограничного отряда, орденом Св. Георгия 3-й степени. – Я не допущу ничьего посягательства на нашу территорию, – заявил Государь. Гирс (министр иностранных дел. – В.Х.) задрожал.

– Ваше Величество, это может вызвать вооруженное столкновение с Англией.

– Хотя бы и так, – ответил император.

Новая угрожающая нота пришла из Англии. В ответ на нее царь отдал приказ о мобилизации Балтийского флота. Это распоряжение было актом высшей храбрости, ибо британский военный флот превышал наши морские вооруженные силы по крайней мере в пять раз.

Прошло две недели. Лондон примолк, а затем предложил образовать комиссию для рассмотрения русско-афганского инцидента.

Европа начала смотреть другими глазами в сторону Гатчины. Молодой русский Монарх оказался лицом, с которым приходилось серьезно считаться в Европе...

– Во всем свете у нас только два верных союзника, – любил он говорить своим министрам, – наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас»⁴¹.

Александр III возобновил «Союз трех императоров» при личном свидании с Вильгельмом I и Францем Иосифом в Скерневицах в 1884 г. Однако в 1887 г. Австрия вышла из этого союза, а в 1890 г. ее примеру последовала и Германия.

Таким образом, сближение России с Францией было лишь логическим последствием европейской политики ее прежних союзников. Но и тут царь придерживался своей обычной осмотрительности, представляя тенденции сближения с Францией идти не форсированным чередом. Усилению антипатий к Германии послужило и то, что супруга императора

Мария Федоровна (урожденная датская принцесса Дагмар) болезненно восприняла вместе со своей бывшей родиной потерю Шлезвиг-Гольштинии. При Российском Императорском Дворе лишь старый великий князь Михаил Николаевич (дядя царя) остался верен дружбе, соединявшей две династии – русскую и германскую.

Несмотря на сближение монархической России с республиканской Францией, русско-германские отношения не утратили своей корректности за все время царствования Александра III. Император Вильгельм II хотя и уклонился от возобновления союза в 1890 г., но, со своей стороны, способствовал сохранению дружественных отношений, отчасти под обаянием личности Александра III, отчасти же помня предсмертное завещание своего деда, всю свою внешнюю политику строившего на близости отношений с Россией.

Следуя заветам деда, молодой император Вильгельм II, по вступлении на престол, в первую очередь посетил Петербург, а не Вену, несмотря на союзные отношения, связывающие династии Гогенцоллернов и Габсбургов.

Любопытны обстоятельства этого визита в Россию. Когда германская эскадра приближалась к Кронштадту, то Александр III находился на мостике императорской яхты в сопровождении великого князя Алексея Александровича и адмирала Н.Н. Ломена. Заметив, что эскадра застопорила ход, российский император спросил: “Алексей, почему они там застряли?”

– “Ждут визита Вашего Величества”, – ответил великий князь. – “Ну, им придется долго ждать, – возразил Государь, – поезжай, Алексей, и привези гостей”. Приказание было в точности выполнено.

Взаимные визиты и добрые отношения продолжались и в последующие времена.

Великая княгиня Ольга Александровна на склоне лет делилась воспоминаниями о своем отце императоре Александре III:

«В продолжение всего его правления Россия не знала, что такое война. Он старательно избегал всякого рода международных осложнений. Недаром он получил название Царь-Миротворец. Двуручничество и расчет – оба эти понятия были ненавистны ему. Решая какую-то проблему, он не любил ходить вокруг да около. На угрозы он отвечал резкостью и насмешкой. Однажды на банкете австрийский посол принялся обсуждать докучливый балканский вопрос и намекнул, что если Россия решит вмешаться в спор на Балканах, то Австрия может немедленно мобилизовать два или три армейских корпуса. Император взял со стола массивную серебряную вилку, согнув ее до неузнаваемости, и бросил к столовому прибору австрийского дипломата со словами: “Вот что я сделаю с двумя или тремя армейскими корпусами”. Помню, что кайзер однажды предложил отцу разделить всю Европу между Германией и Россией. Папа тотчас оборвал его:

– Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало»⁴².

Благодаря своей супруге Марии Федоровне император Александр III находился в родстве со многими европейскими королевскими домами. Ее отец Христиан IX был королем Дании, затем в 1903 г. старший брат Фридрих VIII наследовал корону отца. Сестра принцесса Александра сделалась принцессой Уэльской, а затем королевой Великобритании и императрицей Индии; второй брат – королем Греции, под именем Георга I; младшая сестра Тира – герцогиней Кумберлендской. Когда собиралось в Дании все большое семейство, то многие проблемы «европейского дома» порой становились домашним делом.

Случались и небольшие курьезы. Так, в одно из посещений Копенгагена царской семьей летом 1886 г. туда прибыл французский крейсер, который удостоился визита Александра III. По этому случаю было много волнений относительно церемониала; как быть с французским национальным гимном – Марсельезой?! Произошел конфуз. Самодержец Всероссийский – и вдруг революционный гимн... Но Александр III повелел всем не тревожиться и спокойно выслушал произведение Руже де Лилиа, едко заметив: “Ничего тут нет удиви-

тельного: я недостаточно хороший музыкант, чтобы сочинить французам новый гимн». К таким вольностям русского царя многие привыкли. Хотя знаменитые его фразы: “Европа может подождать, когда русский царь ловит рыбу”, или “Пью за здоровье моего единственного друга, царя Николая черногорского”, – не даром волновали многих послов. И это была не бравада, а реальная сила, спокойное и уверенное сознание своего могущества.

Сближение России с Францией существенно не повлияло на добрые взаимоотношения Александра III с Вильгельмом II. Последний был уверен в искренности миролюбия своего могучего соседа, считая это сближение гарантией европейского мира и «крепкой уздой» на возможные попытки реванша со стороны Третьей республики в пересмотре границ с Германией.

В своей частной жизни император Александр III был образцовым семьянином, нежным мужем и заботливым отцом. Окружая супругу Марию Федоровну вниманием и заботливостью, он, однако, не допускал ее вмешательства в государственные дела, которые вел твердой рукой. Непреклонную волю царя чувствовали все. Он не допускал с чьей-либо стороны даже попыток к изменению своих самых обыденных привычек. Александр III был врагом всякой пышности. В огромном Гатчинском дворце он довольствовался самым скромным помещением и выделил цесаревичу всего только две небольшие комнаты. Николай с детства боготворил отца и брал с него пример.

С наступлением лета царская семья переезжала в Петергоф, где в Александрии, в маленьком дворце на берегу моря, жизнь протекала по образцу Гатчины. Лишь 22 июля, день тезоименитства императрицы, ознаменовывался торжественной службой и выходом в Большом Петергофском дворце, парадным завтраком, а вечером фейерверком на море, иллюминацией Петергофа и знаменитых фонтанов.

Обычно большая часть летнего времени царской семьей проводилась в экскурсиях, в гребном спорте, рыбной ловле, и Государь предавался на природе физическим упражнениям, составлявшим потребность его мощной фигуры. При росте 6 футов 4 дюйма (около 193 см) Александр III обладал огромной работоспособностью и необычной физической силой. Иногда водная поездка в шхеры заменялась жизнью в небольшом деревянном дворце в Спале и Скерневицах, где устраивались охоты на оленей. Мария Федоровна также участвовала в этих охотах, сопровождаемая детьми, с которыми почти никогда не расставалась.

Несмотря на то что императора Александра III усиленно охраняли, но это не останавливало покушений «народников». В 1887 г. был раскрыт очередной заговор, произведены аресты.

В числе арестованных оказался студент Александр Ильич Ульянов (1866–1887). Писательница Лариса Васильева в своей книге «Кремлевские жены» рассказывает читателям, как близко знавший Ленина Иван Федорович Попов (автор известной в свое время пьесы «Семья» – об Ульяновых) поведал ей о встрече с вождем накануне Первой мировой войны: «Ленин, когда был у меня в Брюсселе, однажды рассказал, как уезжал на лодке по Волге с братом Сашей, и над рекой стелилась песня. Он вспомнил казненного Сашу, помолчал и вдруг, как бы про себя, не обращая ко мне, прочитал строфу из пушкинской оды “Вольность”:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу».

После Октябрьского переворота 1917 г. большевиков многие связывали преследование династии Романовых мезтью Ленина за казнь брата.

Великий князь Константин Константинович 1 марта 1887 г. записал в дневнике: «Опять суждено нам жить под вечным страхом и трепетать за дни Государя. Вчера, в годовщину смерти покойного императора был открыт ужасный замысел. Слава Богу, Государь благополучно избежал угрожавшей ему опасности. Папа слышал об этом за обедом у дяди Миши, который узнал подробности от градоначальника Грессера. Пока Государь и все семейство слушали заупокойную литургию в Петропавловском соборе, полиция схватила несколько человек совершенно приличной наружности, одетых студентами; за ними стали следить еще накануне. Их привели в дом градоначальника (пока тот тоже был в крепости), и нашли на них небольшие разрывные бомбы, спрятанные у кого в портфеле под мышкой, у кого в кармане, а у одного в нарочно для этого устроенной коробке в виде книги, которую он держал в руках. Злоумышленники стояли в разных местах по пути из крепости в Аничков [дворец], одни на углу Б. Садовой и Невского, другие на углу Невского и Б. Морской. После обеда Государь завтракал в Зимнем дворце у Павла [Александровича]; Грессер вызвал его из-за стола. Государь оставался совершенно спокоен, узнав об этом происшествии, и никому не рассказал его. Не знаю, как о нем узнала императрица; она была в ужасе. Ее положение действительно должно быть ужасно. Как и было давно назначено, Государь вчера же переехал в Гатчину. Неужели опять начнется эта охота, эта травля? Неужели и этот Государь должен когда-нибудь пасть жертвой убийц? ... Неужели молитвы всей России не сохранят нам его?»⁴³.

Жизнь в Гатчине царской семьи не изменилась. Юная великая княжна Ксения Александровна записала 2 марта 1887 г. в дневнике: «Проснувшись, я думала, что мы в Аничкове. Была отличная погода. Уроков, конечно, не было, что было отлично. Утром братья катались на горах, а я все еще разбиралась. Завтракали с нами д. Алексей (великий князь Алексей Александрович. – В.Х.), Оболенские, гр. Перовский и гр. Воронцов. Потом оставались немножко там. В половине четвертого пошли гулять с Папа и Мама. Мы также были в оранжереях. Затем обедали с Ники и Джоржи. Вечером играла с Мишей»⁴⁴.

Обычным для детей был и воскресный день 8 марта, о чем записала Ксения в дневнике: «Проснувшись, Миша и я ужасно возились в постелях. Вставши, пили кофе, а затем пошли к Мама. Там оставались недолго. Вернувшись, играли, а потом пошли в церковь. Завтракали в Арсенале. Сидела около Георгия и Миши. Потом скоро пошли к Мама. Около 3 ч. пошли на горы с Воронцовыми. Софки не было. На горах было ужасно весело. Там также были Н[ики] и Г[еоргия] товарищи. В половине шестого обедали, а затем возились. В 8 ч. проводили гостей»⁴⁵.

На следующий день тайна покушения на Александра III стала известна Ксении, которая сделала запись: «Встали около восьми часов. Погода была отличная. Днем не было народу. Учились. Перед завтраком представлялись Папа и Мама те чудные полицейские, которые поймали поганых людей, потому что те свиньи хотели стрелять в Папа. – Завтракали с нами д. Алексей, д. Сергей, т. Элла и гр. Перовский (фин). Днем мы покатались немножко на горах, которые тают, а потом ломали лед на Серебряном озере, что было очень весело. Вернувшись, обедали»⁴⁶.

От 17 марта еще одна тревожная строчка в дневнике Ксении: «Отца Иоанна (Кронштадтского) хотели убить, но, к счастью, он спасся»⁴⁷.

Государь лично следил за воспитанием трех своих сыновей и особенно за воспитанием наследника престола. Не будучи предназначен к царствованию сам, Александр III уступал в образовании своему старшему брату, умершему в молодости от туберкулеза, цесаревичу Николаю, в честь которого и назвал своего сына. Он отдавал себе отчет в этом существен-

ном пробеле. Отсюда его постоянная забота о должном обучении и воспитании будущего самодержца Российской империи.

Учебные занятия Николая начались в 1877 г. под надзором генерал-адъютанта Г.Г. Даниловича, в прошлом начальника пехотного военного училища. Общий план занятий был рассчитан на 12 лет. В течение первых 8 лет он получал домашнее образование, в основе которого лежал усовершенствованный гимназический курс. Так называемые «древние мертвые», или «классические», языки – древнегреческий и латынь – были исключены, а вместо них цесаревичу преподавали политическую историю, русскую литературу, элементарные основы минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии; повышенное внимание уделялось английскому, французскому и немецкому языкам. Интересно заметить, что для начального обучения Г.Г. Данилович составил расписание, рассчитанное на 24 урока в неделю: по четыре урока на русский язык, чистописание и арифметику, по три урока на английский и французский языки и по два – на Закон Божий, историю и рисование. Занятия проходили шесть дней в неделю с 9 часов утра и до 5 часов вечера и составляли четыре учебных часа в день с перерывами на завтрак, для прогулки на воздухе и гимнастических упражнений. Даже во время обычных ежегодных пребываний царской семьи у своих родственников в Дании ничто не могло сколько-нибудь значительно изменить распорядок дня цесаревича Николая.

В одном из писем своему другу детства Сандро (великому князю Александру Михайловичу) пятнадцатилетний наследник престола сетовал: «Вот описание дня, который мы проводим здесь. Встаем позже, чем в Петергофе, в четверть восьмого; в восемь пьем кофе у себя; затем берем первый урок; в половине десятого идем в комнату тети Аликс, и здесь все семейство кушает утренний завтрак; от 10 до 11 – наш второй урок; иногда от 11 – до половины двенадцатого имеем урок датского языка; третий урок – от половины двенадцатого до половины первого; в час все завтракают; в три – гуляют, ездят в коляске, а мы пятеро, три английских, одна греческая двоюродные сестры и я, катаемся на маленьком пони; в шесть обедаем в большой средней зале, после обеда начинается страшная возня, в половине десятого мы в постели. Вот и весь день»⁴⁸.

Дисциплинированное выполнение этого расписания, как видно в дальнейшем, оказало влияние и на формирование делового распорядка дня императора Николая II.

Последние четыре года общего плана занятий наследника, к которым в дальнейшем пришлось добавить еще один год, были посвящены «курсу высших наук» – военных, юридических и экономических. Это была смешанная программа курсов Академии Генштаба, юридического и экономического факультетов университета. В число наставников и преподавателей наследника были приглашены видные ученые и признанные авторитеты страны: духовник царской семьи, протоиерей И.Л. Янышев читал курсы канонического права, богословия, истории церкви и религий; обширный курс политической истории преподавал Е.Е. Замысловский, читавший в то время лекции по русской истории в Петербургском университете и историко-филологическом институте. Международное право вел М.Н. Капустин. Один из выдающихся экономистов своего времени, в 1881–1886 гг. – министр финансов России, идеолог либерально-реформаторского направления, академик Н.Х. Бунге преподавал Николаю статистику и политэкономии. Академик Н.Н. Бекетов (двоюродный дед поэта А. Блока), основатель отечественной школы физико-химиков, читал ему курс общей химии. Общее же руководство процессом образования наследника престола было доверено ведущему идеологу консерватизма и «первому советнику» императора Александра III, а в прошлом также его учителю – К.П. Победоносцеву, который, кроме того, взял на себя преподавание юридических наук: курсов энциклопедии законоведения, государственного, гражданского и уголовного права.

Такой усиленный курс «гражданских наук» подразумевал воспитание неординарного, как бы сейчас сказали: энциклопедически подготовленного человека. Однако практическая значимость и усвояемость полученных цесаревичем знаний оставались для многих его преподавателей так до конца не известными. Порой и сам ученик, несмотря на всю свою дисциплинированность, с усилием заставлял себя поглощать все эти науки. Очевидно, каждый на своем личном опыте знает, как порой трудно в таком возрасте сидеть за учебниками. Иногда это настроение прорывалось и в дневниковых записях наследника, которые так часто позднее цитировались его критиками и недоброжелателями, появлялись подобные строки: «Сегодня я закончил свое образование – окончательно и навсегда!»

Не менее выдающейся была и команда его учителей в военных областях знаний: профессор и член-корреспондент Петербургской Академии наук, генерал от инфантерии Г.А. Леер (стратегия и военная история); профессор Академии Генштаба, почетный член Петербургской Академии наук, генерал от инфантерии Н.Н. Обручев (военная статистика, или военная география, дававшая всестороннее географическое, этнографическое, военно-экономическое и политическое знание возможных театров военных действий); крупный ученый и военный инженер-фортификатор, более известный как выдающийся композитор и музыкант, генерал Ц.А. Кюи (фортификация); начальник Академии Генштаба, крупный военный теоретик и боевой генерал М.И. Драгомиров (боевая подготовка войск). Кроме того, Николаю были прочитаны курсы: истории военного искусства (А.К. Пузыревский), геодезии и топографии (О.Э. Штубендорф), тактики (П.К. Гудима-Левкович), артиллерии (Н.А. Демьяненко) и военной администрации (П.Л. Лобко).

Несмотря на то, что император Николай II являлся достаточно европейски образованным, просвещенным и культурным человеком, все же в тесном кругу родственников и друзей он признавался, что «имеет образование серенькое». Любопытны ранние наблюдения в связи с этим за наследником престола, сделанные в разные годы в своем дневнике великим князем Константином Константиновичем (Президент Академии наук и известный поэт «К. Р.»). Так, например, 21 декабря 1888 г. он записал: «Из беседы с милым Цесаревичем после обеда я опять, как и всегда, вынес самое отрадное впечатление. Он одарен чисто русской, православною душой, думает, чувствует и верит по-русски. Мы говорили про отечественную историю и про восточный вопрос. Говорили про Иоанна III, про царевича Дмитрия и Самозванца, про кончину Павла I и про последнюю Турецкую войну...»⁴⁹

Хорошее знание российской истории Николаем Александровичем в дальнейшем сказались в формировании отношений его к тем или иным событиям, к государственным и историческим деятелям, к их поступкам. Приближенный к царскому двору генерал А.А. Мосолов делился воспоминаниями:

«Сознаюсь, что за все 16 лет службы при дворе мне всего лишь дважды довелось говорить с Государем о политике.

Впервые это было по случаю двухсотлетия основания Петербурга. Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях Петра Великого. Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность Государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

– Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но признаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично.

Из дальнейшего разговора мне показалось, что кроме сказанного Государь ставит в укор Петру и некоторую показательную сторону его действий, и долю в них авантюризма»⁵⁰.

К стати сказать, идеалом Николая II был царь Алексей Михайлович. На костюмированном балу 1903 г. он и его супруга были одеты в костюмы той эпохи. Под покровительством последнего императора в Царском Селе в стиле XVII в. был построен Федоровский Государев Собор.

Часто образ Николая II сопоставляли не с Петром Великим, а с волевой натурой императора Александра III. В связи с этим стоит упомянуть сравнительную характеристику, данную графом С.Ю. Витте двум последним самодержавным монархам России: «Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию»⁵¹. Имеется в воспоминаниях С.Ю. Витте еще одно любопытное сравнение двух венценосных братьев: «Как по уму, так и по образованию великий князь Михаил Александрович представляется мне значительно ниже способностей своего старшего брата Государя императора, но по характеру он совершенно пошел в своего отца»⁵².

Другую интересную оценку интеллектуального уровня Николая II оставил в своих воспоминаниях проницательный и тонкий психолог человеческих душ, выдающийся юрист и писатель А.Ф. Кони: «Мои личные беседы с царем убеждают меня в том, что это человек, несомненно, умный, если только не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль в одном исключительном направлении. Можно сказать, что из пяти стадий мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь средним и, быть может, бессознательно первым. Точно так же он не был ограничен и необразован. Я лично видел у него на письменном столе номер «Вестника Европы», заложенный посередине разрезкой, а в беседе он проявлял такой интерес к литературе, искусству и даже науке и знакомство с выдающимися в них явлениями, что встречи с ним, как с полковником Романовым, в повседневной жизни могли быть и не лишены живого интереса...»⁵³.

Недаром говорят: «Сколько людей, столько и мнений». Но заметим, что хотя воспоминания А.Ф. Кони, опубликованные в советской России, несут печать некоторой тенденциозности духа революционной эпохи и, несомненно, редакторской правки, все же говорят их читателям о многом.

Однако вернемся к «серенькому» образованию Николая Александровича, который не представлял себе жизни без службы в армии. В 1884 г. он был произведен в поручики. В этом же году его избирают почетным членом Русского Археологического общества Петербургского и Московского университетов, а еще ранее в связи с 150-летним юбилеем Российской Академии Наук он был удостоен такой же чести этого знаменитого учреждения.

Император Александр III, желая ознакомить наследника-цесаревича со всеми родами войск на практике, заставил его пройти службу не только в пехоте, кавалерии, артиллерии, но и во флоте, при крайне тугом производстве в чины. Этим и объясняется то обстоятельство, что к смерти своего отца Николай Александрович оказался всего лишь в чине полковника.

Ни один из императоров до Николая II не соприкасался так близко и длительно с армейской службой на младших должностях. Посудите сами: на действительную военную службу он вступил в возрасте 16 лет, в день совершеннолетия, 6 мая 1884 г., когда, как сказано в его послужном списке, «произнес клятвенное обещание в лице наследника Всероссийского Престола в большой церкви императорского Зимнего дворца и при торжественном собрании, бывшем в Георгиевском зале, принял воинскую присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Величества полка...»⁵⁴. Николай основательно прошел обер-офицерскую службу в пехоте и кавалерии, где был младшим офицером, командиром роты и эскадрона, проделав 5 летних сборов. Он также отбыл две летние кампании во флоте и в

течение летнего сбора 1893 г. командовал 1-й гвардейской конной батареей. Основы военного дела на практике и восприятия военных традиций цесаревич получил в лейб-гвардии Преображенском полку – колыбели Российской армии. Именно в этом полку, перед восшествием на престол, он в чине полковника командовал первым батальоном. В полковники он был произведен 6 августа 1892 г., хотя отец его – император Александр III – такой чин имел в восемнадцать лет.

Любопытно заметить, что с 1891 г. командиром лейб-гвардии Преображенского полка, где по традиции служили русские цари, являлся великий князь Константин Константинович. Именно он 1 января 1893 г. отдал приказ по полку: «Во исполнение Высочайшего повеления, предписываю флигель-адъютанту Полковнику Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику и Великому Князю Николаю Александровичу вступить в командование 1-м батальоном»⁵⁵.

В дневнике великого князя Константина Константиновича за январь 1893 г. описание этого события заняло несколько страниц:

«Знаменательный день. Наследник Цесаревич снова вступил в ряды нашего Преображенского полка. Он уже был в строю в нашем полку и командовал Государевой ротой; то было в лагерное время, в 1887 и 1888 годах. Но тогда он оставался на службе недолгое время и командовал только по наружной части. Теперь же он принял батальон вместе со всеми строевыми и хозяйственными обязанностями батальонного командира, принял на довольно продолжительный срок... Но расскажу по порядку. Я с утра был так радостно взволнован и счастлив, что меня не испугал 22-градусный мороз, и я, поездив верхом в манеже, пошел в казармы на Миллионной [улице] в обыкновенном летнем пальто поверх парадной формы. Офицеры собрались уже на казарменной парадной лестнице, кроме офицеров 1-го батальона, стоявших вместе с ротами в своих помещениях.

Наконец подъехал к подъезду Цесаревич в санях и вошел в подъезд. Я его встретил и за ним стал подниматься по лестнице. Он каждому офицеру подавал руку, направо и налево, и никого не пропустил. Я шел за ним, переживая минуты сладостного умиления. «Он наша радость с малолетства», как сказал поэт, он надежда России и снисходил до нас, слуг Царевых, готовых каждую минуту сложить за него головы. В душе моей как бы звучала горячая молитва: «да почиет над Ним Божие Благословение, да поможет нам Господь всегда помнить, какое выпало на нашу долю счастье, и быть его достойными». Но нет, это только слова, а словами я не выражу того, что переживал.

3 января, перед крестинами Олега.

Продолжаю про вчерашнее. Прошло полчаса, все офицеры пришли в собрание, многие переоделись в сюртуки. И вот Огарев явился с докладом о сдаче, а Цесаревич о приеме 1-го батальона. Я принял их в своем кабинете. Оставшись с Ники с глазу на глаз, я благословил его иконой, – створцами с изображением Преображения Господня, Николая Угодника и Ангела-хранителя. Ники переоделся в сюртук, пошли закусывать и сели завтракать, он справа от меня. Я заметил, что Ники как бы опасался, чтобы с ним не обходились как с Наследником престола, желая во всем сравняться с прочими батальонными командирами. А мне нужно было усилие, чтобы держаться по отношению к Ники как подобает начальнику.

4 января. Продолжаю. За завтраком тосты были нарочно устранены, чтобы этот завтрак не имел ничего торжественного. Но после кофе мне показалось, что будет как-то сухо, если просто встать и выйти из столовой. Я велел подать большой золоченый жбан, подарок Сергея, и наполнить его шампанским. Тогда запели застольные песни и, между прочим, «Николай Александрович, здравствуйте!», таким образом, все выпили за здоровье нового батальонного командира, но запросто. Когда встали из-за стола, Ники еще долго, часов до 4-х, оставался в собрании. Я нарочно не держался все время около него, чтобы не мешать ему говорить с офицерами...»⁵⁶

Уже через короткое время Константин Константинович заметил некоторую перемену в поведении своего «венценосного» подчиненного, записав в дневнике: «Ники приезжал утром в батальон, мы виделись в собрании, где он закусывал. Видимо, он уже втягивается в новую среду. Он держит себя совсем просто, но с достоинством, со всеми учтив, ровен, в нем видна необыкновенная непринужденность и вместе с тем сдержанность. Ни тени фамильярности и много скромности и естественности...»⁵⁷

Наследник престола поражал всех феноменальной памятью на лица. Он знал по фамилиям всех своих подчиненных, и даже губернии, из которых они были родом. С самого начала цесаревич обратил внимание на занятия с солдатами, стараясь внушить им, что звание российского солдата высоко и почетно, как значилось в раздаваемой им памятке. Он любил, присутствуя при обучении нижних чинов фехтованию и приемам рукопашного боя, взять ружье и, с небольшого разбега, проткнуть штыком чучело или пострелять в цель.

Уважение к ратной службе солдата осталось у императора Николая II на всю жизнь. Возможно, этим можно объяснить, что при восшествии на престол он отказался от очередного воинского звания и распорядился снять со своих портретов услужливо нарисованные художниками генеральские погоны, оставшись в своем чине полковника. Конечно, это не означало, что Николай II не мечтал о славе. Его поступок был искренним, но оказался опрометчивым. Милое, казалось бы, желание остаться после смерти отца в своем прежнем чине полковника, противоречило основному закону, называющему царя главой армии, чему соответствовал чин генерала. Курьезность положения все отчетливее проявлялась позднее, на высоте положения и бегущих лет, когда полковнику пошел уже пятый десяток, и все товарищи его по службе давно были произведены в генералы. Николай II же по убеждению не мог позволить себе получить генеральский чин русской армии, хотя таковой ему был дарован в армии Германии, а во время Первой мировой войны в 1916 г. англичане удостоили царя фельдмаршальского жезла своих вооруженных сил. Позднее Уинстон Черчилль говорил: «Мы забыли о самом трудном подвиге императора Николая II, который в чрезвычайно неблагоприятных условиях привел Россию к порогу победы. В феврале император стоял у кормила власти, и армия держалась стойко, оказывая постоянный нажим на немецкие передовые линии; фронт ни в чем не испытывал недостатка; победа не вызывала сомнений»⁵⁸.

Николай II проявлял постоянную заботу о солдатах. Так, 24 октября 1909 г., находясь в Ливадии, царь, желая лично на себе попробовать тяжесть солдатского снаряжения, несколько часов один в полной выкладке рядового 16-го стрелкового императора Александра III полка маршировал по окрестным горам. Когда он вышел в Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцового городского дорогу в Ливадию, то тот, не узнав царя, ответил довольно резко, что туда нельзя идти и чтобы он повернул обратно. Вряд ли городской узнал когда-нибудь свою ошибку, так как Государь молча повернулся и пошел, куда ему показали. Другой раз он предпринял такой же марш-бросок более 40 верст в форме рядового 52-го Виленского Е. И. В. великого князя Кирилла Владимировича полка. И опять он никем узнан не был, а «встретивший его по дороге офицер небрежно отдал честь солдату, отбивавшему шаг с поворотом головы при встрече с ним»⁵⁹, о чем позднее Государь, смеясь, рассказывал своим приближенным.

В связи с этими прогулками царя сначала в Ялте, а позднее по всей России получил распространение следующий анекдот.

Встречаются два еврея, и один говорит другому:

– Абрамович, вы слышали, какой у нас Государь храбрый?

– А что? Нет, не слышал.

– Государь два часа один, совсем один, понимаете, в солдатской форме ходил!

– Ну!.. Это и всё? Какая же тут храбрость? Попробовал бы он надеть наш еврейский лапсердак и пройти мимо дома генерала И.А. Думбадзе! Вот тогда я сказал бы, что он таки – да храбрый!

Дворцовый комендант, генерал А.Н. Дедюлин рассказал Государю этот анекдот. Его Величество, расхохотавшись до слез, ответил: «Ну, на это я, пожалуй, не решился бы! Передайте об этом Ивану Антоновичу...»⁶⁰

Многие обвиняли самодержцев Александра III и Николая II в антисемитизме. Однако именно во время царствования последнего Государя евреи получили большие права, чем до этого они пользовались в Российской империи, а также в ряде других стран. Перед Февральской революцией предусматривались разработка и принятие царским правительством нового закона о равноправии евреев. Очевидно, некоторые позднее вспоминали эти времена, оказавшись под властью Адольфа Гитлера в цивилизованной Европе. Однако вернемся к последовательности событий.

Результатом испытаний Николаем II новой солдатской амуниции явилось ее усовершенствование и замена вещевого мешка в армии более практичным ранцем.

Командир полка, снаряжение и форму которого лично испытывал император, «испросил в виде милости зачислить Николая II в первую роту и на переключке вызывать его как рядового». Государь на это согласился и потребовал себе послужную книжку нижнего чина, которую собственноручно заполнил. В графе для имени написал: «Николай Романов», о сроке же службы – «до гробовой доски»⁶¹.

Николай II не представлял себе жизни без армии. Он любил бывать и часто присутствовал на парадах и военных смотрах, что поднимало боевой дух полков. «Кончился смотр... Сколько разговоров среди «молодых» солдат про впечатления этого незабываемого для них дня! Сколько писем разносилось по глухим деревушкам – к старикам родителям, к женам с описанием царского смотра; про царя, царицу, наследника-цесаревича и великих княжон, которых удостоился видеть и слышать их сын или супруг...»

Николай II сохранил человечность по отношению к солдатам в суровые дни Первой мировой войны, когда, повинувшись чувству долга и ответственности перед Россией, принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Его часто можно было видеть на фронте. В конце 1915 г. за участие царя в военных операциях Георгиевская Кавалерийская дума Юго-Западного фронта отметила его орденом Святого Георгия 4-й степени. Наследник Алексей, находившийся с отцом в зоне фронта, был награжден Георгиевской медалью, которой он очень гордился.

Если судить о престолонаследнике и затем императоре Николае II по печатным трудам советского периода, то он выглядит мало пристойно. Таковы были законы и требования послереволюционного времени. Однако обратимся к подлинным архивным документам и свидетельствам очевидцев тех далеких и, как оказывается, актуальных до сих пор событий.

Критики императора Николая II часто обвиняют его во всех земных грехах, всячески подчеркивая его «ничтожество». Обычно в этом ряду в первую очередь отмечается «Ходынская катастрофа» в дни коронации императора в мае 1896 г. в Москве. Стоит напомнить эти печальные события:

«По роковому стечению обстоятельств, последующие дни коронационного праздника были неожиданно омрачены известной катастрофы на Ходынском поле. Здесь на обширном пространстве собралась толпа свыше полумиллиона человек, ожидавшая обещанной раздачи коронационных подарков и гостинцев. Вследствие неожиданного количества собравшихся людей, полиция не сумела справиться с толпой, и в момент начала раздачи подарков произошла невероятная давка»⁶². Через короткое время порядок был восстанов-

лен, но было уже поздно. Погибших на месте оказалось 1282 человека, раненых несколько сот⁶³. Даже в то время можно было видеть разную оценку этой трагедии. Некоторые говорили, что при коронации королевы Виктории I в Англии погибло гораздо больше народа, чем на Ходынке, и что это никак не отразилось на ее популярности. Можно вспомнить также жертвы во время похорон «отца народов» И.В. Сталина в марте 1953 г., количество их до сих пор составляет государственную тайну. Таких примеров мировая история человечества знает множество. Однако это не может быть оправданием того, что случилось. Члены императорской фамилии также по-разному отнеслись к этому несчастью. Великий князь Александр Михайлович, находясь после Октябрьской революции в эмиграции, писал о Ходынской катастрофе следующее:

«Согласно программе празднеств, раздача подарков народу должна была иметь место в 11 час. утра на третий день коронационных торжеств. В течение ночи все увеличивавшиеся толпы московского люда собрались в узких улицах, которые прилегали к Ходынке. Их сдерживал только очень незначительный наряд полиции. Когда взошло солнце, не менее пятисот тысяч человек занимали сравнительно небольшое пространство и, проталкиваясь вперед, напирали на сотню растерявшихся казаков. В толпе вдруг возникло предположение, что правительство не рассчитывало на такой наплыв желающих получить подарки, а потому большинство вернется домой с пустыми руками.

Бледный рассвет осветил пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами, которые были воздвигнуты на специально построенных деревянных подмостках.

В одну секунду казаки были смяты и толпа бросилась вперед.

– Ради Бога, осторожнее, – кричал командовавший офицер, – там ямы...

Его жест был принят за приглашение. Вряд ли кто из присутствовавших знал, что Ходынское поле было местом учения саперного батальона. Те, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нужен был, по крайней мере, целый корпус, чтобы остановить этот безумный поток людей. Все они попадали в ямы, друг на друга, женщины, прижимали к груди детей, мужчины, отбиваясь и ругаясь.

Пять тысяч человек было убито, еще больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встретили возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое «ура» звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдерживать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближавшуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Ники, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях... Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея [Александровича] заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета»⁶⁴.

Теперь обратимся к другим историческим источникам. Император Николай II записал 18 мая 1896 г. в своем дневнике: «До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки и тут произошла страшная лавка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10 ¹/₂ ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 ¹/₂ завтракали и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие при этом печальном “народном празднике”. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и “Славься”.

Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутатий и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор[янства]. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello (Монтебелло Луи-Густав, французский посол в России. – В.Х.). Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.»⁶⁵.

В этот же день великий князь Константин Константинович сделал более подробную запись в своем дневнике: «Услыхал от людей, что будто ранним утром, когда на Ходынском поле, где в 2 часа должен был начаться народный праздник, раздавали народу от имени Государя кружки и посуду (кружек было заготовлено полмиллиона), произошла страшная давка, и оказалось до 300 человек, задавленных до смерти.

Тяжело было ехать к 2-м часам на народный праздник, зная, что уже до начала было столько несчастий. Сам я не видел, но мне говорили некоторые, между прочим, Митя (брат К.Р., великий князь Дмитрий Константинович. – В.Х.), что на дороге попадались навстречу пожарные с большими фургонами, переполненными трупами несчастных пострадавших.

На поле перед павильоном, построенным для Государя против Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т. е. более чем Наполеон привел с собою в Москву. Тут говорили, что погибших уже не 300, а около 1500.

Когда Их Величества показали на балконе павильона, грянуло оглушительное ура. Огромный хор пел “Боже, царя храни” и “Славься” при колокольном звоне и громе пушек. Это была торжественная, захватывающая минута. Вечером Их Величества и все мы были на балу у французского посла. Французское правительство отпустило великолепную мебель и гобелены на украшение дома. Слышал от Витте, что из Государственного казначейства отпускается 300 000 рублей в помощь семьям, пострадавшим на народном празднике»⁶⁶.

Старшая сестра императора, великая княгиня Ксения Александровна отмечала, что после этих печальных событий было уже не до бала у посла Франции, когда они там находились: «Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться, сказав, что это только сентиментальность (“поменьше сентиментальности!”) и сделали скверное впечатление! Вздор! Бедные Н[ики] и А[ликс] были совсем грустные, конечно»⁶⁷.

Вернемся к дневнику великого князя Константина Константиновича: «**19 мая** – Москва. Больно подумать, что светлые торжества коронавания омрачились вчерашним ужасным несчастьем: более 1000 погибло утром перед народным праздником.

Еще больнее, что нет единодушия во взглядах на это несчастье: казалось бы, генерал-губернатор должен явиться главным ответчиком и, пораженный скорбью, не утаивать или замалчивать происшествие, а представить его во всем ужасе. Между тем это не совсем так. Вчера вечером Государь, узнав, что погибло 300 человек – истинное число пострадавших еще не было ему известно, – вышел к обеду заплаканный и глубоко расстроенный. Я

слышал это от очевидца – Сандро. Государь не хотел было ехать на французский бал, но его убедили показаться там хотя бы на один час; и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упросили Государя остаться ужинать...»⁶⁸

Перелистаем еще несколько страниц самого дневника императора:

«19-го мая. Воскресенье. С утра началось настоящее пекло, продолжавшееся до вечера. В 11 ч. пошли с семейством к обедне в церковь Рождества Богородицы наверху. Завтракали все вместе. В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера...

20-го мая. Понедельник. День стоял отличный, только было очень ветрено и поэтому пыльно. Поехали к обедне в Чудов монастырь; после молебна Кирилл [Владимирович] присягнул под знаменем Гвардейского Экипажа. Он назначен флигель-адъютантом. Был семейный завтрак в Николаевском дворце. В 3 ч. поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых 18-го мая. Тут было 3–4 тяжелых случая...»⁶⁹

Позднее великая княгиня Ольга Александровна делилась воспоминаниями: «Москва погрузилась в траур. Катастрофа вызвала много откликов. Враги царствующего дома использовали это для своей пропаганды. Осуждали полицию, больничную администрацию и городские власти. И все это вывело на свет много горьких семейных разногласий. Молодые великие князья, особенно Сандро, муж Ксении, возложили вину за трагедию на губернатора Москвы дядю Сергея. Я считала, что мои кузены к нему несправедливы.

Больше того, сам дядя Сергей был в таком отчаянии и предлагал тотчас же подать в отставку. Но Ники не принял ее. Пытаясь возложить всю вину на одного из членов семьи, мои кузены фактически обвиняли всю семью, и это в то время, когда солидарность в семье была особенно необходима. И когда Ники отказался отставить дядю Сергея, они обвинили его»⁷⁰.

Далее великая княгиня Ольга Александровна рассказывала: «Русские социалисты, укрывшиеся в это время в Швейцарии, обвинили императора в равнодушии к страданиям своих подданных, поскольку вечером Государь и императрица отправились на бал, который давал французский посол маркиз де Монтебелло.

– Я знаю наверняка, что никто из них не хотел идти к маркизу. Сделано это было лишь под мощным нажимом со стороны его советников. Дело в том, что французское правительство истратило огромные средства на прием и приложили много трудов. Из Версаля и Фонтенблo для украшения бала привезли бесценные гобелены и серебряную посуду. С юга Франции доставили сто тысяч роз. Министры Ники настаивали на том, чтобы императорская чета отправилась на прием с целью выразить свои дружественные чувства по отношению к Франции. Я знаю, что Ники и Алики весь день посещали раненых в больницах. Так же поступили Мама, тетя Элла, жена дяди Сержа, а также несколько других дам. Многие ли знают или желают знать, что Ники потратил многие тысячи рублей на пособия семьям убитых и пострадавших в Ходынской катастрофе? Позднее я узнала от него, что сделать это тогда было очень непросто. Не желая обременять Государственное Казначейство, он оплатил все расходы по проведению коронационных торжеств из собственных средств. Сделал это так ненавязчиво, незаметно, что никто из нас – за исключением, разумеется, Алики – не знал о его поступке»⁷¹.

Расследование по делу Ходынской катастрофы первоначально было поручено министру юстиции Н.В. Муравьеву. Затем обер-церемониймейстеру на коронации графу К.И. Палену. По делу расследования был сделан вывод о виновности московской полиции и московского генерал-губернатора. Оберполицеймейстер Власовский был уволен со службы. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович просил об отставке, но

она не была принята императором. Семьям погибших и пострадавших были выделены крупные пособия, похороны приняты на государственный счет и т. д.

Николай Александрович Романов был среднего роста 5 футов и 7 дюймов (168 см), выделялся пропорциональностью сложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Говорят, что глаза есть зеркало души человека. По мнению многих, у Государя были особые глаза: открытые, голубые, кроткие, полные какой-то особой доброты и простоты, неотразимой привлекательности. Своим взглядом он без слов очаровывал людей, предубежденных против него, обезоруживал своих врагов. Он, как и отец его, Александр III, был однолюб и примерный семьянин, но в отличие от отца зависел, в какой-то степени, от влияния своенравной и властолюбивой супруги Александры Федоровны.

В обществе бытовало мнение относительно слабо вольности Николая II. Но это было общее заблуждение, создававшееся первым впечатлением уступчивости императора. Он не любил спорить и редко в полемике отстаивал свое мнение, однако часто делал так, как считал должным. Об этом есть многочисленные свидетельства графа С.Ю. Витте, других царских министров и политических лидеров. В частности, своеобразие характера Николая II отмечал французский президент Эмиль Лубе: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан своим идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществления которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непоколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет»⁷². Эту черту в характере самодержца отмечал и В.И. Гурко в своей книге, посвященной царской чете: «Стойко продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь к окольным путям»⁷³.

Несмотря на то что на Николая II большое влияние имела его супруга, ее настойчивые просьбы, как явствуют их многочисленные письма и дневники, далеко не всегда исполнялись императором. В годы испытаний Первой мировой войны окружение императора считало, что влияние Александры Федоровны (бывшей немецкой принцессы) пагубно для России. Взаимоотношения царя и царицы имели свое своеобразие, т. к. здесь тесно переплетались семейные и государственные дела.

Брак царской четы оказался счастливым, хотя имел длительную предысторию. Вероятно, ни одна из русских императриц не была столь несправедливо опорочена современниками, как супруга Николая II. Александре Федоровне ставили в упрек чрезмерную гордыню и высокомерие, плохой русский язык и скромные туалеты, непонимание и предательство интересов России. Ее имя уличные сплетни тесно связывали с ненавистным и порочным для многих именем Григория Распутина.

Но проходит время и история, освобожденная от оков политики и интриг, четко все расставляет по своим местам. И совсем иным представляется сегодня образ Александры Федоровны – императрицы, жены, матери...

Она родилась 6 июня (25 мая – по старому стилю) 1872 г. в тихом и провинциальном Дармштадте, столице небольшого герцогства Гессен-Дармштадтского, что лежит между Рейном и Майном. При крещении ее нарекли по протестантскому обряду длинно и торжественно: Алиса – Виктория – Елена – Луиза – Беатриса. Она была младшей в большой, дружной семье герцога Людвига (Людвика) IV и урожденной принцессы Алисы Английской (два сына и пять дочерей). Маленькая принцесса являлась общей любимицей, особенно бабушки, английской королевы Виктории I. Близкие называли ее Аликс, а родители величали: наша

Санни, т. е. Солнышко. В семье хранили память о посещении Дармштадта супругой Александра II императрицей Марией Александровной, которая, увидев маленькую Алису, сказала баронессе А.К. Пилар: “Поцелуйте у нее руку – это будущая ваша императрица”.

Беда пришла неожиданно. В 1878 г. в городе вспыхнула эпидемия дифтерии. Болезнь не обошла стороной герцогский дворец. Шестилетняя Алиса потеряла мать. Смерть потрясла девочку – она замкнулась в себе, стала робкой и застенчивой.

Большую часть детства и отрочества Аликс провела у бабушки, королевы Виктории I, в Англии, которая с нежностью опекала и воспитывала внучку. Известно, что королева Виктория не любила немцев и особое нерасположение питала к императору Вильгельму II, что невольно передалось и Аликс. Принцесса много занималась, она оказалась способной ученицей и достигла хороших успехов в истории, географии, ее познания в немецкой и английской литературе намного превышали уровень студента колледжа. Аликс прослушала даже курс лекций по философии и была удостоена степени доктора философии Гейдельбергского университета. Она прекрасно пела и музицировала на фортепьяно, но только в тесном кругу близких.

Условия воспитания, определенно, отразились на характере будущей императрицы. Французский посол в России М. Палеолог 7 января 1915 г. отмечал: «Александра Федоровна, родившаяся немкой, никогда не была ею ни умом, ни сердцем. Конечно, она немка по рождению, по крайней мере, со стороны отца, так как ее отцом был Людвиг IV, великий герцог гессенский и рейнский, но она – англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 г., будучи шести лет, она потеряла свою мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, ее обучение, ее умственное и моральное образование также были вполне английскими. И теперь еще она – англичанка по своей внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританизму, по непримиримой и воинствующей строгости ее совести, наконец, по многим своим интимным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения.

Основа ее натуры стала вполне русской. Прежде всего, и, несмотря на враждебную легенду, которая, как я вижу, возникает вокруг нее, я не сомневаюсь в ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. И как не быть ей привязанной к этой усыновившей (так в тексте. – В.Х.) ее родине, которая для нее резюмирует и олицетворяет все ее интересы женщины, супруги, Государыни, матери?

Когда она в 1894 г. вступала на трон, было уже известно, что она не любит Германии и особенно Пруссии»⁷⁴.

Вот еще одно мнение графини М.Э. Клейнмихель: «Немецкое происхождение императрицы также служило причиной для недружелюбного к ней отношения, хотя она, подобно погибшей от руки убийц на Урале, сестре ее Елизавете, получила совершенно английское воспитание. Она гордилась тем, что она внучка королевы Виктории...»⁷⁵.

В 1884 г. Аликс участвовала в большом событии. Ее сестра Элла (впоследствии великая княгиня Елизавета Федоровна), которая была на 8 лет старше, выходила замуж за брата русского царя, великого князя Сергея Александровича. Вся семья отправилась в далекий Петербург. Великий князь Константин Константинович в этот памятный день записал в дневнике: «В Петергофе недолго пришлось ждать на станции, скоро подошел поезд невесты. Она показала рядом с императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта; с ней приехали отец, брат, старшая сестра с мужем и две младших...»

Под очарованием впечатления и в минуту душевного порыва великий князь Константин Константинович вскоре посвятил своей родственнице прекрасные стихи:

Я на тебя гляжу, любуюсь ежечасно:

Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Рядом с сестрой Эллой принцесса Аликс выглядела совсем маленькой девочкой, затерявшейся среди блеска императорского двора. В церкви во время венчания она оказалась рядом с шестнадцатилетним цесаревичем Николаем, стройным юношей с удивительно красивыми и выразительными глазами. Оба – натуры замкнутые, настроенные романтично, они, видимо, с первой встречи испытали зарождение серьезного чувства взаимной симпатии, привязанности, которое стало крепнуть в живое и глубокое чувство любви.

После своей свадьбы Николай II, будучи с Александрой Федоровной в Петергофе, сделал в дневнике 3 июня 1895 г. такую запись: «После кофе пошли наверх и обошли Коттедж, учебный дом и итальянский домик у сетки. Видели окно, на котором мы оба вырезали свои имена в 1884 г.»⁷⁶.

В тяжелые годы Первой мировой войны, в одном из писем 1916 г. Александра Федоровна признавалась своему супругу: «Тридцать два года назад уже мое детское сердце исполнилось глубокой любовью к тебе».

Так началась эта романтическая повесть, герои которой сумели не только годами бороться за право и для коронованных особ брака по любви, но добиться его и построить идеальнейшую семью.

Их следующая встреча произошла через пять лет, когда Аликс приехала к сестре Элле (великой княгине Елизавете Федоровне) погостить. Ей только исполнилось семнадцать лет, и она превратилась в очаровательную, немного грустную девушку с печальными серо-голубыми глазами. Они виделись каждый день, и именно этот приезд Аликс в Россию определил их судьбу. Они полюбили друг друга, хотя понимали, что все будет не так просто. Интуиция не подвела их. До помолвки пролегли еще пять долгих лет. Именно в этот приезд Аликс в Россию цесаревич Николай принимает окончательное решение, что женится только на ней. В своем решении он еще более укрепился, когда узнал из письма тети, великой княгини Елизаветы Федоровны, о надежде на взаимность к нему принцессы Аликс. Великая княгиня в этом послании, написанном на английском языке, сообщала цесаревичу из своего подмосковного имения:

«Ильинское.
29 августа 1890 г.
Милый Ники!

Я надеюсь, что, не получив от меня ни одного письма с тех пор как мы расстались, ты не подумал, что я тебя забыла. Все дело в том, что мне хотелось действительно сообщить тебе новости, ведь ты их, наверное, ждешь с таким нетерпением. Так вот, мы много раз беседовали с ней, и все же преграда, которую, как я надеялась, можно разрушить, пока

еще представляется непреодолимой. Пелли (так она называла Аликс. – В.Х.) любит по-прежнему сильно и глубоко (два последних слова подчеркнуты. – В.Х.), но только она не может решиться переменить веру. У нее такое чувство, будто бы она делает что-то не так. Я собрала все свои силы, всю свою любовь и сестринскую привязанность, чтобы убедить ее, что она непременно – иначе и быть не может – полюбит эту веру, к которой я тоже собираюсь принадлежать и которая является настоящей и истинной верой, сохранившейся неповрежденной спустя века, и продолжает оставаться такой же чистой, какой она была вначале...»⁷⁷.

Нельзя сказать, что Александр III с симпатией отнесся к сердечному увлечению сына. Брак наследника престола был слишком серьезным политическим событием, чтобы при этом учитывались нежные чувства детей. Отец не дает своего согласия. Николаю предлагались различные кандидатуры в невесты и в том числе французская принцесса Елена Орлеанская. Однако всегда мягкий и робкий с отцом цесаревич был на этот раз неумолим. Он подвергается многим соблазнам и, по принципу «время лечит», его отправляют для расширения кругозора в длительное морское путешествие.

В октябре 1890 г. наследник престола в сопровождении свиты и родного брата Георгия (средний сын Александра III, умерший от туберкулеза в возрасте 27 лет) начал большое заграничное путешествие, посетив на военном корабле «Память Азова» многие страны мира. У цесаревича в самом начале круиза, судя по всему, было подавленное настроение. В письме из Афин от 5 ноября 1890 г. он с грустью писал домой:

«Моя милая душка Мама,

Я только что получил твое чудное длинное письмо, за которое я не могу тебя достаточно поблагодарить. Пока я его читал, я едва удерживался от слез, при воспоминании того ужасно грустного и тяжелого дня, когда мы расстались на так долго! Пока мы ехали, я все время мысленно был с вами в Гатчине и час за часом следил за тем, что вы должны были в это время делать. Единственное утешение в вагоне были завтраки и обеды, в разговорах с моими спутниками я забывал на несколько минут мое горе. Я так тронут тем, что ты говоришь в твоём письме, и я молю Бога, чтобы Он тебя утешил и не позволил бы грустить о нашем отсутствии! Подумай, милая Мама, каждый день, который проходит, все приближает счастливый день нашего возвращения домой...

Первые три дня мы провели у себя спокойно, но, как я уже писал в телеграмме, после этого началась серия балов подряд: первый был во дворце, второй у французского посланника (Doyen) и сегодня третий – у Опу. В сущности, я очень веселился, почти как у нас; много знакомых: с прошлого года и порядочно красивых дам – жаль только, что балы следуют три дня подряд. В общем они чрезвычайно напоминают наши балы, только мазурку не танцуют. Вчера у француза было страшно тесно, мне в первый раз пришлось плясать во фраке; говорят, что сегодня у Опу будет еще меньше места. Наши моряки очень усердно танцуют, Оболенский и Волков также, Бярятинский не может, а Кочубей и Ухтомский не умеют...

Жаль, что мы остаемся тут всего неделю, тете Ольге так хотелось устроить праздник на «Азове», но положительно времени недостает. Мы уходим в среду 7-го в Порт-Саид и надеемся быть в Каире 10-го. Завтра уезжают д. Павел и Аликс, она привезет тебе это письмо. Ожидаем с громадным нетерпением прибытия первого фельдъегеря в Каир.

Теперь прощай, моя милая душка Мама. Нежно обнимаю тебя, дорогого Папа, Ксению, Мишу и Ольгу. Низкий поклон от моих спутников. Да хранит тебя Бог!

Твой *Ники*»⁷⁸.

Путешествие для Николая и его молодых спутников оказалось интересным и познавательным. Он видел грандиозный Суэцкий канал, вместе с наследником шведским и принцем греческим поднимался на пирамиду Хеопса, восхищался Индией и экзотикой тропиков, побывал в Китае. Однако его родной брат великий князь Георгий Александрович в связи с резким ухудшением состояния здоровья вынужден был прервать дальнейшее плавание и

вернуться с полдороги в Россию. На столе в каюте наследника, рядом с семейными портретами, постоянно находился и портрет любимой принцессы Аликс. Еще во время путешествия Николай Александрович через курьера получил долгожданное письмо от своей тети великой княгини Елизаветы Федоровны, в котором она сообщала обнадеживающие новости:

«Петербург.

5 марта 1891 года.

Дорогой Ники!

С любовью благодарю за твое милое письмо. С тех пор как я в последний раз писала тебе, у нас столько всего произошло – Сергея назначили генерал-губернатором Москвы. Мы были очень тронуты тем доверием, которое твой отец оказал моему дорогому мужу, дав ему такую важную должность, и добротой и любовью, которые он проявил, сделав Сергея своим генерал-адъютантом. Но ты легко можешь себе представить, как нас взволновало начало совершенно новой жизни...

Я получила несколько писем от Пелли. Бедняжка, она мучает себя еще больше, чем всегда, и умоляет передать тебе со всей определенностью, что она вправду считает, что этому никогда не бывать. Но ее любовь сильнее, чем раньше, и я вижу, что она думает только о тебе. Тебе придется воевать самому, а я все же всегда надеюсь на Божью помощь. Почему не встретится такое глубокое чувство с обеих сторон? Я даю ей книги – те же, которые я прочла сама, и она, к счастью, их читает и, может быть, в конце концов, так полюбит эту веру, что это даст ей решимость мужественно встретить все то недоброе, что могут о ней сказать. И, наконец, я помню, как сама думала, что никогда не переменюсь, а сейчас так счастлива этим. Она передает тебе большой привет. Молись, дорогой, очень усердно, и, может быть, все будет хорошо.

Суббота перед Вербным воскресеньем будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву.

У нас стоит тихая погода, а за границей везде холодно, совершенно необычно для этого времени года.

От нас обоим большой привет,
остаюсь твоя любящая

*Тетушка»*⁷⁹.

Великая княгиня Елизавета Федоровна (старшая сестра принцессы Аликс), как сообщала в письмах цесаревичу, твердо решила принять православие. Это стало общим знаменательным событием для всей императорской фамилии. Великий князь Константин Константинович записал в своем дневнике:

«1891 год. Санкт-Петербург

14 апреля.

Вчерашний день был знаменателен для нашего Дома: Элла присоединилась к Православию. Она сделала это не из каких-нибудь целей, а по твердому убеждению, после зрелого двухлетнего размышления. Трогательный обряд присоединения совершился у Сергея в его домовую церковь, рано утром. Присутствовали Государь, все семейство (кроме Михен и моей жены, которым как лютеранкам неудобно было присутствовать) и некоторые близкие знакомые. За обедней Элла причастилась...»⁸⁰

В связи с этим событием цесаревич подарил своей тете Элле небольшой образ Спасителя на золотой цепочке, с которым она не расставалась вплоть до мученической смерти от рук чекистов. Эта реликвия в настоящее время хранится в храме-памятнике Николаю II в Брюсселе в Бельгии.

Однако вернемся к путешествию Николая Александровича, которого поджидали роковые превратности судьбы.

Круиз завершился в Японии неожиданным покушением на наследника Российского престола. 29 апреля 1891 г. цесаревич Николай Александрович и сопровождавший его в этом путешествии кузен, греческий принц Георгий, в отличном расположении духа отправились в очередную поездку по стране в небольшой городок Оцу. Ничего, казалось, не предвещало беды. Однако, проезжая по одной из узких улочек уютного городка, высокий гость подвергся неожиданному нападению. Вот как сам цесаревич описал этот инцидент в своем дневнике:

«Проснулся чудесным днем, конец которого я бы не видел, если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога! В 8 ¹/₂ [часов] отправились в дзинрикися (т. е. в коляске рикши. – В.Х.) из Киото в небольшой городок Оцу, куда приехали через час с ¹/₄ удивлялся неутомимости и выносливости наших джинрикшей. По дороге в одной деревне стоял пехотный полк, первая часть, виденная нами в Японии.

Немедленно осмотрели храм и выпили горького чаю в крошечных чашках; затем спустились с горы и поехали к пристани. Ехали вдоль канала, прорытого из оз[ера]Бива внутри гор, работа поистине египетская! С пристани отправились на паровых катерах по озеру к дер[евне] Карасаки, где на мысе стоит огромная сосна около 1000 лет и при ней маленький храм. Здесь рыбаки поднесли разного рода рыбы, только что вытасщенные при нас – лососи, форели, лещи, плотва и др.

Вернувшись в Оцу, поехали в дом маленького кругленького губернатора. Даже у него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь; тут Джоржи и купил свою бамбуковую палку, сослужившую мне через час такую великую службу.

После завтрака собрались в обратный путь. Джоржи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера! Выехали мы опять в джинрикшах в том же порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидел мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблей в обеих руках.

Я только крикнул: “Что тебе?” и выпрыгнул через джинрикшу на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны. Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джоржи, бежавшего за преследовавшим меня полицейским. Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено: Джоржи – мой спаситель – одним ударом своей палки повалил мерзавца; и когда я подходил к нему, наши джинрикши и несколько полицейских тащили того за ноги; один из них хватил его же саблей по шее.

Все ошалели; чего я не мог понять, это каким образом Джорж, я и тот фанатик оставались одни посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне и остановить полицейского. Из свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей; даже принц Арисугава, ехавший третьим, ничего не видел. Мне же пришлось всех их успокаивать, и я нарочно оставался подольше на ногах. Рамбах сделал первую перевязку, а главное, остановил кровь; затем я сел в джинрикшу, все окружили меня: и так шагом мы направились в тот же дом. Жаль было смотреть на ошалевшие лица принца Арисугава и других японцев; народ на улицах меня тронул; большинство становилось на колени и поднимало руки к лицу в знак сожаления. В доме губернатора мне сделали настоящую перевязку и положили на диван в ожидании прибытия поезда из Киото. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих Папа и Мама и о том, как написать об этом случае в телеграмме. В 4 час[а] отправились на жел[езную] дорогу под большим конвоем пехотного батальона. В поезде и в карете в Киото голова сильно ныла, но не от раны, а от туго завязанного бинта.

Как только приехали к себе, сейчас же доктора приступили к заделке повреждений на голове и к зашиванию ран, которых оказалось две. В 8 1/2 [часов] все было готово; я себя чувствовал отлично, после скудного (диета) обеда лег спать с мешком льда на башке. Вот как благодаря милости Божьей этот день благополучно кончился!»⁸¹.

Как отмечал князь Э.Э. Ухтомский, находившийся в свите и позднее написавший трехтомник «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891», первыми словами Николая Александровича после этого инцидента были: «Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие». Эти же слова были повторены «цесаревичем тотчас же принцу Арисугава, подбежавшему к нему несколько секунд спустя».

Великий князь Константин Константинович 1 мая 1891 г. записал в дневнике: «Когда я встал вчера, камердинер Степанов показал мне «Правительственный вестник», в котором была телеграмма об избавлении цесаревича от грозившей ему опасности. Это было в Японии, в окрестностях города Киото. На наследника напал японец-полицейский и нанес ему удар саблею по голове. Бывший тут мой племянник Georgie, грек, повалил на землю злоумышленника, ударив его палкой. Рана цесаревича, к счастью, не опасна, он не слег и чувствует себя хорошо. В Гатчине был назначен благодарственный молебен. Я и так собирался ехать туда являться по случаю выступления в командование полком, а тут и вся семья туда поехала. Я был позван к Государю в его приемный кабинет, хотя прием и был отказан. Я вошел к Государю, как только кончился доклад статс-секретаря по делам Финляндии Дена. Царь меня поцеловал и, выслушав мои поздравления со спасением цесаревича, сказал, что телеграммы приходят успокоительные, что у Ники нет лихорадки, и он продолжает путешествие»⁸².

Это происшествие в Японии, как впрочем, и всё, что происходило в Императорском Доме Романовых, стало вскоре достоянием широких кругов общества. Известный московский репортер В.А. Гиляровский набросал довольно едкий и актуальный для всех времен экспромт, который тайно ходил по рукам:

Приключением в Оцу
Опечален царь с царицею
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицию.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Покушение на Николая Александровича в Японии показало, что жизнь представителей царской семьи не была гарантирована от террористов не только в России, но и за рубежом. В связи с этим в царской семье великий князь Георгий Александрович 11 июня 1891 г. был назначен опекуном над младшим братом Михаилом.

Инцидент в Оцу вызвал массу толков, как в России, так и в других странах. Он широко освещался на страницах мировой печати. Однако многие обстоятельства покушения на цесаревича, в частности причины и цели, а также его организаторы, остались нераскрытыми. Вызывает интерес поведение тридцатисемилетнего полицейского-террориста в ходе следствия, который вроде бы долго не давал никаких показаний, а затем выдвинул сомнительную версию, что он принял цесаревича за того человека, который прибыл в страну с шпионскими

целями для подготовки вторжения в Японию. В итоге Верховный суд приговорил Цуда Сандзо к пожизненному заключению, хотя японское правительство настаивало на вынесении ему смертной казни. Внезапная смерть осужденного в тюрьме спустя всего несколько месяцев после суда дала еще один повод полагать, что это не был маньяк-одиночка, а само покушение было подготовлено достаточно влиятельными силами.

Это «темное дело» позднее даже пытались привязать к дипломатическим и военным событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. В доказательство последнего, часто ссылаются на авторитет влиятельного сановника С.Ю. Витте, который указывал в опубликованных воспоминаниях по этому поводу следующее:

«Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петербурге; он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т. е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатление о Японии и о японцах в частности.

Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев, как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно.

Когда началась последняя ужасная и несчастная война, то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с высочайшими надписями, в которых император называет японцев «макаками».

Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта, то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке, не заявили бы, что мы должны иметь верховенство в Тихом океане, не захватили бы Порт-Артур, не втюрились бы в эту войну и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще больше как ее последствия...

Наконец, поездка из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, конечно, тоже не могла не произвести реального впечатления величия той роли, которая Богом предназначена для молодого наследника, будущего императора.

Поэтому, естественно, все это вместе в мировоззрении молодого цесаревича не могло не занять своего места среди других впечатлений, которые должны были найти приют в сердце и уме цесаревича. Он гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и к Западу.

Вследствие этого, можно сказать, поездка его на Дальний Восток в известной степени как бы предрешила и характер всего его царствования. Вот почему я говорю, что поездка эта была фатальна»⁸³.

Можно, конечно, соглашаться или нет с такими однозначными выводами графа С.Ю. Витте, но нельзя не учитывать, что воспоминания писались в 1911 г., когда бывший министр давно находился в отставке и испытывал к царю, так сказать, не лучшие чувства. Впрочем, многие дипломаты отмечали, что Николай II во внешней политике определенно держался по крайней мере двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и прав был его прадед Николай I, когда говорил, что «где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя». Вместе с тем известно, что Николай II высказывал в этой области политики и другое мнение: «Пойти вперед легко, остановиться трудно».

Однако вернемся к дневникам самого цесаревича во время нахождения его еще в Японии. Записи в дневнике в какой-то степени опровергают утверждения графа С.Ю. Витте. Спустя всего два дня после покушения, 1 мая 1891 г., Николай Александрович отмечает в своем дневнике: «Встал бодрым и веселым... Все японское мне также нравится теперь, как и раньше 29-го, и я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика, их соотечественника; мне так же, как прежде, любы их образцовые вещи, чистота и порядок...»⁸⁴.

6 мая цесаревич торжественно отметил на борту «Азова» свое 23-летие и лично вручил двум своим спасителям джинрикшам «по золотой медали и по 2500 долларов каждому, сказав им, что они будут получать по 1000 дол[ларов] пенсии ежегодно до смерти»⁸⁵. По тем временам это были большие деньги.

В день отъезда из Японии 7 мая 1891 г. наследник Российского престола записал свои впечатления: «Настал последний день нашей стоянки в японских водах; странно сказать, что не без грусти оставляю эту любопытную страну, в которой мне все нравилось с самого начала, так что даже происшествие 29-го апр[еля] не оставило после себя и следа горечи или неприятного чувства»⁸⁶. На следующий день в дневнике еще одна запись:

«И грустные и радостные мысли толпились в голове при расставании с Японией: первые оттого, что не удалось проехать через всю эту любопытную страну, которая мне понравилась больше всех других, а также потому, что предстоявший переход во Владивосток был последним на чудном «Азове», радостные мысли оттого, что благодаря этой перемене маршрута я могу вернуться домой двумя неделями раньше; пожалуй, успею захватить конец лагеря»⁸⁷.

После возвращения с Дальнего Востока через необъятные сибирские просторы в Петербург цесаревич 21 декабря 1891 г. записывает в своем дневнике:

«Рассуждали о семейной жизни. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy оставил или был отказан, единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти убежден, что наши чувства взаимны!

Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее»⁸⁸.

Еще через месяц, 29 января 1892 г., он напишет в дневнике: «В разговоре с Мама утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр. Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал этой! Что будет?»⁸⁹.

Однако Николай остался верным своему сердечному выбору и продолжал с упорством ждать, когда родители согласятся на этот брак. Принцесса Алиса отклонила предложение стать невестой английского наследника престола принца Эдуарда. 1 марта 1891 г. скончался ее отец, и она осиротела, но интуитивно чувствовала, что в мире есть еще одно сердце, в котором она живет. Время продолжало свой неумолимый бег.

Император Александр III был в расцвете лет, и никто не мог предполагать, что царствование его будет скоротечным. Тем не менее он постепенно начал подготавливать наследника к Государевой службе. С 1889 г. для ознакомления с управлением государства Николай стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же

целях он часто сопровождал отца в официальных поездках по стране. В конце 1891 г. на цесаревича были возложены обязанности председателя Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 г. он возглавил Комитет по сооружению Транссибирской железной дороги. На этом новом поприще наследник добился определенных успехов. Позднее граф С.Ю. Витте отмечал в своих воспоминаниях: «Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца»⁹⁰.

В 1893 г. Николай Александрович был послан в Лондон представлять царскую фамилию на бракосочетании его двоюродного брата принца Георга, герцога Йоркского, будущего короля Георга V, с принцессой Марией Тэкской. Цесаревича поселили во дворце Мальборо вместе с остальными августейшими персонами королевских дворов Европы. Свадьба состоялась 24 июня (6 июля) в прекрасный летний день. Николай с грустью мечтательно представлял, как было бы хорошо, если бы на месте этой счастливой пары находились он и Аликс. Представить это было достаточно легко, так как Георг и Николай были столь похожи друг на друга, что даже люди, которые их хорошо знали, путали одного с другим. Георг лишь был немного ниже ростом и тоньше, чем Николай, лицо у него было более узким, и глаза более выдавались вперед, но оба расчесывали волосы на прямой пробор и носили одинаковую вандейковскую остроконечную бородку. Стоя рядом друг с другом, они выглядели как братья-близнецы. Тем более их роднило то, что цесаревич в совершенстве владел английским языком и манерами изысканного джентльмена. Несколько раз в течение церемонии это сходство было причиной ряда курьезных замешательств.

Весною 1894 г. Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала брайтонову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Император получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в кармане серебряный портсигар оказался сплюснутым. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Врачи настаивали на немедленной перемене климата и советовали ему переехать на Корфу в Италию. Император предпочел отправиться в Крым, заметив: «Если мне суждено помирать, так уж лучше дома». Двор переселился в Ливадию, но болезнь продолжала прогрессировать.

К 1894 г. всем стало ясно, что главными победами эпохи царствования Александра III стало разгром революционеров и сохранение мира с другими государствами. Император утратил былой порыв к преобразованиям Российской империи и, по воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, потерял веру в то, что министры способны исполнять точно его волю. Он уже физически не мог, как раньше принимать самостоятельных решений и впадал во все большую зависимость от Воронцова-Дашкова, Черевина и Рихтера. Он все чаще просил их просматривать деловые бумаги, поступающие к нему от министров.

Еще до переезда в Крым Александр III выразил желание женить или, по крайней мере, помолвить наследника престола. Николай был счастлив, что, наконец, смог получить разрешение своего державного отца на помолвку с его ненаглядной принцессой, которую ласково называл Аликс. Вечером 2 (14) апреля 1894 г. он в обществе трех августейших дядей, их жен и свиты выехал в Кобург, официально – на свадьбу брата принцессы Алисы (герцога Эрнеста-Людвига Гессенского с принцессой Викторией-Мелитою Саксен-Кобург-Готской), а фактически – сделать ей предложение. Туда же поспешил и император Вильгельм, оза-

боченный устроить брак наследника Российского престола с немецкой принцессой и боявшийся, как бы цесаревич не попал в английские сети. 4 апреля Романовы прибыли в Кобург, торжественно встреченные родственниками, парадом войск и восторженным населением.

Однако надежды на успех были минимальные. Об этом можно судить по дневниковой записи великого князя Константина Константиновича (известный поэт «К.Р.») от 9 апреля 1894 г.:

«Я узнал от императрицы (имеется в виду Мария Федоровна. – В.Х.), что в день отъезда Ники из Гатчины, т. е. в субботу 2 апреля, Ксения (великая княжна Ксения Александровна. – В.Х.) получила телеграмму от Алисы, теперешней невесты, которая предупреждала, что останется непреклонной, т. е. не согласится присоединиться к православию. Ники был очень огорчен и хотел остаться, но императрица настояла, чтобы он уехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имеет большое влияние на свою внучку. И так, не было никакой надежды, что помолвка состоится...»⁹¹.

Тем временем «светское общество» обеих столиц России нетерпеливо ожидало дальнейших событий, и недостаток информации усиленно компенсировало различными слухами и сплетнями. Особым вниманием был удостоен наследник престола. Своеобразным барометром атмосферы аристократических кругов можно считать дневник хозяйки влиятельного петербургского салона, убежденной монархистки генеральши А.В. Богданович, фиксировавшей в нем на протяжении многих лет факты и всякую услышанную, мягко сказать, всячину, а вернее – сплетни. Так, в 1889 г. она зафиксировала не очень лестный отзыв о цесаревиче Николае: «Цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет вставать, говорит не очень приветливо и развивается физически, но не умственно»⁹². Последующие записи, относящиеся к началу 1894 г., также полны скептицизма: «Он очень упрям и советов не терпит»⁹³. И далее еще, скорее всего, из области слухов, но воспринятых влиятельной генеральшей как достоверные факты: «Цесаревич ведет очень несерьезную жизнь... не желает царствовать, не желает жениться»; «Датская королева (т. е. бабушка цесаревича Николая. – В.Х.) хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника» и т. п. Как говорят в таких случаях: комментарии излишни.

Возможно, на это не стоило отвлекать внимание наших читателей, если бы не следующие обстоятельства: широкая циркуляция подобных извращенных слухов в обществе и явное желание многих покопаться в чужом белье. Это порочное явление захватило многих высокопоставленных чиновников, в том числе и дипломатов, профессионально «чутких на ухо» до всякого рода сплетен. Так, в дневнике графа В.Н. Ламздорфа (советника российского министра иностранных дел) имеется запись от 4 апреля 1894 г.:

«После завтрака ко мне заходил Деревицкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей «подлой Алиске» и что будто бы Его Императорское Высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г[осподи]н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валью; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: “Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих

наблюдателей, то я ему морду разобью – знайте это”. Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он предоставляет собой подрастающего Павла I...»⁹⁴. Как мы видим, крупницы подлинного утонули в море вымысла и лжи, что создавало негативную атмосферу в определенных кругах общественного мнения против наследника престола.

Через неделю граф делает новую запись: «В 11 часов виделся с министром. Несколько дней тому назад разрешили продажу фотографий принцессы Алисы, теперь их можно найти в витрине любого магазина, где продают открытки и гравюры. Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую цесаревну красивой. Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе, в 1889 г., она даже показалась ему уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, Государыне она тоже не нравилась... Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности, а вот радость Их Величеств действительно искренна. Государь и Государыня, видимо, раскрыли лишь совсем недавно связь их августейшего сына с балериной Кшесинской, а его затянувшееся холостячество уже начинало их беспокоить»⁹⁵.

Забегая вперед, отметим, что многие представления автора дневника и близких к нему персон вскоре кардинально изменятся.

Стоит также процитировать воспоминания самой балерины М.Ф. Кшесинской, написанные на склоне лет. Правда, они далеко не всегда соответствуют действительности событий. Читая их, создается порой впечатление, что знаменитая прима-балерина желаемое выдавала за действительное. Она немного не дожила почти до 100-летнего своего юбилея. Злые языки утверждали абсурдные вещи в ее биографии, которые перекочевывают до сих пор на страницы авантюрных политических и любовных романов. Одной из таких распространенных небылиц являлось утверждение, что в 1894 г. наследник престола Николай Александрович уже имел от нее ребенка?! Но вернемся к событиям помолвки цесаревича и представим слово самой М.Ф. Кшесинской: «Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе»⁹⁶.

И далее: «Мнения могут расходиться насчет роли, сыгранной императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней наследник нашел себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие об его сватовстве было для меня первым настоящим горем... Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке наследника с принцессой Алисою, хотя Государь и императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными... После своего возвращения из Кобурга наследник больше ко мне не ездил...»⁹⁷

Однако оставим М.Ф. Кшесинскую, обывательские слухи столичной публики и вернемся к заграничной поездке наследника престола.

Первый серьезный разговор Николая с принцессой Аликс произошел на следующее утро после прибытия в Кобург, о чем он записал в своем дневнике: «5 апреля. Вторник. Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к [ете]Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и все же

очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала...»⁹⁸

На следующий день новая запись: «...Аликс потом пришла, и мы говорили с ней снова; я поменьше касался вчерашнего вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видаться и разговаривать...»⁹⁹

Наследник Николай всё медлил с решительным предложением, опасаясь, вероятно, получить отказ. Наконец, колебания и томительные ожидания были преодолены. 8 апреля 1894 г. в дневнике появилась запись: «Чудный, незабвенный день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т[ете] Михен (великая княгиня Мария Павловна, супруга великого князя Владимира Александровича. – В.Х.) и, после разговора с ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какую радость удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил как в дурмане... Даже не верится, что у меня невеста»¹⁰⁰.

Через день, 10 апреля 1894 г., в письме к матери Николай описал пережитое: «Моя милая дорогая Мама, я не знаю, как начать это письмо, потому что столько хочется сказать, что мысли путаются в голове... На другой день нашего приезда сюда я имел с Alix длинный и весьма нелегкий разговор, в котором я постарался объяснить ей, что иначе как дать свое согласие она не может сделать другого! Она все время плакала и только шепотом отвечала от времени до времени: “Нет, я не могу”. Я все продолжал, повторяя и настаивая на том, что уже раньше говорил. Хотя разговор этот длился больше двух часов, но он окончился ничем, потому что ни она, ни я друг другу не уступали. На следующее утро мы поговорили гораздо более спокойно; я ей дал твое письмо, после чего она ничего не могла возразить... Она захотела поговорить с т. Михен; это ей тоже посоветовал и Эрни. Уезжая, он мне шепнул, что надежда на добрый исход есть. Я должен при этом сказать, что все эти три дня чувствовалось страшное томление; все родственники поодиночке спрашивали меня насчет ее, желали всего лучшего, одним словом, каждый выражал свое сочувствие весьма трогательно. Но все это возбуждало во мне еще больший страх и сомнение, чтобы как-нибудь не сглазили. Император (Вильгельм II. – В.Х.) тоже старался, он даже имел с Alix разговор и привел ее в то утро 8-го апреля к нам в дом. Тогда она пошла к т. Михен и скоро после вышла в комнату, где я сидел с дядями, т. Элла и Wilhelm. Нас оставили одних, и... с первых же слов... согласилась! О Боже, что со мной сделалось тогда! Я заплакал, как ребенок, она тоже... Нет! Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и так же, как я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места все кажется милым, добрым, отрадным.

Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом, в самом деле, у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другая: веселой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние...»¹⁰¹

В ответ на это взволнованное послание сына императрица Мария Федоровна направила ему нежное письмо, а принцессе Алисе дорогой подарок, прося ее не называть больше тетей, а мамой.

Волей случая рядом со счастливой парой, оказался их будущий слуга камердинер А.А. Волков, который разделил их скорбный путь в Сибирской ссылке и только чудом избежал расстрела в Перми. В это время на свадьбе в Кобурге он находился с великим князем Павлом Александровичем, о чем позднее вспоминал: «Особенно памятна мне первая моя встреча здесь с будущей императрицей. Великий князь Павел Александрович поручил мне доставить ей ценный от него подарок. Я отправился в занимаемое ею помещение Кобургского

дворца и застал ее в одной из тесных дворцовых гостиных. Сидела она на диване вместе со своим женихом и при виде меня как-то сконфузилась и отошла к окну, ничего мне не сказав. Наоборот, будущий император приветствовал меня очень ласково:

– А, милый Волков, что скажешь хорошего?

Я доложил о цели моего прихода, и тогда Цесаревич пригласил подойти свою невесту, объяснил ей, кто я таков и зачем явился. Она, по-видимому, была рада подарку и милостиво отпустила меня, дав на прощание поцеловать руку. В Кобурге мы пробыли около трех недель, весело и разнообразно. Особенно оживлял собравшееся там общество своею веселостью и подвижностью великий князь Владимир Александрович. Там же видел я впервые императора германского Вильгельма II. Он держал себя не только скромно, но, по временам, прямо заискивающе. Дело доходило до того, что он самолично помогал надевать пальто великим князьям. Вообще чувствовалось, что он выбивается из сил, чтобы понравиться русской царской семье. Но особенных симпатий у нее он, кажется, не завоевал»¹⁰².

Позднее императрица Александра Федоровна часто вспоминала этот счастливый день их обручения. В ее письме к Николаю II от 8 апреля 1915 г. мы читаем: «Мои горячие молитвы и благородные мысли, полные глубочайшей любви, витают над тобой сегодня в эту дорогую годовщину. Как время летит – уже 21 год! Знаешь, я сохранила это серое платье принцессы, в котором я была в то утро. Сегодня надену твою любимую брошку»¹⁰³. И через год в другом письме супругу на фронт: «Дорогой мой, более чем когда-либо я буду думать о тебе в 22-ю годовщину нашего обручения. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства... Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой серый костюм, запах его, у окна в Кобургском дворце...»¹⁰⁴. И даже в письмах царской семьи из Тобольской ссылки можно найти строки: «Сегодня 24-я годовщина нашей помолвки...»¹⁰⁵

Не правда ли, такие браки совершаются разве что только на небесах!

Перед отъездом в Россию Николай открылся перед невестой о своем мимолетном романе с Кшесинской, на что Аликс великодушно и мудро заметила, сделав запись 17 июля 1894 г. в его дневнике: «Я твоя, ты мой – будь в этом уверен! Ты пленен в моем сердце, и ключик потерян, и ты навсегда останешься там. Дорогой Ники!»¹⁰⁶.

Тем временем состояние здоровья Александра III катастрофически ухудшалось. На консилиуме 4 октября 1894 г. врачи без колебаний решили, что больному осталось жить недолго. Пульс не падал ниже 100 ударов в минуту, отеки уменьшить не удавалось, положение осложнялось болезнью сердца, которую раньше вообще не замечали. Аликс по вызову срочно выезжает в Россию. В Берлине ее провожал император Вильгельм II. В октябре 1894 г. немецкие газеты писали о ней: «Она изволила получить всестороннее и прекрасное образование. Отличительной чертой ее характера является милосердие к страждущим и благотворение. Она очень любит читать, преимущественно путешествия и исторические сочинения. С русским языком она успела познакомиться настолько, что перед отъездом из Дармштадта довольно хорошо владела им».

Аликс ехала в Крым как частное лицо. В Варшаве встречала ее родная сестра великая княгиня Елизавета Федоровна. Ксения Александровна 10 октября 1894 г. записала в дневнике о встрече принцессы в Крыму: «День эмоций! Утром у нас сидел Николай! В 11 ¹/₄ ч. поехали в Ливадию. Ники отправился в 10 ч. в Алушту встретить невесту. – У Папа был отец Иоанн. Огромная эмоция, Папа был утомлен. Спал он не дурно. В 12 ч. завтрак. Папа с Мама отдельно. – Д. Владимир и т. Михень пришли сегодня ночью на «Саратове» из Одессы. – Потом Папа лег в постель. Днем ходили с Ники гр[еческим], Минни и Джоржень-

кой к морю. Миша и Беби верхом, чудили. Погода парадидьяк⁴, 19° в т[ени] и тихо. – У моря очень хорошо. Вернулись в экипаже. Зашли к т. Михень. Был чай у Мама. У Папа вид был лучше опять. В 5 1/4 ч. приехали Алих с Ники. Очень красивая, приветливая, ужасно взволнована. Так хорошо, что приехала. Ее сейчас же повели к Папа. Папа также очень взволнован. Потом краткое молебствие в маленькой церкви. Было довольно много народу. Ужасно трогательно, но так грустно! Вернувшись, читала у себя. Обедали, как всегда, наверху с Алих, а потом играли в карты. Папа очень устал, хотел спать. 19° тепла всю ночь»¹⁰⁷.

Незадолго до смерти, когда император Александр III уже передвигался с большим трудом, узнав о приезде в Ливадию жениха и невесты, он надел мундир и поднялся навстречу. «Что вы делаете, Ваше Величество», – с ужасом воскликнул, увидев это, лейб-медик императора Гирш. «Не ваше дело», – возразил Александр III, – «я так поступаю “по Высочайшему повелению”». Император оказал большое уважение Аликс и проявил к ней большую ласку, о чем она вспоминала всю жизнь.

Задатки властности Аликс проявились еще до вступления ее в брак. Уже через пять дней после приезда в Ливадию она сочла нужным записать в дневнике своего жениха: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко... Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты, дорогой, сын твоего отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»¹⁰⁸.

В этой записи уже ясно слышны те нотки, которые впоследствии так громко зазвучали в ее письмах к Николаю II периода Первой мировой войны и Февральской революции.

Тем временем в столице распространяются тревожные слухи о скорой кончине императора Александра III и предстоящих потрясениях в России. Уже знакомый нам граф В.Н. Ламздорф 13 октября 1894 г. зафиксировал в своем дневнике: «Министр страдает одышкой несколько сильнее обычного; говорит, что вчера ему нанес визит генерал Вердер (германский посол в России. – В.Х.), настроенный весьма пессимистически относительно здоровья нашего Государя под влиянием сведений из Берлина. Генерал Вердер, обычно хорошо информированный, рассказал г-ну Гирсу, что министр внутренних дел по телеграфу запросил наследника-цесаревича, находящегося в Ливадии, не должен ли и он прибыть туда, учитывая складывающуюся обстановку; в ответ министр внутренних дел будто бы получил от Его Императорского Высочества следующую телеграмму: “В настоящее время министры должны оставаться на своих местах”. В городе ходят всякие слухи, речь идет даже о том, что свадьба наследника-цесаревича будто бы будет сыграна в ближайшие дни»¹⁰⁹.

На следующий день он возвращается к тем же проблемам и записывает: «На сегодняшнем молебне в нашем посольстве в Берлине присутствуют кайзер Вильгельм, принцы, высокие сановники двора и т. п. Кайзер, как и все другие присутствующие, становится на колени во время произнесения молитвы о здоровье нашего монарха. На молебне присутствуют также канцлер граф Каприви и прусский министр внутренних дел граф Эйленбург; в тот же день, двумя часами позже, оба они уходят в отставку. Их отставка и возвращение кайзера к некоторым политическим тенденциям Бисмарка становятся основой довольно неожиданного государственного кризиса. Министр внутренних дел г-н Дурново наносит визит г-ну Гирсу. Опираясь на имеющиеся у него сведения, он заявляет, что нет никакой надежды спасти Государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где

⁴ Возможно другое прочтение этого слова.

это совершенно необходимо... Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя по некоторым признакам. Так, например, на Юге были сделаны попытки распространять слухи, будто Государя лечат почти исключительно врачи-евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из тех еврейских погромов, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков. Министр Дурново считает также, что в Ливадии состоится в недалеком будущем если не свадьба, то обручение наследника. К вопросу о евреях. Среди петиций и писем, полученных из-за границы и пересланных в министерство в пакетах из Ливадии, я нахожу следующий своеобразный документ: «Париж, 4 октября 1894 г. О, царь, император всея Руси, самодержавный властитель миллионов людей, вся твоя сила не мешает тебе страдать подобно самому обычному из смертных. Самые знаменитые доктора мира не излечат тебя от болезни, ниспосланной тебе Богом в наказание за твою жестокость и в напоминание о том, что ты просто человек, подобный всем другим, и что тебе нужно подумать о страданиях, причиняемых тобою израильтянам России. Верни им свободу, вспомни, что они люди, подобные тебе самому, не преследуй расы, по отношению к которой у тебя не может быть никаких упреков. В этом твое спасение! Пусть только с израильтянами обращаются в России наравне с другими твоими подданными, и ты выздоровеешь! Некто французский израилит». Невольно напрашивается в связи с этим воспоминание о трагической и таинственной смерти одного из главных поваров, исчезнувшего во время возвращения части придворной челяди из Спалы; его раздавленное тело нашли потом на железнодорожных путях»¹¹⁰.

Как мы можем видеть из этих дневниковых записей графа, при только наметившейся смене монарха у чиновников разного ранга проявился профессиональный стереотип мышления, т. е. определения новых ориентиров в своей карьере и поиска новых врагов, которые могли бы гарантировать их незаменимость на посту в государственном аппарате власти.

19 октября 1894 г. как в обеих столицах, так и по всей России во всех церквях и храмах был отслужен молебен о здравии императора. Болезнь царя-мироотворца привлекала внимание многочисленной прессы во всем мире. Молебны за здоровье русского царя прошли в Великобритании и в соборе Парижской Богоматери; в Ватикане такую службу провел папа Лев XIII, а в Вашингтоне в аналогичной службе участвовали президент Кливленд, его кабинет и конгрессмены. Даже британский посол в эти дни вынужден был признать: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие». Сам лично принимавший участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александр Александрович, как известно, заявлял: «Всякий правитель... должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны»¹¹¹. Не так давно на Западе широко бытовало негативное отношение к российскому императору. Эмиль Диллон (корреспондент английской газеты «Дейли телеграф») в очерке, посвященном жизни императора Александра III, констатировал: «Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политические карикатуры иначе не изображают его, как в образе медведя с короной на голове, – человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства»¹¹². Теперь Российская империя и весь мир замерли в тревожном ожидании дальнейших событий.

Находясь на смертном одре, император Александр III был обеспокоен тем, что сын Николай не был еще в полной мере подготовлен к той тяжелой ноше, которую он безвременно переключивал на него. За два дня до кончины между ними состоялся обстоятельный разговор. В частности, умирающий отец завещал наследнику престола: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его

я, и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет назад от истекшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое “передовое общество”, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть? Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит к благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего, покровительствуй церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства»¹¹³.

Спустя всего десять дней по прибытии Аликс в Россию, 20 октября 1894 г. император Александр III скончался в возрасте 49 лет. Даже утром, в последние минуты своей жизни, он думал только о благополучии России, но почувствовал себя плохо, позвал супругу Марию Федоровну и сказал ей: “Чувствую конец. Будь спокойна. Я совершенно спокоен”. Затем позвал всю семью, благословил молодых, пригласил своего духовника протопресвитера Янышева и причастился. Имеется также свидетельство, что незадолго до смерти император потребовал к себе наследника и приказал ему немедленно подписать манифест к населению о восшествии на престол.

О последних часах жизни императора Александра III оставил воспоминания лейб-медик Н.А. Вельяминов:

«19 октября Государь провел день в своей уборной комнате, сидя в креслах и очень страдал от одышки, усилившейся вследствие присоединившегося воспаления легкого при нарастающей слабости сердца. В 9 часов вечера его перевезли на кресле в спальню. Будучи позван к больному, я предложил свою помощь при переходе в постель, но Государь отпустил меня, сказав, что он меня позовет. Однако когда меня позвали в 10 часов, я нашел его уже в кровати очень уставшим. По обыкновению я сделал легкий “массаж” ног, т. е. в сущности, самое легкое поглаживание, что он очень любил, напудрил болевшую и зудевшую от напряжения кожу, наложил бинты и ушел в кабинет императрицы, предвидя, что ночь будет тяжелая, а Государь будет стесняться посылать за мной. Около двенадцати часов меня снова позвали – Государь очень тяжело дышал и жаловался, что он лежать больше не может, что это невыносимая мука. На мои увещания лучше остаться в кровати, Государь попросил его переложить и устроить ему полусидящее положение, что мы с камердинером и исполнили. При этом присутствовала императрица, уже переодевшаяся к ночи. Однако перемена положения мало облегчила больного, он, видимо, очень страдал от одышки. Не зная, как ему помочь, я предложил послать за Лейденом. Последний скоро явился, и мы просидели с ним до 2-х часов, массируя руки и успокаивая словами. Государь пытался уснуть, но тотчас просыпался, стонал, но не жаловался. При этом он все время уговаривал императрицу лечь спать. Около 2-х часов мы ушли, Лейден пошел спать в мою комнату, где находился и Гирш,

а я прилег в кабинете императрицы, но в три часа меня опять позвал Государь. Императрица спала или, по крайней мере, делала вид, что спит. Я просидел с больным до 4 ¹/₂ утра, что-то ему рассказывая. Он нервно курил, бросал недокуренные папиросы и, закуривая новые, постоянно спрашивал который час, – видимо он не мог дождаться утра и света. Между прочим, несмотря на свои страдания, он все беспокоился, что он курит, а я нет, предлагал мне курить, а на мой отказ курить в спальне Государыни посылал меня в другую комнату покурить: “Мне так неловко, что я все курю, а вы не курите так долго, пойдите покурить”, – говорил он. “Мне так совестно, – сказал он в другой раз, – что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил”. В 4 ¹/₂ встала императрица, и мы до 5 часов просидели с нею у кровати, занимая больного разговорами. Государь стал энергично требовать, чтобы его пересадили в кресло. Чтобы его отвлечь от этой мысли, я в 5 часов приказал подать утренний кофе. Государь этому обрадовался и пил кофе с Государыней. В 6 часов пришел Лейден и мы с большим трудом пересадили больного в его кресло и выкатили на середину комнаты.

В 8 часов пришел цесаревич, а Государыня ушла одеваться. Мы остались втроем. Вдруг Государю стало очень нехорошо, и он приказал сыну позвать Государыню. “Зачем?” – спросил цесаревич. “Да так, будет лучше”. Одышка все усиливалась, пульс стал резко слабеть. Пришла Государыня, а я вышел и послал за гр. Воронцовым. Последний пришел и вошел без доклада в спальню. Государь, не видевший графа уже около 3-х недель, нисколько не удивился его приходу, а, напротив, как будто обрадовался. Вскоре пришел и вел. кн. Владимир Александрович, Государь тоже этому не удивился, обнял и поцеловал его; вслед за великим князем в комнату вошла сестра Государя вел. кн. Мария Александровна герцогиня Эдинбургская, только что приехавшая из-за границы. Государь даже не спросил ее, когда она приехала, а только ласково поздоровался с ней. Постепенно стали приходить все члены императорской фамилии. Со всеми входившими Государь здоровался, но не выражал никакого удивления тому, что так рано, без его разрешения, постепенно собралась вся семья, и я понял, что он сознает близость своей кончины и, в сущности, со всеми прощается. Самообладание его было так велико, что он даже поздравил вел. кн. Елизавету Федоровну с днем ее рождения. Приходившие члены семьи, поздоровавшись, уходили затем в соседнюю комнату. При Государе оставались только императрица, все дети, принцесса Алиса, Лейден и я. В 11 ¹/₂ часов пришел отец Янышев. Государь пожелал причаститься. Двери в другую комнату открылись, вошла вся семья и министр двора, все стали на колени, и умирающий царь внятно, на вид совершенно спокойно стал читать молитву перед причастием “верую Господи и исповедую...”.

После причастия Государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том же кресле среди своих самых близких членов семьи, т. е. Государыни, детей и невестки; кроме того, здесь были Лейден и я. Говорили, что еще утром Государь выразил желание видеть отца Иоанна, который после обедни около 12 часов и прибыл. Государь встретил его очень ласково и, несомненно, был очень доволен его появлением. О. Иоанн совершил молитву и помазал некоторые части тела святым елеем. После этого Государь его отпустил. Уходя отец Иоанн громко сказал не без рисовки: “прости (т. е. прощай), царь”.

Государь, видимо, страдал от неприятного чувства в сильно опухших ногах, для которых трудно было выбрать удобное положение; ввиду того, что больной довольно громко стонал, я предложил ему слегка помассировать ноги, зная, что это ему иногда давало облегчение. Все вышли из комнаты, и мы остались вдвоем. В то время, что я массировал, Государь сказал мне: “Видно профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной”. Из этого, как и из целого ряда других фактов, следовало заключить, что Государь вполне ясно сознавал приближение смерти, но оставался поразительно покойным и за все время не проронил ни одного слова о том, что отлично

понимал приближение конца. Однако был такой момент, когда он пожелал остаться наедине с наследником; все вышли на несколько минут; я не сомневаюсь, что он что-то говорил своему наследнику, но, что именно, я, конечно, не знаю, может быть, этого никогда не узнал и никто другой.

После массажа больной почувствовал облегчение, и даже несколько поднялся пульс, Лейден полагал, что такое состояние может протянуться и до вечера, поэтому я вышел на несколько минут и спустился к себе в комнату, чтобы что-нибудь перекусить, так как с вечера ничего не ел и не пил, но очень скоро кто-то прибежал ко мне и сказал, что, кажется, Государь кончается, я побежал наверх. Когда я вошел в комнату, я увидел, что Государь сидел в том же положении, только голова, которую обнимала стоявшая на коленях Государыня, склонилась набок и прислонилась к голове императрицы; больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно; все члены семьи стояли вокруг на коленях; отец Янышев читал отходную. Лейден взял пульс и показал мне головой, что пульса нет, прекратилось и дыхание, – Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. Картина была из тех, которые никогда не забываются теми, кто их видел. Теперь уже прошло более сорока лет, что я врач, видел я много смертей – людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой, чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает.

Все встали»¹¹⁴.

Европейская пресса отреагировала на безвременную кончину Александра III изъяслениями горести по поводу тяжелой утраты и восхищения царем, которого не так давно на тех же страницах нередко называли деспотом. Даже английские и немецкие издания восхваляли роль царя в международных отношениях и его умение сохранить мир. Смерть императора Александра III вызвала самые бурные отклики во Франции, новой стратегической союзнице России. Французское правительство приказало задрапировать в траур церкви и правительственные здания. Палата представителей прервала свои заседания по случаю смерти царя. Всенародная скорбь по умершему самодержцу в Российской империи продемонстрировала Европе, популярность и жизнеспособность русской монархии.

Император Александр III передал своему преемнику Россию, успокоенную внутри и грозную извне.

Позднее, печатанием серии грязных пасквилей, вышедших в 1895–1912 гг. в Лондоне и Берлине, с надписью на титульных листах: «Новые материалы из жизни российских королеванных особ, составленные на основании заграничных документов», была предпринята попытка придать этим событиям политическую интригу. В брошюрках сообщалось: «По дошедшим из-за границы сведениям, Мария Федоровна отказывалась присягнуть Николаю II. Министры, придворные и все бывшие тогда в Ливадии совершенно растерялись от такой неожиданности. Дело принимало тревожный характер. Многие уже предвидели возможность не только перемены в порядке престолонаследия, но и целого дворцового переворота, на который особенно рассчитывал ждавший в столице известий из Ливадии великий князь Владимир Александрович.

Волнение и растерянность достигли крайнего предела, но никто не решался обратиться к императрице с требованием присяги. В конце концов, все придворные в отчаянии обратились к одесскому генерал-губернатору графу Мусину-Пушкину, известному своей смелостью. Последний, сопровождаемый придворными, пошел прямо на врага: войдя к

императрице, он громко провозгласил императором Николая II. Ободренные придворные поддержали его, и императрице ничего не оставалось, как преклониться пред совершившимся фактом, тем более что ее партия с Воронцовым-Дашковым во главе оказалась совершенно бессильной...»

От начала до конца это была ложь, направленная на подрыв основ государственного строя в России. На самом деле почти все члены императорской фамилии и представители многих королевских дворов Европы собрались в эти печальные дни в Ливадии, а позднее в Петербурге. Великий князь Георгий Александрович, средний сын Александра III, записал в день кончины отца в своем дневнике: «О Боже! Какой ужасный день пришлось пережить нам всем. Мы потеряли нашего дорогого возлюбленного Папа. Это просто ужасно, ужасно. Около 9 часов нас позвали наверх. Бедный Папа был страшно слаб, так как не спал всю ночь и сидел в кресле в спальне; он с трудом дышал, и ему все время давали вдыхать кислород. Скоро собралось все семейство, а также тетя Мари, только что приехавшая. Пришел Янышев, причастил Папа Св. Тайн и читал молитвы. Затем отец Иоанн также пришел молиться, после чего Папа стало как будто немного легче. Мы все время оставались в комнате и выходили только немного покушать. В третьем часу бедному Папа стало хуже, и около 3 часов он тихо и спокойно скончался; казалось, что он уснул. Эта была чудная смерть, но Боже, как это было всем нам тяжело. Трогательно было видеть, как все люди плакали, прощаясь с Папа. Бедную Мама с трудом удалось увести из комнаты, но все-таки она была удивительно спокойна. Бедному Ники должно быть всего тяжелее. В 1/2 5 ч. пошли к присяге, которая произошла на площадке у церкви. Потом пошли к Мама, с которой сделался обморок у постели Папа... Затем была панихида; все ревели навзрыд. Кто мог ожидать, что Россию постигнет такое горе. Вчера еще утром бедному Папа было лучше... Да, этого дня я никогда не забуду! Прощай, дорогой Папа, навеки! Я до последней минуты не терял надежды: мне просто казалось невозможным, чтобы Бог взял его от нас, но, видно, Он нашел, что Папа сделал довольно добра и за его праведную жизнь взял его к Себе. Видит ли бедный Папа, как все его любили и оплакивают?»¹¹⁵.

Драматизм событий передают следующие строки письма великой княгини Елизаветы Федоровны к королеве Виктории от 24 октября 1894 г.: «Моя дорогая Бабушка, самое сердечное спасибо за Ваши ласковые строки. Я не могла писать до этого времени. Мы были в таком волнении. То было хуже, то лучше, и, наконец, это ужасное горе...

Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провел такую тяжелую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано. Минни (императрица Мария Федоровна) позвала нас туда. Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал все. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно, тоже, которая была как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь.

Потом мы оставались в соседней комнате. Дверь была широко открыта и можно было видеть заднюю часть его головы. Он сидел в кресле. Лежать в постели было для него мукой с его ослабевающим сердцем и водой, от которой он так опух. Да, он помолился за меня.

Был вызван священник, его личный духовник, и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Тайн, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает. Тогда двери закрыли, но дети сказали мне, что когда этот священник положил свою руку на его голову, он сказал: «Я чувствую себя так хорошо» – и все это время хотел, чтобы тот священник был рядом. Потом этот батюшка помазал его святым елеем. Тогда Саша отпустил его отдохнуть и попросил прийти опять, что тот священник и сделал. Они разговаривали друг с другом и с другими... Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери

открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний тихий вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя! Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги. Бедная дорогая Минни здорова и так полна христианского смирения. Она, Ники и я причастились Святых Тайн на следующий день вместе с Аликс после ее обращения в православие, которое было таким прекрасным и трогательным. Она прочитала все превосходно и была очень спокойной... В четверг все едем в Севастополь морем, потом в Москву... и в понедельник – в Петербург. Похороны, я думаю, будут через несколько дней, так как весь народ захочет увидеть его еще раз. Аликс, конечно, находится вместе со своими будущими свекровью и мужем. В Петербурге Эрни и она будут жить с нами в нашем доме и вскоре после этого состоится свадьба. Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мама. Это не только их желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро, вероятно, 14/26 числа. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только в новом году. Минни, вероятно, уедет сразу после этого, чтобы быть с Георгием, и не останется в своем старом доме, где жизнь без него может убить ее. Я так беспокоюсь, чтобы она не заболела. Она такая тоненькая, как маленький ребенок. Она ухаживала за ним днем и ночью все эти месяцы без отдыха, переживая в своем сердце...

Нежно целую. Я должна кончать, но скоро напишу еще...

Господь да благословит Вас.

Всегда Ваша послушная и любящая...

Элла»¹¹⁶.

Цесаревич Николай Александрович 20 октября 1894 г. с горечью и печалью записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9 1/2 была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался»¹¹⁷.

Царствование императора Александра III для России было периодом успокоения и стабильности. Его скоропостижная кончина вселяла во многие души тревогу за будущность Российской империи и каждого ее верноподданного. Это чувство общего смятения достаточно точно передают следующие строки великого князя Александра Михайловича: «Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но тем не менее смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, признавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

Помочь ему?.. Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание...»¹¹⁸

Это была сиюминутная слабость, вырвавшаяся из-под контроля Николая II, доверенная близкому родственнику и другу детства, искренне разделявшему вместе с ним общую невосполнимую утрату и скорбь. Вскоре молодой император, повинувшись чувству долга, взял себя в руки и никто не мог догадаться по его лицу, что творилось в его душе.

В день смерти Александра III, 20 октября 1894 г., было обнародовано о восшествии на Российский престол цесаревича, великого князя Николая Александровича. Государь император Николай II, выражая беспредельную скорбь о невозвратимой утрате, вместе с тем возвестил, что отныне он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет «священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устройство счастья всех наших верноподданных»¹¹⁹.

На следующий день принцесса Алиса Гессенская приняла православие, о чем молодой Государь записал в дневнике: «И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час[ов] в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера – другая...»¹²⁰.

Принцесса Алиса по православному обряду была наречена Александрой, в честь Святой мученицы царицы Александры, и получила традиционное отчество Федоровна, так как икона Феодоровской Божией Матери покровительствовала Императорскому Дому Романовых.

В тот же день, т. е. 21 октября 1894 г., второй сын покойного императора Александра III – великий князь Георгий Александрович был объявлен цесаревичем и наследником престола.

Все эти дни шли панихиды, и только 7 ноября 1894 г. состоялось погребение Александра III в Петропавловской крепости.

Через неделю, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны, 14 ноября 1894 г., в церкви Зимнего дворца состоялось очень скромное по причине траура бракосочетание, которого молодые так долго ждали, во имя которого столь много пережили и которое совпало с такими печальными днями. Позднее Аликс с горечью отмечала: «Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид – только что меня одели в белое платье»¹²¹.

Это значительное событие нашло отражение 14 ноября в дневнике Николая: «Я надел гусарскую форму и в 11 1/2 поехал с Мишей (брат царя. – В.Х.) в Зимний. По всему Невскому стояли войска для проезда Мама с Аликс. Пока совершался ее туалет в Малахитовой, мы все ждали в Арабской комнате. В 10 минут первого начался выход в Большую церковь, откуда я вернулся женатым человеком! Шаферами у меня были: Миша, Джоржи, Кирилл и Сергей. В Малахитовой нам поднесли громадного серебряного лебедя от семейства. Переодевшись, Аликс села со мной в карету с русской упряжкой с фореитором, и мы поехали в Казанский собор. Народу на улицах была пропасть – едва могли проехать! По приезде в Аничков на дворе встретил почет[ный] кар[аул] от ее л. – гв. Уланского п[олка]. Мама ждала с хлебом-солью в наших комнатах. Сидели весь вечер и отвечали на телеграммы...»¹²²

По воспоминаниям придворных вельмож на невесте во время бракосочетания было белое серебряное платье с бриллиантовым ожерельем, на голове горела разноцветными огнями сквозная бриллиантовая корона. Сверх платья была надета золотая, парчовая, подложенная горностаевым мехом мантия с длинным шлейфом. Она была бесконечно грустна и бледна.

Государь отмечал, что у Аликс в этот день была сильная головная боль. Она глубоко переживала эту сложную гамму новых ощущений и чувств среди столь непривычной и торжественной обстановки.

Своим красивым почерком Александра Федоровна 27 ноября записала в дневнике супруга: «Отныне нет больше разлуки, наконец, мы соединены, скованы для совместной жизни, и когда здешней жизни придет конец, мы встретимся опять на другом свете, чтобы быть вечно вместе. Твоя, твоя...»¹²³

Молодой Государь Николай II был отнюдь не властолюбив. 31 декабря 1894 г. он записал в своем дневнике: «Мороз усилился и дошел до 14°, потом он сдал. Несмотря на это, утром все-таки пошли гулять. Принимал: Делянова, Ванновского и бар. Фредерикса. Завтракал Черевин. Не катались по городу и не бегали на коньках из-за мороза: гуляли в саду с Мама и тетей Аликс. Пили чай вдвоем. Читал до 7 1/2, когда пошли наверх к молебну. Тяжело было стоять в церкви при мысли о той страшной перемене, кот. случилось в этом году. Но, уповая на Бога, я без страха смотрю на наступающий год – потому что для меня худшее случилось, именно то, чего я так боялся всю жизнь! Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня также и счастьем, о каком я не мог даже мечтать – дав мне Аликс»¹²⁴. Далее в дневнике имеются записи нескольких стихотворений, сделанные рукой Государыни Александры Федоровны на английском, французском и русском языках.

Однако молодая пара встретила настроженное, а порой и враждебное отношение высшего света. Некоторые из них давали очень резкие и злобные характеристики царской чете: «Николай II оказался таким же однолюбом, как и его отец. Выбор его сердца пал на скромную, застенчивую немецкую принцессу одного из второстепенных германских дворов. Принцесса эта, получив английское воспитание, сохранила в крови специфический провинциализм и тягу к мещанскому уюту. Вся она была олицетворением приватности и антиподом державности. В семье простого смертного она была бы отрадой и украшением... Вероятно, она принесла бы счастье и любому европейскому конституционному монарху. Но на престоле Российского самодержца она оказалась почти вороной в павлиньих перьях. А ее дородность и красота бок о бок с тщедушной фигурой мужа вызывали какие-то смутные предчувствия. Наружное несоответствие было и у четы Александра III с его женою. Но колосс муж бок о бок с крошечной женой внушали русскому сердцу больше доверия, чем крупная жена бок о бок с тщедушным мужем»¹²⁵. Конечно, это были злопыхатели, недовольные властью и своим положением, но, к сожалению, они своего звездного часа все же дождались.

Люди, которые могли наблюдать молодую царицу не только на балах и официальных приемах, а в более интимной обстановке, отзывались о ней совсем по-другому. Так, флигель-адъютант С.С. Фабрицкий, бывавший в царской семье, свидетельствовал: «Государыня обладала довольно вспыльчивым характером, но умела сдерживаться, а затем очень быстро отходила и забывала свой гнев... Ее Величество обладала редко развитым чувством долга, и это как бы давало ей возможность быть упорной во многих случаях, когда по ее понятиям так требовал ее долг...»¹²⁶. Далее он указывал: «К характеристике Государыни императрицы Александры Федоровны надо добавить, что она была в полном смысле слова красавицей, в которой соединялось все: царственная осанка, правильные черты лица, большой рост, правильная фигура, изящная походка, грация, большой ум, огромная начитанность и образованность, талант к искусствам, прекрасная память, сердечная доброта и т. п., но у нее не было

искусства очаровывать, не было умения и желания нравиться толпе. А это, по-видимому, для царственных особ необходимо»¹²⁷.

Однако эта наука оказалась очень сложной. Отчуждению молодой царицы от «петербургского света» значительно способствовали внешняя холодность ее обращения и отсутствие внешней приветливости. Происходила эта холодность, по-видимому, преимущественно от присущей Александре Федоровне необыкновенной застенчивости и испытываемого ею смущения при общении с незнакомыми людьми. В кругу близких, когда застенчивость проходила, Александра Федоровна преображалась, становилась центром веселья и скучать в ее кругу не приходилось.

Ближайшая подруга царицы А.А. Вырубова (Танеева), многие годы наблюдавшая царскую семью в интимной обстановке, а позднее разделившая во многом их крестный путь, писала в своих воспоминаниях: «Возвращаясь с докладом от юной Государыни, мой отец делился с нами своими впечатлениями. На первом докладе он уронил бумаги со стола, Государыня, быстро нагнувшись, подала их сильно смутившемуся отцу.

Необычайная застенчивость императрицы его поражала. “Но, – говорил он, – ум у нее мужской”...

Однажды, во время одного из докладов, в соседней комнате раздался необыкновенный свист.

– Какая это птица? – спрашивает отец.

– Это Государь зовет меня, – ответила, сильно покраснев, Государыня и убежала, быстро простившись с отцом.

Впоследствии, как часто я слыхала этот свист, когда Государь звал императрицу, детей или меня; сколько было в нем обаяния, как и во всем существе Государя»¹²⁸.

Люди, близко знавшие царскую семью, отмечали ее простоту в обхождении с другими, скромность в одежде и непритязательность в быту. Рассказывали, что однажды в Гамбурге при прогулке Николая Александровича по улицам города, у проезжавшего мимо почтальона выпал ящик, Государь бросился, поднял этот ящик и передал его почтальону. На замечание спутника, зачем он изволил беспокоиться, Государь ответил: “Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения”.

Однако другие нравы господствовали в аристократической среде столицы. Придворные особы часто сопоставляли вдовствующую императрицу Марию Федоровну и молодую царицу Александру Федоровну. Графиня М.Э. Клейнмихель, критикуя супругу Николая II, отмечала: «Она была горда и застенчива в то же время, и была совсем непохожа на свою приветливую тещу, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, чья улыбка всех очаровывала. Ввиду того, что молодая императрица в юные годы не подготовлялась к своей будущей роли и никогда не должна была подчинять свою высшей воле другого, она не знала людей и, несмотря на это, считала свои суждения безупречными... Она судила всех и все очень строго... Вместо того чтобы искать сближения и привлечь к себе сердца, царица избегала разговоров и встреч, и стена, отделявшая ее от общества, все росла»¹²⁹.

Чувствуя нерасположение к себе светского общества, Александра Федоровна невольно стала удаляться от строгих критиков, не будучи в состоянии лицемерить и любезно принимать у себя тех, кто заочно ее осуждал. Получился заколдованный круг отчуждения, который с годами все увеличивался.

Несмотря ни на что, брак Николая Александровича и Александры Федоровны оказался счастливым. Молодая чета в трепетном ожидании готовилась к появлению на свет своего первенца. Они решили: если будет наследник, то назовут его Павлом, а если девочка – Ольгой. Эти имена были согласованы с «дорогой Мама», которая одобрила такой выбор. Через год после свадьбы, 3 ноября 1895 г., артиллерийский салют в 101 залп известил миру о рож-

дении в Царском Селе у Николая II и Александры Федоровны их дочери – великой княжны Ольги Николаевны. При рождении она весила 3 килограмма 600 граммов. Счастливый отец в волнении записал в дневнике:

«Вечно памятный для меня день, в течение которого я много-много выстрадал! Еще в час ночи у милой Аликс начались боли, которые не давали ей спать. Весь день она пролежала в кровати в сильных мучениях – бедная! Я не мог равнодушно смотреть на нее. Около 2 ч[асов] дорогая Мама приехала из Гатчины; втроем, с ней и Эллой, находились неотступно при Аликс. В 9 час[ов] ровно услышали детский писк, и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой (имя трижды подчеркнуто в дневнике. – В.Х.). Когда все волнения прошли, и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс перенесла рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодрою...»¹³⁰

Судьбе было угодно подарить царской чете четырех дочерей. Это нередкое в частной жизни явление, в жизни «венценосцев» стало едва ли не проклятием. Каждую беременность Александра Федоровна ждала сына, чтобы выполнить, как она считала, долг императрицы перед Отечеством. И каждый раз рождение дочери ставило под сомнение династическую стабильность в Российской империи. Почти сплошь предки Николая II имели сыновей. Все европейские дворы имели наследников (Вильгельм II даже четверых) и только Российский трон 10 лет стоял сиротевшим. Для настороженной к року, болезненно самолюбивой императрицы Александры Федоровны это явилось трагедией.

Александра Федоровна была заботливой матерью: она сама ухаживала, кормила своих детей, просиживала ночи около их кроватей, когда они болели. В основу воспитания своих детей царская семья положила развитие в них главных качеств: трудолюбия, скромности, простоты и отзывчивости на чужое горе.

Сама императрица Александра Федоровна никогда не оставалась без дела: она все время вязала, вышивала, рисовала, готовила разные вещи для подарков в благотворительных целях. Она не выносила безделья, считая его предосудительным и вредным. И к этому же настойчиво приучала своих детей. Александра Федоровна не позволяла им сидеть сложа руки. Но далеко не все окружающие с восторгом лицезрели полнейшую идиллию своего императора. Ее упрекали, что «она в первую очередь не императрица, а мать». Придворную знать раздражали бесконечные беременности царицы, нарушавшие пышный церемониал двора, ее приверженность к уединению, нелюбовь к балам, маскарадам. Застенчивость императрицы вызывала едкие насмешки аристократов. Скромная дармштадтская принцесса так и не стала «своей» для блестящего петербургского света. Большой Двор при Николае II все больше становился в антагонизм с дворами малыми, что усилило придворные интриги и послужило питательной средой для возникновения придворной «камарильи», больших и малых «политических салонов».

После рождения дочерей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, 30 июля (12 августа – по новому стилю) 1904 г. «Бог даровал России наследника престола...». Это долгожданное событие произошло в летней резиденции царской семьи в Петергофе.

По существовавшей традиции в честь рождения цесаревича был произведен артиллерийский салют в 301 залп. По всей Российской империи гремели пушки, звонили колокола и развевались национальные флаги.

Счастливый Николай II описал это событие в своем дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 ¹/₄ дня у Аликс родился сын, кот[орого] при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, затем принял доклад Коковцева и раненного при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет

слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час[ов] поехал к молебну с детьми, к кот[орому] собралось все семейство. Писал массу телеграмм...»¹³¹

Командир лейб-гвардии Кирасирского полка генерал Г.О. Раух, поздравляя на другой день Государя с рождением наследника, осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

“Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо нарушить линию Александров и Николаев...” – ответил Николай II.

Государыня звала сына Солнечным лучом, Крошкой, Беби, Агунюшкой. Николай Александрович в своем дневнике называет его «наше маленькое сокровище». Однако рядом с долгожданным семейным счастьем соседствовало непоправимое несчастье. Сын унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома, гемофилию (не сворачиваемость крови. – В.Х.). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 г., в дни трехсотлетия Дома Романовых, больного царевича пронесли пред войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...»

«Когда он был здоров, – свидетельствовал позднее учитель наследника Пьер Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был как бы луч солнца, освещающий всё и всех»¹³². Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок.

Сохранились любопытные наблюдения С.Я. Офросимовой за особенностями поведения маленького цесаревича Алексея, о чем она позднее писала в своих воспоминаниях:

«Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что он будущий царь, наполняла все его сознание своего высшего предназначения. Когда он бывал в обществе знатных и приближенных к Государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При входе наследника собеседник Государя не нашел нужным встать, а лишь приподнявшись со стула подал цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед цесаревичем. На это цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и, наконец, с грустью и гордостью сказал: “Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мною”»¹³³.

Однако с семейным счастьем соседствовала постоянная тревога за состояние здоровья наследника.

Фрейлина императрицы А.А. Вырубова (Танеева) описывала такие разговоры:

«– Подари мне велосипед, – просил он мать.

– Алексей, ты же знаешь, что тебе нельзя.

– Я хочу учиться играть в теннис, как сестры.

– Ты же знаешь, что ты не смеешь играть!» Иногда Алексей Николаевич плакал, повторяя: “Зачем я не такой, как все мальчишки?”»¹³⁴.

Отчаяние родителей, надежда на чудесную силу исцеления их сына (как бы сейчас назвали экстрасенсом) Г.Е. Распутиным позволили этому человеку своим порочным поведением и циничным хвастовством о близости к царской семье в конце концов дискредитировать Романовых. Феномен Распутина и «распутинщины» породил целый поток литературы в годы революции, да и в наши дни (например, всем хорошо известные романы В. Пикуля). Болезнь сына предопределила поступки, желания, мысли матери. Каждый год его жизни,

борьба с болезнью наследника Алексея забирали ее здоровье, душевные силы. Она уверовала в слова Распутина, что «наследник жив, покуда жив я».

Александра Федоровна мечтала вырастить сына, увидеть его на престоле могучей империи. «Мы должны оставить Беби спокойное и великое царствование», – писала она мужу в годы Первой мировой войны. Материнский инстинкт заставлял ее противодействовать всему тому, что подрывало власть монарха, приближало страну к грядущей катастрофе; упорно искать выход из политического тупика. Она оказалась на передней линии огня оппозиции в полной изоляции, непонятая и нелюбимая всеми, кроме собственного мужа и детей.

Глава II

Кризис власти. Триумф и падение династии

Политическая ситуация в стране в начале 1917 г. напоминала грозные события 1905 г. Тогда, в конце Русскояпонской войны, после революционных выступлений в России, император Николай II обратился за советом к С.Ю. Витте, что делать? Искушенный в интригах и политических делах опытный царедворец сказал: «Ваше Величество, вы должны сделать выбор. Или дать народу конституцию, или назначить военного диктатора с неограниченной властью».

Так появился царский манифест 17 октября 1905 г. Права монарха были ограничены – в частности, бюджетными правами Государственной думы. Законопроекты могли стать законами Российской империи только после одобрения обеими палатами: Государственной думой и Государственным Советом. В этих новых условиях сотрудничества с Думой председатель Совета Министров П.А. Столыпин заложил основы конституционализма в России. Крылатыми стали обращенные им к сторонникам революционного переустройства державы слова: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». Он определил путь: «Сначала – успокоение, а потом – реформы». Это был призыв к гражданскому миру во имя величия и процветания страны.

Часто приходится слышать обвинения Николая II в трагических событиях «кровавого воскресенья» 1905 г. (или «позора самодержавия»). Отсюда появился штамп в имени монарха: Николай Кровавый, – главным образом благодаря большевикам. Во все времена за всё, что происходило в державе, в ответе был «самодержец». Это неписанный закон для главы любого государства. Стоит вспомнить почитателям большевиков – расстрел мирной народной демонстрации сторонников Учредительного собрания теми же большевиками, когда они это собрание разогнали своим единоличным решением. Во времена Ленина и Сталина это стало «в порядке вещей», что теперь хорошо известно. На совести наиболее «либерального» руководителя государства Н.С. Хрущева расстрел протестующего населения Новочеркаска и ряд других грехов. Этот проявляемый пласт «родимых пятен» сторонников твердой власти можно продолжить и во времена М.С. Горбачева: Рига, Тбилиси и др. После развала Советского Союза, памятен всем, недавний танковый расстрел «демократами» в Москве «парламента» в Белом доме, что грозило новым пожаром Гражданской войны в России. Каждый из читателей пусть задумается об этих событиях и прежде, чем что-то осуждать или одобрять с «чужого голоса», лучше самому ознакомиться и проверить тот или иной факт.

Насколько справедливы были такие обвинения в адрес Николая II? Напомним ход событий тех роковых дней и заглянем в архивные источники.

1905 г. выдался большим испытанием для России, шла Русско-японская война, которая во многом складывалась неудачно и вызывала отрицательную реакцию в стране. Стоит напомнить, что во время войны к довольно радикальным действиям перешли представители новой волны либерализма, состоявшие в подавляющем большинстве из демократической интеллигенции. Была создана нелегальная организация «Союз освобождения». На страницах его (Союза) печатного органа «Освобождение» часть либералов во главе с П.Н. Милюковым стала высказываться за поражение царизма в Русско-японской войне, считая, что военное поражение, как в Крымской войне при Николае I, ослабят царизм и заставят его перейти к долгожданным демократическим реформам. В конце сентября – начале октября 1904 г. в Париже состоялось первое нелегальное совещание революционных и либеральных партий

Российской империи. Это активизировало их совместную подрывную деятельность в борьбе с основами государственного строя.

Адъютант великого князя Михаила Александровича полковник А.А. Мордвинов на склоне лет писал в воспоминаниях: «Беспорядки 1905 года начались в виде какого-то тяжелого предзнаменования, до сих пор не достаточно разьяснимым выстрелом из салютационного орудия, картечью по водосвятию на крещенском параде, на котором присутствовал Государь.

В то время я был полковым адъютантом, и, вынеся свой кирасирский штандарт из зала дворца, находился в числе адъютантов остальных воинских частей в самой середине сквозной беседки-часовни, устраиваемой ежегодно со времен Екатерины II, как всегда на льду проруби Невы, против Иорданского подъезда Зимнего дворца.

Его Величество и великие князья стояли во время молебствия немного поодаль, налево от знамен и штандартов, довольно заметной издали, отдельной группой. Государыни императрицы, великие княгини и все остальные, собравшиеся на Высочайший выход, смотрели на эту красивую церемонию из окон дворца.

В то время как митрополит погружал святой крест в воду, раздался обычный салют, с верхов Петропавловской крепости и из полевых орудий батареи гвардейской конной артиллерии, находившей около Биржи. Одновременно со звуком салюта мне послышалось какое-то шуршание по льду, небольшой треск сверху и я почувствовал, как что-то пронеслось около меня.

Я поднял невольно глаза наверх, думая, что это, вероятно, падают обломки от неудачно пущенной ракеты. Но никаких обломков я не заметил, как не заметил никакого смущения и среди остальных – молебствие продолжало совершаться в прежнем, торжественном порядке.

Государь спокойно приложился к кресту и неторопливо, своей обычной походкой, обошел вместе с митрополитом окропляемые знамена и штандарты.

Лишь по окончании всей церемонии, когда мы возвращались обратно во дворец, я заметил, к моему изумлению, несколько окон в нем разбитых, а поднимаясь по дворцовой лестнице вместе с другими, услышал как кто-то волнуясь говорил: «Какое чудо, что мы все остались живы... ведь по нас стреляли самой настоящей боевой картечью, а поранили только глаз одного городского, да говорят проббили знамя морского корпуса... Воображаю, какой переполох должен был быть в залах у дам...».

Действительно, это было чудо, так как иначе назвать его нельзя.

Возвращаясь с выхода домой, я прошел осмотреть беседку на Иордании. Весь низ ее, около льда, был густо изрешечен картечными пулями. Очень много из них попало и в верхнее строение часовни, в купол, а также и в средние окна дворца. Как при таком густом и широком разлете картечи не оказалось ни одного попадания ни в находившегося внизу у льда духовенства, ни в стоявших в середине беседки людей, ни в образах около купола, приходится объяснить лишь одним Промыслом Божиим.

В дворцовых залах, полных народа, также никто не пострадал и особого смятения, благодаря звуку салюта, заглушившего звон разбитых стекол, не произошло. Картечные пули, достигнув дворца, видимо, были уже на излете и, пробив стекла, упали у самых окон; лишь немногие из них докатились до середины Николаевского зала»¹³⁵.

Любопытно выяснить реакцию Николая II на эту не штатную ситуацию. В частности, в его дневнике было записано за эти дни: «**6-го января**. Четверг. До 9 час. поехали в город. День был серый и тихий при 8° мороза. Переодевались у себя в Зимнем. В 10 1/2 пошел в залы здороваться с войсками. До 11 час. тронулись к церкви. Служба продолжалась полтора часа. Вышли к Иордании в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближайшую к Иордании

местность и часть дворца. Один городской был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито. После завтрака принимали послов и посланников в Золотой гостиной. В 4 часа уехали в Царское. Погулял. Занимался. Обедали вдвоем и легли спать рано.

7-го января. Пятница. Погода была тихая, солнечная с чудным инеем на деревьях. Утром у меня происходило совещание с д. Алексеем и некоторыми министрами по делу об аргентинских и чилийских судах. Он завтракал с нами. Принимал девять человек. Пошли вдвоем приложиться к иконе Знамения Божьей Матери. Много читал. Вечер провели вдвоем.

8-го января. Суббота. Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах.

9-го января. Воскресенье. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желанья рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»¹³⁶.

Трагичный для Российской империи день, вошедший в анналы истории под наименованием «Кровавое воскресенье» (или «позора самодержавия»), нашел отражение в дневнике великого князя Константина Константиновича: «**9 января.** – Мраморный дворец. На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы и там прекратили работы, грозя в противном случае насилеи. Нежелание рабочих этих заведений согласиться на требования путиловских не помогало, и полицией было сделано распоряжение, закрывать мастерские во избежание побоища. Не думаю, чтобы такая уступчивость была целесообразна. То же было и с типографией Академии наук. Только я потребовал от полиции письменного заявления о необходимости прекратить работу, как того требовала нахлынувшая толпа забастовавших»¹³⁷.

Великая княгиня Ксения Александровна также сделала пространные записи: «**9 января.** Воскресение. – Петербург.

Вот уж денек! Бог знает, что здесь творится. Город на военном положении, по улицам – патрули и разъезды, всюду войска. Из Пскова пришла 24-я дивизия на подмогу. Главная задача была, чтобы не пустить толпу на Дворц[овую] площ[адь] и набережную и это было достигнуто, но пришлось стрелять преобраз[енцам] по толпе из арки, т. к. они не слушались. – Они непременно хотели прийти к Зимнему [дворцу], видеть Ники, но т. к. их не пускали туда, то разные темные субъекты объясняли народу, что царь их больше слушать не хочет, он не на их стороне, надо покончить с казнокрадами, это их вина, надо бить, душить и т. д. Такую речь Петров (ездовой) сам слышал. В это же время проезжал какой-то генерал, его остановили и избивали. (Все это было на Морской.) Мы были у обедни, потом завтракали Соупле, сестра Соф[ья] Дмитр[иевны], Уертан и Фогель. Болтали после. Потом Клопов влетел, читал нам письмо, кот[орое] он написал Ники, говорит, что надо чтонибудь сделать, чтобы остановить все это, даже следовало бы Ники принять депутацию от рабоч[их] самых спокойных, чтобы они [могли] высказать ему лично свою просьбу. Это произвело бы впечатление, как на них, так и на скверный элемент, закрыло бы им рты. Эти бедные люди слепы, оружие в руках революционного элемента, которое пустило все средства в ход, играя самыми лучшими святыми чувствами. Во главе этого движения стоит священник, ужаснейший мерзавец Гапон, кот[орый] тоже участвовал в беспорядках, с крестом в руках! Его окружили плотной стеной и его никак не могли схватить. Стреляли в нескольких местах на Васи-

льевск[ом] острове (там было хуже всего и даже в одном месте была устроена баррикада!). За Нарвской заставой, у Дворц[овой] площ[ади], на полицейском мосту и т. д. Я должна была ехать к М[арии] П[авловне], но меня не пустили! Говорили страшно много по телефону с Георгием, Минни и др. К чаю пришли Секрелиц и Фогель, потом дети нас пригласили смотреть волшебный фонарь. Очень много писала. Обедали одни, потом пришли Шотелин, Соф[ья] Дмитр[иевна] с Сережей, страшно много рассказывали. Борис Шер (они приехали от них) участвовал в усмирении толпы и вернулся домой под ужасным впечатлением. Ужас, что говорилось среди этих людей, они прямо кричали, что Государя им не надо и его нет и т. д. Солдаты были так обозлены, что их с трудом можно было сдерживать. Ольга тоже в Царском и там осталась на ночь. Сидела почти до 12 ч.»¹³⁸.

Великий князь Константин Константинович уточнял произошедшие трагические события: «**10 января.** – Петербург. Слухи, ходившие по городу о том, что 9 числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение Государю, оправдались. Приняты были меры: пехота и конница оберегали подступы к дворцу. После полудня густые толпы народа хлынули к дворцу; войска их задерживали, и в некоторых местах были даны залпы. Я слышал, что священник Георгий Гапон, стоящий во главе разрешенного год назад Общества заводских и фабричных рабочих, оказался явным революционером. От деятельности, направленной к улучшению быта рабочих, Общество перешло к политической агитации. Говорят, о Гапон или схвачен или даже убит. Утром казалось на улицах спокойно. Поехал в санях в главное управление. Действительно, ничего подозрительного не было заметно. Думал, что на приеме никого не будет, однако пришли. Когда собрался ехать домой, сказали, что на улицах опять появляются толпы и может быть не безопасно. Особенно неприятно военным – их оскорбляют и словами, а иногда и действием. Взял с собой Риттиха, который за меня тревожился; мы надели шашки наверх пальто и поехали вместе в санях. Добрались до дому вполне благополучно. Потом уже не выходил и не выезжал»¹³⁹.

Вскоре был уволен петербургский градоначальник И.А. Фуллон, назначено расследование. В какой-то степени, пострадал дядя царя великий князь Владимир Александрович, который командовал войсками Гвардии.

Многие в наши времена возвеличивают роль Столыпина по выведению Российской империи из кризисной ситуации. Правда, реже вспоминают методы, которые были употреблены к этому. П.А. Столыпин энергично взялся за борьбу с революцией. На взрыв эсерами его дачи на Аптекарском острове в Петербурге, когда он лишь чудом остался жив, но пострадали его малолетние дети, притом было убито, находившихся в приемной, 27 человек и ранено 32 (6 умерло от ран на другой день), ответил массовыми репрессиями. Столыпин убедил царя и практиковал введение военно-полевых судов, отправлявших на виселицу за причастность к революционному террору. Появились специальные «стольпинские вагоны», перевозившие в Сибирь арестованных революционеров, и «стольпинские галстуки» (ими стали называть намыленные веревки на виселицах) для тех, кто выбрал вооруженный и непримиримый путь борьбы с царизмом до конца. За три года после революции 1905 г. по приговорам военно-полевых судов за политические убийства и грабежи было казнено 2835 человек. Столыпин 10 мая 1906 г. в своей речи, как вылечить Россию от тяжелой хвори, подчеркивал:

– В деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать! В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!

Осенью 1909 г. Столыпин призывал:

«Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучит перед Европой и всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для всех нас, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»¹⁴⁰.

В частное владение более чем 2,5 млн семейств крестьян перешло более половины общинной земли. Однако вернемся к нашему повествованию.

Являлась ли Российская империя слабейшим звеном в цепи капиталистических государств, как утверждал В.И. Ленин и его последователи? Была ли она так уж неизбежно обречена на революцию? Не доказывает ли противоположное то, что сама Февральская революция, после всем памятного поражения народных выступлений 1905–1907 гг., оказалась для вождей большевиков полной неожиданностью? Они фактически «проворонили» («великую и бескровную») революцию. Если бы не помощь масона (по совместительству эсера) А.Ф. Керенского, который от имени Временного правительства реабилитировал на «помощь» всех мастей революционеров, то им бы не видать Петрограда как «своих ушей», а значит, и «триумфа» великого Октябрьского переворота 1917 г. Правда, позднее А.Ф. Керенский отрицал свой вклад в дело «мировой революции». В эмигрантских воспоминаниях генерала А.С. Лукомского имеются любопытные сведения: «В обществе было и будет много споров о том, “кто сделал революцию?”. Как мне передавали, А.Ф. Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам, – будто бы ответил: “Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло”»¹⁴¹.

Вступая в Первую мировую войну в 1914 г., Российская империя являлась уже совсем другой страной, чем она была 10 лет назад. Статистика и факты убедительная вещь. При Николае II в стране произошли глобальные изменения во всех областях жизни. Несомненно, Россия встала на путь индустриального развития гораздо позже ряда европейских государств. Однако становление промышленности в ней произошло в кратчайшие сроки. По темпам роста уже в конце XIX в. Россия уступала лишь Соединенным Штатам, а в начале XX в. в ряде отраслей народного хозяйства опережала и их. За короткое время, на рубеже веков, промышленное производство в царской России удвоилось. При этом продукция тяжелой промышленности увеличилась в 2,8 раза. Подчеркнем, что речь идет именно о базовых отраслях, производящих средства производства. Их доля в общем объеме промышленной продукции достигла трети. Выплавка чугуна в этот период возросла с 45 до 165 млн пудов, а производство стали – с 16 до 116 млн. По этим показателям Россия обогнала преуспевавшую Францию, а по добыче нефти вышла на первое место в мире.

В 1900–1913 гг. страна вновь добилась удвоения объема промышленного производства. При этом удельный вес продукции тяжелой промышленности достиг 40 %. Таким образом, в период между 1890 и 1913 гг. русская промышленность «увеличила свою производительность в четыре раза». По темпам роста промышленной продукции и производительности труда Россия не знала себе равных в мире. Успешно развивалось и сельское хозяйство, что позволило значительно увеличить экспорт. Россия вышла на первое место в мире, выращивая больше половины мирового производства ржи, больше четверти производства пшеницы и овса, около четверти производства картофеля, около двух пятых производства ячменя и т. д. Российская империя превратилась в главного экспортера сельскохозяйственных продуктов, стала первой «житницей Европы», на которую приходилось две пятых всего мирового экспорта зерновой и животноводческой продукции. Российские монополистические объеди-

нения все активнее выходили на внешние рынки, успешно конкурировали с монополиями США, Англии, Германии и Франции.

Немец В.Д. Прейер отмечал («Russische Agroreform, 1914») успех земельной реформы и ее важность, указывая, что это настоящий сдвиг, ничуть не уступающий по масштабам освобождению крестьян¹⁴².

Достаточно эффективной была и структура внешнеэкономических связей страны. Например, в 1905 г. Россия вывезла товаров на сумму свыше 1 млрд рублей, а ввезла на 550 млн. В среднем за 1904–1913 гг. превышение экспорта над импортом составило 318 млн рублей ежегодно. Все это позволило России в течение царствования Николая II ввести (в 1896 г.) и иметь устойчивую золотую «конвертируемую» валюту. Золотой запас увеличился с 648 млн до 2257,8 млн рублей. «Устойчивость денежного обращения была такова, что даже во время Русско-японской войны, сопровождавшейся повсеместными революционными беспорядками внутри страны, размен кредитных билетов на золото не был приостановлен».

До Первой мировой войны в России налоги были самыми низкими в мире. Так, например, бремя прямых налогов в России составляло почти в 4 раза меньше, чем во Франции, более чем в 4 раза меньше, чем в Германии, и в 8,5 раза меньше, чем в Англии. Бремя же косвенных налогов было в среднем вдвое меньше, чем в перечисленных выше странах.

Приведем еще один интересный факт, который говорит о многом. В самом начале царствования Николая II (в 1894) в России проживало 122 млн, а накануне Первой мировой войны – 182 млн человек, что свидетельствует, говоря современным языком, об успешной демографической политике. Иными словами, каждый седьмой человек планеты проживал на территории Российской империи.

Залог подъема российской экономики во многом был связан с разработкой нового фабричного законодательства, одним из активных создателей которого являлся сам император как главный законодатель страны. Целью этого законодательства было упорядочение взаимоотношений между предпринимателями и рабочими, а также стремление облегчить положение трудящихся. Так, например, закон 2 июня 1897 г. впервые вводил нормирование трудового дня, который не должен был превышать одиннадцати с половиной часов в сутки, а в субботу и предпраздничные дни – 10 часов. Чуть позднее законом устанавливался 10-часовой рабочий день. Для сравнения можно указать, что в Германии вопрос об этом только поднимался.

В 1903 г. был принят закон о вознаграждении рабочих, пострадавших от несчастных случаев. По этому закону «владельцы предприятий обязаны вознаграждать рабочих, без различия их пола и возраста, за утрату более чем на три дня трудоспособности от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедших вследствие таковых работ». В нем же предусматривалось: «Если последствием несчастного случая, при тех же условиях, была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства». И наконец, законом 23 июня 1912 г. в России было введено обязательное страхование рабочих от болезней и несчастных случаев. Следующим шагом предполагалось введение закона о страховании по инвалидности и старости, но последовавшие военные и революционные события отсрочили его осуществление на целых 20 лет. Такую цену приходилось платить народу за глобальные «потрясения» основ государства Российского.

За период царствования Николая II смета Министерства народного просвещения увеличилась с 25,2 млн до 161,2 млн рублей. В то же время общие правительственные расходы на народное образование по всем ведомствам возросли с 40 млн до 270 млн рублей. Одновременно органы земского и городского самоуправления увеличили свои расходы на народное образование на 329 %. Таким образом, в начале 1913 г. общий бюджет народного образования в России достиг к тому времени колоссальной цифры – полмиллиарда рублей золотом.

По закону начальное обучение было бесплатным. С 1908 г. оно объявлялось обязательным. К началу Первой мировой войны число школ превысило 130 тысяч. Любопытно отметить, что по количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала в XX в. первое место в Европе, если не во всем мире.

На наш взгляд, можно спорить о мнениях, об оценках, но не о фактах и цифрах. Статистические данные, приведенные выше, говорят сами за себя. За период царствования Николая II было достигнуто не только значительное экономическое и культурное развитие страны, но и совершены большие государственные преобразования – установление народного представительства (Государственная дума, местные органы самоуправления). В области международной – положена российским императором инициатива учреждения международного Гаагского суда и создания элементов коллективной безопасности.

Существенным достижением для России явилось преодоление характерных «голодовок», которые бывали в прежние времена, «как последствия неурожаев». Простой народ хотя и жил в массе своей бедно (как, впрочем, в других странах Европы и Америки до преодоления времен Великой депрессии), но материальное положение его заметно улучшалось. Приведем еще один показатель. Сумма вкладов в сберегательные кассы (куда именно стекались мелкие сбережения) возросла с 300 млн рублей в 1894 г. до 2 млрд рублей в 1913 г. Всего же рост государственных доходов за период царствования Николая II определялся почти в 900 %, что говорит о благополучии державы и росте народного благосостояния.

Царское правительство всячески поощряло создание новых предприятий, строительство железных дорог и т. п., главным образом путем казенных заказов. Велась определенная политика по привлечению иностранного капитала для развития экономики страны, но не в ущерб национальным интересам России.

В начале XX в. Россия выдвинулась в число передовых стран мира. Недаром известный в то время французский экономический обозреватель Эдмон Тэри, анализируя ход мирового процесса, в книге «Россия в 1914 году» писал: «Рассматривая результаты, полученные с начала XX века, они (читатели. – В.Х.) придут к заключению, что если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 гг., как они шли между 1900 и 1912 гг., то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении...».

Стремительным экономическим взлетом страна отметила в 1913 г. 300-летие Дома Романовых, который торжествовал свой триумф. Во времена Советского Союза еще долгие десятилетия будут братья за ориентир заветной цели показатели предвоенного года.

Начало Первой мировой войны опрокинуло надежды на лучшее будущее многих народов. 28 июня 1914 г. (по новому стилю) 19-летний Гаврило Принцип (сербский националист, австрийский подданный), выступавший за освобождение Боснии и Герцеговины, расстрелял престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда (1863–1914) и его морганатическую супругу герцогиню Софию Гогенберг (1868–1914). Это было уже второе покушение в этот день после неудавшегося первого, когда Габринович бросил бомбу в автомобиль, в котором эрцгерцогская чета направлялась по улицам Сараево в Городскую Ратушу. Террорист-убийца был схвачен на месте преступления и позднее приговорен к 20 годам каторги (как несовершеннолетний), но умер в тюрьме в 1918 г. от туберкулеза.

В связи с быстро разрастающимся международным конфликтом император Николай II записал 12/25 июля в дневнике: «В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом... От 11 ч. до 12 ч. у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, кот[орые] нам следует принять...»¹⁴³.

Военный министр царского правительства, генерал В.А. Сухомлинов позднее писал в своих воспоминаниях об этом историческом совещании:

«Не совсем врасплох, но довольно неожиданно получил я предложение прибыть на заседание совета в Красное Село 25 июля (12 июля по старому стилю. – В.Х.), в разгар лагерного сбора.

Помню, что во время моей поездки на заседания, я не испытывал никакого предчувствия относительно надвигающейся катастрофы. Я знал личное миролюбие царя и не получил никакого извещения о предмете предстоящего заседания. Поэтому я придавал поездке в Красное Село настолько малое значение, что поехал один, не взяв с собою ни начальника Генерального штаба, ни даже дежурного адъютанта: предметом совещания могло быть чисто военное дело Петербургского военного округа или что-либо, касающееся лагерных сборов... В малом летнем дворце великого князя Николая Николаевича я встретил нескольких министров, между ними министра иностранных дел, а также несколько высших чинов военного ведомства. Многие из них также ничего не знали о предмете предстоящего совещания; однако высказывали, ссылаясь на присутствие Сазонова, предположения, указывающие на политическое положение.

Государь вошел в зал заседания вместе с дядей. На нем была летняя форма одежды своего Гусарского полка. Как всегда, приветливо улыбаясь и не показывая никакого душевного волнения, Государь приветствовал присутствующих общим поклоном и без особых церемоний сел за стол; по его правую руку сел Горемыкин, по левую – великий князь.

Помещение, в котором мы собрались, была большая столовая, примитивно устроенная, с большими стеклянными дверьми, ведущими через балкон или веранду в парк. Посреди стоял большой, покрытый зеленой скатертью обеденный стол, за который мы, по знаку Государя, сели. Против Государя сидел Сазонов, я сидел через несколько мест от него по ту же сторону, если не ошибаюсь, рядом с министром финансов Барком. Морского министра я на заседании не видел.

Без всякого вступления Государь предоставил министру иностранных дел слово, который нам в приблизительно получасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского конфликта для России. То, о чем Сазонов докладывал, было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства Тройственного союза (*Entente cordiale*), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно противопоставить, после того как все дипломатические средства для достижения соглашения оказывались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи.

Государь был совершенно спокоен. Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с Государем и усиленно, нервно курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что великий князь настроил Государя уже заранее, без свидетелей, и говорить теперь в заседании ему не было никакой надобности.

Несмотря на то что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта.

В заключительном слове Государя была та же надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже

на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай, частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней.

На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля.

Если же и после того не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию.

Моя роль при этом постановлении была, как уже выше сказано, весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась. Настолько же не моим делом военного министра было решительно удерживать Государя от войны. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого военного положения, предостерегал бы от войны и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г. Ко всем таким соображениям, которые, однако, меня ни на минуту не смущали, в смысле трудности предстоящей задачи, присоединилось еще впечатление, которое у меня и представителей других ведомств получилось от доклада представителя министерства иностранных дел. Из этого следовало, что другого выхода, как объявление войны, не было и каждое мое слово против войны было бы бесполезно.

Моим протестом 25 июля я бы только отрицал возможность применения вооруженного нейтралитета. В данном случае решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации!... В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться.

Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера в 1909 г. В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имела право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.»¹⁴⁴.

Однако заметим, что военный министр В.А. Сухомлинов о многом умолчал. После Русско-японской войны в результате чистки царской армии за один год в отставку было отправлено: 341 генерал – почти столько же, сколько имелось во всей французской армии, и 400 полковников. В 1913 г., т. е. накануне мировой войны, в русской армии все еще не хватало 3000 офицеров. За шесть лет, предшествовавших 1914 г., сменилось шесть начальников Генерального штаба, что оказало отнюдь не благоприятное влияние на разработку военных планов предстоящей войны. Военные заводы России производили не более двух третей требуемого количества артиллерийских снарядов и менее половины винтовочных патронов. Почти все воюющие страны в годы мировой войны, как выяснили впоследствии историки и военные исследователи, не имели достаточного количества военного снаряжения и боеприпасов. Однако Сухомлинов не израсходовал даже правительственные фонды на производство боеприпасов. Россия вступала в мировую войну, имея 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с 2000–3000 в западных армиях, хотя еще в 1912 г. он согласился с компромиссным предложением о доведении этого количества до 1500 снарядов на орудие. Существовала еще одна не решенная до конца проблема. В состав русской пехотной дивизии входило 7 батареv, а немецкой – 14. К началу мировой войны: «Россия была полностью

обеспечена орудиями по существующему мобилизационному расписанию – 959 батарей при 7088 орудиях. Громадная сила, так как союзная Франция имела 4300 орудий. Но противники превосходили русских и французов как по общему числу орудий (Германия – 9388, Австро-Венгрия – 4088), так, что еще важнее, и по тяжелой артиллерии. Германия располагала 3260 тяжелыми орудиями, Австро-Венгрия примерно 1000. На вооружении русской армии было 240 тяжелых орудий, во Франции тяжелая артиллерия находилась в зачаточном состоянии»¹⁴⁵. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, в то время как в немецкой их насчитывалось 381. Предупреждение многих военных о том, что будущая война явится дуэлью огневой мощи, Сухомлинов по существу проигнорировал.

Николая II, судя по его дневниковым записям, продолжал напряженно следить за ходом событий на Балканах:

«14/27 июля [1914 г.]. Понедельник... В 6 часов принял Маклакова. Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, по-видимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал.

15/28 июля. Вторник. Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича... В 8 1/2 ч. принял Сазонова, который сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии... Читал и писал весь вечер.

16/29 июля. Среда. Утром принял Горемыкина. В 12 1/4 ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемарин в мичманы...

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще принял Татищева, которого посылаю завтра в Берлин»¹⁴⁶.

Император Николай II обменялся 16 (29) июля 1914 г. телеграфными посланиями с германским императором Вильгельмом II, который приходился ему и императрице Александре Федоровне кузенком. На следующий день, 17 (30) июля, российский император направил письмо с генерал-адъютантом Л.И. Татищевым:

«Дорогой Вилли.

Посылаю к тебе Татищева с этим письмом. Он будет в состоянии дать тебе более подробные объяснения, чем я могу это сделать в этих строках. Мнение России следующее:

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены – ужасное преступление, совершенное отдельными сербами. Но где доказательство того, что Сербское правительство причастно к этому преступлению?... Вместо того чтобы довести до сведения Европы и дать другим странам время ознакомиться с результатами всего следствия, Австрия предъявила Сербии ультиматум, дав срок 48 часов, и затем объявила войну. Вся Россия и значительная часть общества других стран считает ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в уступках требованиям другого правительства... Чем дальше Австрия пойдет в своей агрессивности, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь, как к посреднику, в целях сохранения мира.

*Ники»*¹⁴⁷.

В тот же период состоялся обмен посланиями императора Николая II с Сербским королевичем-регентом Александром, который 11 июля 1914 г. обратился к России за помощью и защитой:

«...Мы не можем защищаться... Поэтому молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Вашем славянском и благородном сердце...».

Российский император Николай II вскоре дал обнадеживающий ответ:

«Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желанием, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии...»¹⁴⁸.

Как мы можем видеть, Николай II осторожно подходил к острой ситуации, надеясь погасить пламя начинавшейся мировой войны совместными международными коллективными усилиями.

Телеграмма эта была получена как раз в тот день, когда Австро-Венгрия 15 (28) июля объявила войну Сербии и произвела огромное впечатление на славян. На следующий день 16 (29) июля Белград подвергся обстрелу. В тот же день Россия привела в готовность свои войска на австрийской границе, а 17 (30) июля, как и Австрия, объявила всеобщую мобилизацию. На следующий день, т. е. 18 (31) июля Германия направила России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу». Война приближалась ко всем границам.

Можно также утверждать, что императрица Александра Федоровна и ряд царских министров не желали войны. Против возможной беды предостерегал и «друг семейства» Григорий Распутин, который находился в это время у себя на родине в селе Покровское в Сибири (после покушения на его жизнь, нанесения ножевого ранения в живот), следующей телеграммой полумистического содержания:

«Милый друг! Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет. Слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неопиcуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда уж отымет путь, – начало конца.

Ты царь, отец народа, непусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому.

Не было от веку горшей страдальцы, вся тонет в крови великой. Погибель без конца, печаль.

*Григорий»*¹⁴⁹.

Не правда ли, какое грозное предостережение патриотическим восторгам первых дней войны?! Какая поразительная картина предвидения ужасной участи России!

Однако волна патриотизма захлестнула многих. Так, например, великий князь Николай Михайлович еще 15 (28) июля 1914 г. обратился к императору Николаю II со следующим письмом:

«Прости, если в тревожные минуты отрываю Твое внимание. На сей раз ходатайствую о себе лично и прошу не выдавать меня до поры до времени. Дело в том, что если бы война с немцами всех сортов все-таки возгорелась, то я хотел бы очевидно принять активное участие, а не сидеть здесь сложа руки.

Ввиду того, что за 10 лет я окончательно отстал от фронта, то мог бы принести пользу только в качестве генерала, состоящего по особым поручениям.

Если будущие действующие армии были бы вверены Николаше, Ренненкампу, Жилинскому и Иванову, то я бы просил меня назначить именно в Киевскую армию к Иванову. Тебе может быть покажется странным, что я заблаговременно заявляю о своем ходатайстве, но в тревожные дни особенно перед войнами, всегда столько просьб, что пусть моя будет одной из первых. Твое принципиальное согласие для меня очень важно... 12 [июля] я вернулся сюда, а вчера радовался от всей души бодрому и повышенному настроению всех слоев населения столицы. Это отрадное явление действует чарующе на тех, которым дороги интересы Родины и давно я не видал Петербурга таким, как он был за эти два дня... Если все окончится благополучно и войны не будет, предполагаю поехать на 2 недели в Грушовку

и Екатеринославскую губернию 22 или 23 июля, потом обратно сюда и в конце августа в Боржом.

Весь Твой *Николай М[ихайлович]*»¹⁵⁰.

Министр Императорского Двора граф В.Б. Фредерикс позднее вспоминал обстановку, предшествующую началу мировой войны:

«Когда граф Пурталес (германский посол в России. – В.Х.) пришел ко мне и со слезами на глазах умоляя меня еще раз попытаться убедить отменить приказ о мобилизации, я направился к императрице и объяснил ей всю серьезность этого непоправимого шага. “Вы правы, – сказала она, – надо во что бы то ни стало предотвратить это страшное несчастье. Впрочем, здесь вкралось некоторое недоразумение – мобилизация объявлена не против Германии, а против Австрии. Государь говорил мне об этом несколько раз, и Вильгельм либо плохо осведомлен, либо прикидывается таковым”. Мы пошли вместе к Государю, у него уже находился Сазонов. Я говорил с полным убеждением, искренно и сердечно, как мне диктовала моя глубокая симпатия к царю. Я умолял его не брать на себя эту огромную ответственность перед историей и перед всем человечеством. Государыня меня поддержала, говорила сначала по-французски, затем – поанглийски... Государь задумался. Сазонов, повернувшись в мою сторону, сказал: “А я имею храбрость взять на себя ответственность за эту войну. Война эта неизбежна. Она сделает Россию еще сильнее и могущественнее. И вы, министр двора, которому подобает соблюдать интересы Государя, вы хотите, чтобы он подписал свой смертельный приговор, оттого, что Россия никогда не простит ему тех унижений, которые вы ему навязываете!” – Государь, до этой минуты колебавшийся, казалось, сразу предпринял какое-то решение и приказал, прекратив разговор с Сазоновым и мною, призвать к нему немедленно Сухомлинова и великого князя Николая Николаевича. На следующий день была объявлена война!»¹⁵¹.

Теперь нам всем хорошо известно, что Сазонов, Сухомлинов и великий князь Николай Николаевич убедили императора в невозможности отменить уже объявленную частичную мобилизацию по техническим причинам и вообще в нерациональности таких шагов. Однако все это вело к большой войне.

В дневниковых записях императора Николая II нашло отражение эскалация событий, связанных с началом войны:

«19-го (1 августа) июля. Суббота. Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении Верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6 1/2 ч. поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну... Вечером приехал англ. посол Vuchanan с телеграммой от Georgie. Долго составлял с ним вместе ответ. Потом еще видел Николашу и Фредерикса...

20-го (2 августа) июля. Воскресенье. Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 ч. поехал с Мари и Анастасией к обеду. Завтракали одни. В 2 1/4 ч. отправились на «Александрии» в Петербург и на карете прямо в Зимний дв[орец]. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди кот. был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела “Спаси, Господи” и “Многая лета”.

Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около 6 час. вышли на набережную и прошли к катеру чрез

большую толпу из офицеров и публики. Вернулись в Петергоф в 7 ¹/₄ ч. Вечер провели спокoйно»¹⁵².

Читая эти строки дневника, невольно на память приходит фраза известного немецкого канцлера О. Бисмарка: «Все войны популярны в день их объявления». Однако столь же неизбежно популярность их резко падает, особенно после получения первых чувствительных поражений.

По свидетельству придворных, императрица Александра Федоровна, узнав о печальной вести начала войны, горько разрыдалась.

Обстоятельства объявления войны Германией России описал в своих воспоминаниях министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов:

«Этот шаг, последний и бесповоротный, был совершен Германиею в субботу 1-го августа. В 7 часов вечера ко мне явился граф Пурталес и, с первых же слов, спросил меня, готово ли русское правительство дать благоприятный ответ на предъявленный им накануне ультиматум. Я ответил отрицательно и заметил, что, хотя общая мобилизация не могла быть отменена, Россия тем не менее была расположена по-прежнему, продолжать переговоры для разрешения спора мирным путем.

Граф Пурталес был в большом волнении. Он повторил свой вопрос и подчеркнул те тяжелые последствия, которые повлечет за собою наш отказ считаться с германским требованием отмены мобилизации. Я повторил уже данный ему раньше ответ. Посол, вынув из кармана сложенный лист бумаги, дрожащим голосом повторил в третий раз тот же вопрос. Я сказал ему, что не могу дать ему другого ответа. Посол, с видимым усилием и глубоко взволнованный, сказал мне: “В таком случае мне поручено моим правительством передать Вам следующую ноту”. Дрожащая рука Пурталеса вручила мне ноту, содержащую объявление нам войны. В ней заключалось два варианта, попавшие, по недосмотру германского посольства, в один текст. Эта оплошность обратила на себя внимание лишь позже, так как содержание ноты было совершенно ясно»¹⁵³.

Позднее дворцовый комендант генерал-майор В.Н. Воейков в своих мемуарах с печалью писал: «Сбылось то, чему трудно было верить, но что мне в 1919 году выдавалось за факт: говорили, что в 1911 году в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские державы в войну с целью свержения тронов...»¹⁵⁴.

Интересно отметить, что на подобные секретные данные и на влияние масонов ссылается в своих воспоминаниях и германский император Вильгельм II. Однако всем известна истина, что победителей не судят.

Роль масонов темна и касаться этого мы сейчас не будем, тем более что подобному сюжету имеется много разного рода «посвящений». В России кроме масонов имелись влиятельные силы, которые были заинтересованы в большой войне. Для них война являлась беспрюирышной лотереей. С одной стороны, на войне можно было нажать огромные капиталы и в случае победы получить новые рынки сбыта, подавить своих конкурентов. Существовала и другая сторона медали. Реальные силы оппозиции на надежду уступки власти со стороны царского режима (в условиях мирного времени при успешном экономическом и социальном развитии страны) рассчитывать не могли. Уступки хотя бы части власти можно было добиться или вырвать лишь в трудных условиях военного времени. Такие же надежды питали и революционеры, т. к. их ставка на восстание 120 млн крестьян в борьбе за землю также была подорвана аграрной реформой Столыпина.

Рвавшийся к государственному рулю новый класс, главным образом в лице крупной буржуазии, понять было можно. Россия управлялась, по меткому выражению императора Николая I, «30 000 столоначальников»¹⁵⁵, т. е. профессиональной бюрократией. Для того чтобы добиться влиятельного положения в государственном аппарате, чтобы стать директо-

ром департамента, сенатором или министром, нужно было пройти длинную лестницу служебной карьеры, и никакие миллионы не могли играть решающей роли и освободить от этой обязанности. Российская буржуазия считала себя обиженной таким положением. Она стремилась играть в России такую же доминирующую роль, которую имела крупная буржуазия в Европе. Таким образом, приближалось время открытой схватки с царем за перестройку российской государственности по меркам их личных и сословных интересов. Военная обстановка этому могла благоприятствовать.

Первая мировая война для многих членов династии Романовых оказалась неожиданным и весьма неприятным сюрпризом. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что вдовствующая императрица Мария Федоровна и старшая сестра императора Николая II великая княгиня Ксения Александровна находились в это время за границей. Обратимся к сохранившимся личным документам Романовых, которые позволяют судить о многих нюансах начала великой драмы.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна 17 (30) июля 1914 г. в письме к своей дочери, великой княгине Ксении Александровне, писала из «Marlborough house», где находилась в гостях у родной сестры:

«От души благодарю тебя, моя душка милая Ксения, за твое дорогое письмо из Vissebes. Но кто мог провидеть это неожиданное пертурбации в этом коротком сроке. Кажется, что все с ума сошли, не верится, что все это так скоро могло случиться! Я совершенно... не могу спокойно сидеть здесь и уже после завтра уезжаю, но как путешествие через Германию будет, не знаю. Может быть, остановят нас на дороге. Бедная т. Аликс не хотела меня пускать, но я просто не могу ждать здесь... Я не имею никаких известий от Ники, что совсем не понятно. Я ему в первый день телеграфировала, [чтобы] узнать, нужно ли мне вернуться, на что он ответил: если тебе больше спокойнее будет здесь, то приезжай. Что это за ответ? И после этого ничего. Бедный Ники, конечно, его положение ужасно тяжелое... Но другие тоже ничего не пишут, как будто мне все равно, это возмутительно... Все, что произошло, так ужасно и так страшно, что слов нет. Боже мой! Что нас еще ожидает и как это все кончится?... Положение ужасное, куда не смотришь... Больше не могу писать. Нежно тебя обнимаю, моя душка Ксения, да поможет нам Господь!...

Твоя измученная, но любящая тебя Мама.

Миша был сегодня. Я ему сказала, [что] лучше ему со мною вернуться теперь, но он отказался. Но видно, что он все чувствует, как мы, но не может!»¹⁵⁶.

Как видно из письма Марии Федоровны, поворот международных событий был неожиданный для нее. Перед возвращением в Россию она имела свидание со своим младшим сыном Михаилом Александровичем, который в этот период находился с семьей в Англии. В связи с заключением в 1912 г. младшим братом царя морганатического брака, то ему было запрещено с семьей возвращение в Россию, а на имущество и капиталы великого князя была наложена опека.

В дневнике Марии Федоровны 17 (30) июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 12 часов пришел Миша. Мы немного прогулялись. Я умоляла его поехать домой вместе со мной именно сейчас – в такой серьезный момент. Для него это было бы теперь самым лучшим решением. Никакого результата, к сожалению, я не добились! Позавтракали мы в саду. Затем отправились к леди Пейджет, где пили чай и осматривали ее прелестный сад. Там была также мадам Оберн. Погода стоит замечательная. Вечер провела в одиночестве»¹⁵⁷.

Великий князь Михаил Александрович оказался в данном случае в двойственной ситуации. Очевидно, что он стремился вернуться в Россию, но буквально накануне встречи со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной, им было отправлено письмо Николаю II, которое приведем полностью:

«16 июля 1914 г. – Knebword House Herts.

Дорогой Ники,

Хотя ты мне и не отвечаешь на мои письма относительно изменения моего положения, которое всецело зависит от тебя, я еще раз обращаюсь к тебе. Учрежденная по твоей воле опека, очевидно, должна была иметь в виду ограждение состояния моего от разорения. Никаких определенных действий, из которых можно было бы усмотреть угрозу имущественному благосостоянию моему, мною совершенно не было и, следовательно, опека имела в виду лишь возможность проявления в будущем расточительности или безмерных трат. Сопровождение опеки над имуществом опекой над личностью, не увеличивая несколько обеспечения целостности состояния, поставило меня в положение слабоумного или психически ненормального человека и создало совершенно невыносимые условия моего дальнейшего существования, отняв у меня возможность даже временного возвращения в Россию, как человека, которого постигла унижительная кара. Я вынужден избегать людей, которым неизвестна истинная причина постигшего меня бедствия, лишен возможности всякого участия в наблюдении за ведением моих дел, а в то же время остался до сих пор председателем разных обществ, ученых, просветительных и благотворительных.

Я глубоко убежден, дорогой Ники, что ты не мог желать поставить меня именно в такое тяжкое, унижительное положение и что учреждение опеки имело лишь единственную цель ограждения целостности моего состояния, а если это так, то опека над личностью является прежде всего для сказанной цели совершенно излишнею, да и самая опека над имуществом могла бы быть заменена другими менее оскорбляющими мое человеческое достоинство мерами.

Пережив столько тяжелого и унижений за все последнее время, решаюсь еще раз обратиться к тебе и просить тебя или ограничиться наложением запрещения на все мое недвижимое имущество и капиталы с разрешением мне пользоваться лишь доходами с них или, если это было бы признано тобой не удовлетворяющим поставленной цели, заменить нынешнюю опеку попечительством в твоем лице или лица, которое тебе было бы угодно назначить, как, например, лично известного тебе Николая Павловича Лавриновского. Такое отвечающее вполне цели и назначению ныне действующей опеки попечительство по твоему повелению заменило опеку по расточительности в отношении лейб-гусарского полка графа Стенбок[а] и о такой же милости прошу теперь и я, хотя имущества своего до сих пор не расточал и не растрчивал.

Надеюсь на твое доброе сердце, что ты не назначишь лиц, мне неприятных и вредящих мне, где только возможно, так как это равнялось бы теперешнему тяжелому положению.

Обнимаю тебя

Сердечно любящий тебя Миша»¹⁵⁸.

Как видно из письма, великий князь Михаил Александрович был смертельно обижен на своего старшего брата, но, соблюдая рамки вежливости и смирения, просил о нисхождении. Пока на эту просьбу он еще не получил ответа, то считал себя не вправе возвратиться из изгнания на родину.

Следует заметить, что в этот же период с разрешения императора вернулся из Франции со своим семейством великий князь Павел Александрович. Этому примеру мог последовать и великий князь Михаил Михайлович (Миш-Миш), но он предпочел остаться представителем от русской армии в Англии, что, возможно, убергло его позднее от гибели от рук большевиков, как погибли трое его родных брата в 1918–1919 гг.

Возвращение членов императорской фамилии в Россию проходило с целым рядом злоключений. Так, например, императрица Мария Федоровна 19 июля (1 августа) 1914 г. писала в своем дневнике: «Сегодня я провожу последний день с моей дорогой Аликс. Как это ужасно! Неизвестно, когда мы теперь снова сможем увидеться. Уж конечно, не в этом году, раз начинается война!... В полном отчаянии я расстаюсь с моей любимой Аликс! Какое

жестокое прощание в этот такой ужасно серьезный момент. Переезд прошел прекрасно! В 5 ¹/₄ прибыли в г. Кале, где меня должна была встретить Ксения. Однако ее там не оказалось. Она встречала меня лишь в Бельгии. Она (Ксения) потеряла всех своих людей и весь свой багаж». На следующий день 20 июля (2 августа) еще одна запись в дневнике Марии Федоровны: «Во Франции нас повсюду встречали: “Vive la Russie!” (“Да здравствует Россия!” – франц.). Мобилизация шла полным ходом. В Германии ничего не было заметно до тех пор, пока мы не прибыли в предместье Берлина, где лица прохожих дышали ненавистью. Когда мы въехали в Берлин – отвратительное место, в поезде появился Свербеев и сообщил, что объявлена война, а также что мне не разрешено пересечь германскую границу. Он сам был как помешанный. Видно было, что он совершенно потерял голову и уже не был послом. Он сказал мне, что маленькая Ирина находится здесь с семьей Юсуповых и что все они арестованы. Слыхано ли что-либо подобное! Какие подлецы! Потом появился немецкий господин, чиновник, который заявил, что я должна вернуться назад и ехать домой через Англию, Голландию или Швейцарию или, может быть, я предпочла бы Данию. Я протестовала и спросила, что случилось. На это он ответил: “Россия объявила войну”. Я ответила, что это ложь, а также то, что мобилизация начата ими [германцами] тайно и проводится уже в течение четырех лет, в то время как Россия только теперь начала осуществлять эти действия [мобилизацию] и только теперь заявила об этом официально. “Но это, – сказала я, – еще не означает начала войны”. В конце концов, через 2 часа наконец-то выбрались из всей этой грязи и уже находились на пути в Вамдруп»¹⁵⁹.

С началом Первой мировой войны император Николай II, судя по дневниковым записям, беспокоился за благополучие своих близких:

«22-го июля [1914 г.]. Вторник. Вчера Мама приехала в Копенгаген из Англии через Берлин. С 9 ¹/₂ до часа непрерывно принимал. Первым приехал Алек (имеется в виду принц Александр Петрович Ольденбургский. – В.Х.), кот. с большими возвратился из Гамбурга затруднениями и едва доехал до границы. Германия объявила войну Франции и направляет главный натиск на нее.

У меня были доклады: Горемыкина, Сухомлинова и Сазонова. Кирилл (великий князь Кирилл Владимирович. – В.Х.) был дежурным.

23-го июля. Среда. Утром узнал добрую весть: Англия объявила войну Германии за то, что последняя напала на Францию и самым бесцеремонным образом нарушила нейтралитет Люксембурга и Бельгии.

Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться. Принимал все утро и после завтрака до 4 час. Последним у меня был франц. посол Палеолог, приехавший официально объявить о разрыве между Францией и Германией...

24-го июля. Четверг. Сегодня Австрия, наконец, объявила нам войну. Теперь положение совершенно определилось. С 11 ¹/₂ на Ферме у меня происходило заседание Совета министров. Аликс утром ходила в город и вернулась с Викторией и Эллой (имеются в виду великая княгиня Виктория Федоровна и родная сестра Государыни великая княгиня Елизавета Федоровна. – В.Х.). Кроме них завтракали: Костя и Мавра (имеются в виду великий князь Константин Константинович и его супруга великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – В.Х.), только что вернувшиеся из Германии и тоже, как Алек, с трудом проехавшие через границу»¹⁶⁰.

Следует отметить, что «русский колосс», как называли Россию за рубежом, оказывал магическое воздействие и вселял радужные надежды на союзников по Антанте. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы Российской империи имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в Русско-японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию. Численность и потенциал

Российской армии внушали уважение: 1 423 000 человек в мирное время, еще 3 115 000 при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей как бы в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она неудержимо покатится вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших воинов все новыми бойцами. Усилия, предпринятые после войны с Японией, для устранения некомпетентности и коррупции в армии привели, как многие предполагали, к некоторому улучшению положения. «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов потенциальной мощи и богатства», – писал сэр Эдуард Грей еще в апреле 1914 г. в Париже, где он вел переговоры по вопросу заключения морского соглашения с русскими. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, сказал он как-то президенту Пуанкаре, – что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России»¹⁶¹.

Союзникам по Антанте было известно, но и не только им, что Россия физически не в состоянии закончить мобилизацию и концентрацию своих войск к этому условленному сроку, но для них было важно, чтобы русские начали наступление теми силами, которые окажутся у них в готовности. Франция и Англия были полны решимости, принудить Германию вести войну на два фронта с самого начала, стремясь сократить численное превосходство немцев по отношению к своим армиям.

Остановимся на одном важном, но для многих малоизвестном факте. Император Николай II в самом начале войны намеревался взять в свои руки Верховное главнокомандование действующей армии на фронте. Об этом событии позднее подробно поведал в своих воспоминаниях военный министр В.А. Сухомлинов:

«Следующий доклад мой должен был состояться в субботу 19 июля (1 августа); но мне передано было из Петергофа, что Государь примет военного министра с докладом 20 июля / 2 августа в Петербурге, после Высочайшего выхода, в Зимнем дворце.

В воскресенье выход состоялся. Император Николай II, после молебствия, обратился с прочувствованною речью к собравшимся представителям армии. Более четырех тысяч человек приветствовало царское слово с большим энтузиазмом. Когда после того я был принят с докладом, Его Величество очень ласково меня принял, поблагодарил за тот блестящий порядок, в котором прошли все распоряжения по мобилизации, и обнял меня даже.

При всем желании Государя нашего, – войны избежать не удалось, – и так он решил сам стать во главе действующей армии, то, ввиду предстоящего отъезда на фронт, состоялось заседание Совета Министров, под председательством самого Государя в Петергофе, на так называемой «Ферме». – В сущности, это был небольшой павильон в парке, всего одна зала с небольшими пристройками примитивного фасона и незатейливой мебелировкой.

Посреди зала находился стол настолько большого размера, что вокруг него могло поместиться до 20–25 человек. Вся мебель чуть ли не Екатерининских времен. На стенах висели старинные же гравюры, с изображениями охот, древних замков и портретами XVII столетия в напудренных париках, жабо, с отложными, широкими, кружевными воротниками...

На эту Ферму Государь пришел пешком, совершенно один и без оружия.

В настоящее время, на расстоянии девяти лет с того дня, когда решался вопрос большого исторического значения, а именно: станет ли Государь во главе действующей армии, – имеются уже данные, дающие возможность в этом разобраться. Я не могу винить Государя в том, что он не проявил силы воли и от своего решения, на основании которого я направлял все подготовительные работы к походу, отказался в совещании министров. – Перед престолом Всевышнего дает теперь ответ наш бедный царь. Лягание же поверженного льва – спорт, к которому у меня расположения никогда не было.

Но интересно выяснить, насколько я виноват в том, что настойчиво, энергично не пошел против всех остальных членов совещания и категорически не заявил, что Государь не должен менять своего решения выступить в поход вместе со своими войсками.

Обстановка заседания была такова, что правее Государя сидел председатель Совета Министров Горемыкин, а левее Его Величества – военный министр.

После заявления Государя о том, что, предполагая стать во главе армии, выступающей в поход, он желал бы дать Совету Министров некоторые полномочия для окончательного решения дел в его отсутствие, во избежание всяких проволочек и задержек с бюрократической точки зрения. Его Величество предложил Горемыкину высказать свое мнение.

Старик «премьер-министр» чуть ли не со слезами на глазах просил Государя не покидать столицу, ввиду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству – отсутствие главы его из столицы, в критическое для России время. Речь эта была трогательна и, видимо, произвела на Государя большое впечатление.

К ней горячо присоединился министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин, энергично высказавшийся за то, чтобы Государь оставался в центре всей административно-государственной машины; излагал свои доводы он с таким пафосом, что, видимо, его речь производила на Государя тоже сильное впечатление.

Затем министр юстиции Щегловитов, опытный профессор, в своих спокойных доводах, основанных на исторических данных, сославшись на Петра Великого и обстановку прутского похода того времени, увлек всех нас своим убежденным докладом о том, почему Государю необходимо оставаться у кормила правления.

После него решительно все остальные члены заседания высказались в том же смысле, и очередь дошла до меня.

Обращаясь в мою сторону, Его Величество сказал: “Посмотрим, что на это скажет наш военный министр?”

– “Как военный министр, – доложил я на это, – скажу, конечно, что армия счастлива будет видеть верховного своего вождя в ее рядах, тем более что я давно знаю это непреклонное желание и Его Величества; в этом смысле формируется штаб и составляется положение о полевом управлении. Но я, как член совета, сейчас остаюсь в одиночестве, и такое единоедушное мнение моих товарищей не дает мне нравственного права идти одному против всех”.

– “Значит, и военный министр против меня”, – заключил Государь и на отъезде в армию больше не настаивал¹⁶².

Наконец, в дневнике Николая II от 27 июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 10 1/2 была обедня вследствие приезда дорогой Мама в 12.36 сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита. Был выставлен дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. Мама приехала с Ксенией, совершив 9-дневное путешествие из Англии на Берлин, откуда ее не пропустили к нашей границе, затем Копенгаген, через всю Швецию на Торнео и на СПб. Она совсем не устала и в таком же приподнятом настроении как мы все. Завтракали и обедали в Коттедже. Погулял с дочерьми. В 6 ч. принял Николашу. Погода была отличная»¹⁶³.

Через две недели произошло еще одно знаменательное событие в большом императорском семействе. Это событие нашло отражение в дневнике императрицы Марии Федоровны:

«11/24 августа. Понедельник. Ужасное возбуждение. Сегодня ожидаю моего Мишу. В 11 часов приняла Гадона. Благодарю Господа за эту блестящую кампанию, в которой участвовали кавалергарды и Конная гвардия. Получила милое письмо от Ольги. Миша пришел незадолго до завтрака. Наша встреча была очень эмоциональной! Затем мы с Ксенией посетили раненых офицеров в Благовещенском госпитале... Домой вернулись к чаю, на котором также присутствовал Ники с двумя младшими дочерьми. Таким образом, Ники и Миша

впервые встретились здесь у меня. Эта встреча меня глубоко тронула. Миша расплакался, но вскоре они оба подавили в себе эмоции и больше ни о чем не вспоминали»¹⁶⁴.

Более лаконичная запись в дневнике императора Николая II от 11 августа 1914 г.: «Отличный летний день. Погулял. Принял Григоровича, Горемыкина и Кривошеина. После прогулки в 4 ч. отправился с Мари и Анастасией на моторе на Елагин к Мама. Пил у нее чай с Ксенией. В это время вошел Миша, вернувшийся вчера ночью из Англии тоже чрез Норвегию и Швецию на Торнео. Радостно было встретиться! Вернулся в Ц[арское] С[ело] с ним. Он обедал у нас.

Вечером читал»¹⁶⁵.

На фронте первые победы русской армии чередовались с сокрушительными поражениями. В августе 1914 г. Франция находилась в таком опасном положении, что французское правительство со всеми высшими учреждениями вынуждено было перебраться из Парижа в Бордо. Наступление русской армии на территорию Германии (во многом неподготовленное) было искупительной жертвой, чтобы спасти Париж и отвлечь на себя часть немецких войск. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна 19 августа записала в дневнике: «Жуткие сообщения с фронта – потерпели страшное поражение в Восточной Пруссии. Три генерала погибли. Среди них мой дорогой Самсонов! Какой ужас! Приняла Ильина, Мейендорфа и Куломзина. Я нахожусь в совершенном отчаянии! Миша не пришел. К завтраку сегодня была лишь Саша Козен»¹⁶⁶.

Позднее маршал Фош говорил: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим обязана, прежде всего, России»¹⁶⁷.

В начале Первой мировой войны Россия, выручая от разгрома французов и английский экспедиционный корпус, предприняла спешное наступление в Восточную Пруссию. Немцы вынуждены были перекинуть из Франции два корпуса своих войск для отражения русского наступления. Им удалось не только остановить наступление, но и нанести сокрушительные удары по 1-й и 2-й русским армиям, которые понесли весьма большие потери. Военная удача отвернулась от русских войск, и они подверглись тяжким испытаниям. В частности, в рукописных воспоминаниях казачьего начальника В.А. Замбрицкого отмечались за этот период кровопролитные бои 1-й кавалерийской дивизии В.И. Гурко: «Да, подошли к нам минуты испытаний... Это было тогда, когда немцы только что разгромили Самсонова под Сольдау, а затем обрушились на зарвавшуюся вперед армию Ренненкампа, грозя отрезать ее с тыла. Наша дивизия прикрывала его левый фланг и нам пришлось выдержать всю силу удара обходных корпусов, предназначенных Ренненкампу, и не будь Гурко, прямо скажу, несдобровать бы всей первой нашей армии... А положение было не то что скверное, – отчаянное прямо, и я не представляю себе, как мы оттуда живыми ушли! Как сейчас помню бой у села Петрашка. Навалились на нас 3 немецкие пехотные дивизии и конница, да еще с тяжелой артиллерией. А у нас что? Легкие конные пушечки, так разве ими отобьешься?... А местность то лесистая по краям, все перелески да перелески, того и гляди, обойдут немцы. Да по середине открытое поле, и за пригорочком лежат наши казаки, а где разбросались уланы и казаки. Гвоздят немцы по бугру, и все чемоданы, все чемоданы, так и чешут, так и сносят, так и мнут. Невмоготу терпеть, нет никакой мочи, ну просто не выдерживает сердце. Пригнулись мы, в землю вросли, про себя молитву “Живый в помощи Всевышнего” читаем. Тянет сползти с проклятого бугра, уйти куда-нибудь, и бежать, бежать без оглядки назад из этого сплошного ада. А не смеем! Мы то лежим, а он, Гурко, т. е. стоит во весь рост на этом бугру и хоть бы что! Точно не по нему то бьют, точно не вокруг него столбом рвутся и воют снаряды, точно не смерть витает, не убитые и раненые валяются и корчатся, а сладкая музыка играет, и ангелы песни поют. Стоит это он себе по своей привычке стеклом по

носку сапога хлоп-хлоп и нет-нет парой слов перекинется с адъютантом своим Арнгольдом. Далеко видать алые генеральские лампасы... Штаб весь ушел давно, Гурко его назад отослал, а сам с Арнгольдом остался. И пока стоит он здесь, на бугре, не смеем и мы уйти... А там, из-за перелесков, вдруг выносятся конная немецкая бригада из двух полков и летит на нас в атаку. Ну, пропали, думаем! Только вижу, махнул рукой Гурко нашему резерву – трем сотням. Те вмиг на коня, и марш-марш, на немца колонной поскакали... Господи ты, Боже мой, что тут было!... А Гурко стоит все с той же легкой усмешкой, застывший в спокойной, бесстрастной позе. Затаив дыхание, глядим и мы туда, где сейчас решается судьба. Что-то будет? Вдруг видим, немецкая бригада дрогнула, замедляет ход, идет все тише, тише и сразу повернув, шарашнулась в сторону, уходит от наших казаков... Не приняла боя... Что тут было. Мы как лежали, так всею цепью сразу поднялись и с криками “ура” бросились на немцев. Гусары, уланы, драгуны, казаки, – все один перед другим старались отличиться на глазах любимого начальника. Шли в атаку и пешие, и конные, не обращая никакого внимания на огонь... В этот день мы потеряли половину личного и конного состава, но удержали за собой позиции... Армия Ренненкампа была спасена»¹⁶⁸.

Ценой большой крови русских солдат союзники России по Антанте были спасены от разгрома. В качестве компенсации 5 сентября 1914 г. Англия подписала с царским правительством тайный международный договор, по которому Черноморские проливы после окончания войны должны были отойти России. Это был приз русских за участие в мировой войне, хотя англичане, возможно, никогда не собиралась выполнять свои обязательства по договору, что в дальнейшем подтвердилось их занятой позицией в дни Февральской революции.

События на фронте менялись как в калейдоскопе с поразительной быстротой. 21 августа 1914 г. Николай II с чувством глубокого удовлетворения записал в дневнике:

«Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу!

Погода тоже стояла светлая.

Завтракал и обедал Саблин (деж.). Гулял и ездил на велосипеде с М[арией] и А[настасией]. Миша и д. Павел пили чай.

Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»¹⁶⁹.

По свидетельству воспоминаний графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой неожиданную помощь великий князь Михаил Александрович вновь получил со стороны старого графа И.И. Воронцова-Дашкова:

«Чтобы спасти его от вынужденного бездействия придворной жизни, на помощь ему во второй раз пришел старый граф И.И. Воронцов-Дашков, очень любивший великого князя.

Незадолго до этого у наместника Кавказа генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова возникла идея формирования из всех кавказских народностей кавалерийскую дивизию. И теперь граф телеграфно обратился к Государю с просьбой о назначении великого князя начальником этой дивизии.

На такую телеграмму отказа быть не могло. И великий князь стал начальником “Дикой дивизии”»¹⁷⁰.

23 августа 1914 г. великий князь Михаил Александрович получил очередное воинское звание генерал-майора с зачислением в Свиту императора и назначение командующим Кавказской туземной конной дивизией на Юго-Западном фронте.

Этот факт нашел отражение в дневниковой записи императора от 27 августа: «Видел Кирилла, приехавшего на несколько дней из штаба Николаши. Завтракал Миша, кот. получил Кавказскую конную туземную дивизию»¹⁷¹.

В этот же день Михаил Александрович уже в новой военной форме сделал визит к вдовствующей императрице Марии Федоровне.

Многие считали, что младший брат царя возглавит какоенибудь гвардейское подразделение на фронте. Нынешнее назначение Михаила Романова явилось полной неожиданностью для самой армии. Он был объявлен командующим новой дивизией, сформированной из добровольцев мусульманских наездников с Кавказа, членов племен, которые никогда раньше не бывали в составе регулярной армии. Михаила повысили с полковника до звания генерал-майора, но тем не менее это назначение расценивалось как-то, что его «не простили». Конечно, за свой проступок перед императором с самовольной женитьбой, он не мог рассчитывать на возвращение, на прежнее место командира Кавалергардского полка или на командование регулярной гвардейской дивизией, но все же, по мнению многих, заслуживал более почетного назначения.

Шел день за днем, но великий князь Михаил Александрович, стремившийся в действующую армию, вынужден был по разным причинам все еще оставаться в Петрограде. Так, например, его старшая сестра великая княгиня Ксения Александровна сообщила об этом в своем письме на фронт от 14 (27) сентября 1914 г. великому князю Николаю Михайловичу:

«Спасибо, милый Бимбо, за фотографии. Вижу, что и на войне костюм все тот же: та же рубашка и та же трубка неизменно в зубах!

Ты жалуешься, что никто не пишет, и я вполне сочувствую, что это несносно, но я не писала до сих пор, оттого, что писать в настоящее время весьма трудно (хотя и есть о чем!) и как-то тяжело. Кроме того, у меня мало времени, я только по утрам здесь, а сейчас же после завтрака еду в город, где остаюсь до 6 ¹/₂ ч. и возвращаюсь довольно рамольной. У нас в доме весь день работают, шьют на раненых и работа кипит. Приходят разные совсем незнакомые дамы и женщины и сидят с 10 ч. до 7 ч. Мы уже отправили множество вещей в разные места, но большей частью все идет на наш санитарный поезд.

Он уже три раза привозил раненых из разных мест. Последние из Варшавы, раненные в боях 26–27 августа.

[Великий князь] Георгий [Михайлович] открыл лазарет у тебя в доме, на 24 кровати. Пока только 15 человек, все егеря.

Я бываю там почти каждый день. Что за чудный народ: тихий, трогательный, полный веры в Бога и правоту нашего дела. Мне становится легче в их присутствии и от их рассказов! Но, Боже мой! Что это за кошмар, вечный, сплошной кошмар, в котором встаешь и ложишься и от которого никуда не уйдешь.

Здесь гораздо хуже, чем там. Я так завидую Ольге и не знаю, что бы дала, чтобы быть на ее месте и при деле.

Я видела множество раненых, и все они делают самое отрадное впечатление и чувствуешь, что с таким народом нельзя не победить! Только, увы! Что это нам будет стоить, какие страшные потери еще впереди!...

Мама была очень простужена и все еще кашляет, но все же ей лучше. Мы все еще живем в Елагине; тут хорошо, а главное – совсем новое место, обстановка, что приятно в настоящее время. Миша, кажется, доволен своим назначением, но не знает еще, когда едет. Вот уже 3 раза, что сообщали выехать (на Кавказ), но его все задерживают здесь. – Надеюсь, справится со своей ордой и что все будет благополучно. Он ведь почти 3 года был вне строя...

Но теперь пора кончать письмо. Напишу опять, когда-нибудь. Прости за бессодержательность этого письма!

Я тоскую и на душе весьма тяжело! Всей душой ненавижу эту войну.

За чем, за что?! Да еще с такими скотами. – Это не война, а какая-то бойня бессмысленная и жестокая.

Помоги нам Бог! – Обнимаю тебя. – Если что нужно, напиши.

Твоя сестрица Ксения.

Поклоны Никите и Сереже Д.»¹⁷².

Великий князь Михаил Александрович находился в подавленном настроении. Поводом к тому послужило и то, что его друг с детства великий князь Андрей Владимирович также отправлялся на фронт.

С начала Первой мировой войны после лечения великий князь Андрей Владимирович находился в России и докладывал Верховному главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу о своей готовности вновь вернуться в строй. Он сожалел, что накануне великих испытаний, выпавших на долю России, так опрометчиво ушел из своей батареи, о чем можно судить по его дневниковым записям и письмам к родственникам. В итоге его просьба была удовлетворена. М.Ф. Кшесинская в своих воспоминаниях позднее писала: «В конце сентября отправился на фронт и Андрей. Я была в полном отчаянии, хотя он рисковал жизнью меньше других, так как из-за слабого здоровья служил при штабе Северо-Западного фронта. В то время мы жили надеждой, что ни одна из сторон не сможет выдержать длительных боев, и все скоро закончится»¹⁷³.

Великий князь Андрей Владимирович поступил на службу при Генеральном штабе. Осенью 1914 г. он, наконец, попал в действующую армию в распоряжение командующего Северо-Западным фронтом генерала Н.В. Рузского, затем получил назначение участвовать в расследовании причин поражения 2-й армии генерала А.В. Самсонова под Сольдау в августе 1914 г.

События на фронте менялись как в калейдоскопе. Победы чередовались с поражениями, но оптимизма в успехе окончания войны в пользу России это ни у кого не убавило. В качестве примера сошлемся на интересное восприятие обстановки в то время бароном Н.Е. Врангелем (отца вождя Белого движения барона П.Н. Врангеля), который в начале войны оказался во Франции и только что окольными путями вернулся в столицу: «В Петербурге меня, прежде всего, поразило изобилие гражданского мужского населения. У нас уже были призваны миллионы, а мужчин в городе было столько же, как в мирное время, тогда как в Париже все, что могло, было уже под ружьем. Россия, очевидно, израсходовала лишь малую часть своей наличности, имела неограниченный запас, во Франции запасов уже не было. Одна она неминуемо скоро была бы раздавлена.

И настроение было иное. Во Франции чувствовалась тревога, в Англии сосредоточенное напряжение – у нас в исходе войны никто не сомневался. Россия, верили, должна победить.

Недавнее прошлое теперь казалось забытым. Между Царем и народом розни, казалось, больше не было. К великому князю Николаю Николаевичу, популярностью до этого времени не пользовавшемуся, стали относиться с доверием и даже с любовью... На театре войны солдаты и офицеры дрались как львы, единение между ними было полное»¹⁷⁴.

Вскоре на фронт отправился и великий князь Михаил Александрович, который перед своим отъездом посетил императрицу Марию Федоровну. Она с тревогой 23 сентября записала в своем дневнике: «К чаю был Миша. Потом мы прощались, и я благословила его. Очень горестное прощание! Да будет Десница Господня простерта над ним!»¹⁷⁵.

Через четыре дня пришло известие о смертельном ранении на фронте князя крови императорской Олега Константиновича, сына великого князя Константина Константиновича.

2 августа 1914 г. Турция заключила с Германией союзный договор, по которому она обязывалась выступить на стороне Берлина. На покрытие военных расходов германская сторона предоставила Стамбулу заем в 100 миллиардов франков. Император Вильгельм II заверял султанское правительство, что он стремится к сохранению территориальной целостности Турции и не возражает против ее притязаний, прежде всего к России.

Турция намеревалась захватить у России (в случае победы держав Центрального блока) весь Кавказ и Крымский полуостров. Некоторые влиятельные в стране пантюркисты мечтали о гораздо большем – «о долинах Волги и Камы» с татарским населением¹⁷⁶.

Российская империя тоже имела давние территориальные притязания к Турции. Прежде всего, в высших светских кругах со времен Екатерины II давно обсуждали вопрос об оказании помощи поработенным христианам Османской империи, возврате и восстановлении святынь православия в лице Константинополя (Стамбула), а также возможности «приобретения» Черноморских проливов. Это решило бы проблему беспрепятственного выхода русских кораблей из Черного моря в Средиземноморье.

27 сентября 1914 г. Турция закрыла свои проливы для торговых кораблей стран Антанты. Без официального объявления военных действий 16 октября объединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого адмирала В. Сушона бомбардировала Одессу и другие черноморские порты России. Была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В ответ на враждебные действия 2 ноября 1914 г. войну Турции объявила Россия, 5 ноября – Англия, на следующий день – Франция. В свою очередь Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты, включая Россию.

Турецкий султан-калиф Решад Мехмед V (1844–1918) был провозглашен Верховным главнокомандующим. Однако фактическое руководство турецкой армией было сосредоточено в руках панисламиста военного министра Энвер-паши (1881–1922) и начальника штаба главного командования немецкого генерала Ф. Бронзарта фон Шеллендорфа, а также военного адъютанта султана генерал-фельдмаршала барона К. фон дер Гольца.

Следует заметить, что с началом войны Персия заявила о своем строгом нейтралитете, к которому Российская империя и Великобритания отнеслись с должным уважением.

Фронтовые управления во время Первой мировой войны в русской армии были созданы для руководства боевыми действиями на важнейших стратегических направлениях.

Императорский поезд во время войны преодолел с Николаем II около ста тысяч верст. Царь неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, он в 1914 г. посетил цитадель Карса на турецком фронте в Закавказье, где лично участвовал в награждении Георгиевскими крестами отличившихся воинов. Один из солдат, награжденный крестом из рук императора, в смущении обратился к нему со словами: «Я, Ваше Императорское Величество, в бою не участвовал». Государь был удивлен откровением и смелостью солдата и громко с улыбкой ответил: «Молодец... Наверное, скоро заслужишь крест. Хорошо, что по совести заявил мне»¹⁷⁷. Награда солдату была оставлена, и он оправдал доверие императора в ближайшем же сражении.

Однако обратимся к дневнику императора, в котором нашли отражение события, связанные с его поездкой в конце 1914 г. на Кавказ:

«25-го ноября. Вторник. Проснулся чудным светлым утром. Проезжали новыми для меня местами мимо хребта вдаль, дивно освещенного теплым солнцем. Выходил на некоторых станциях и гулял. Во время завтрака увидели Каспийское море у Петровска. В Дербенте и Баладжарах были большие встречи и настоящие кавказские лица. На второй ст. было все начальство из Баку и почет[ный] караул от Каспийской флотской роты...

26-го ноября. Среда. Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген. Мышлаевский, кот. я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был нездоров и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. Почетный караул от Тифлисского воен[ного] уч[илища] и начальство. Поехал с Бенкенд[орфом] в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым узким извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок

большой. Приехал во дворец после часа. Побывал у графа и позавтракал с графиней, Бенкендорфом, Воейковым, Дмитрием и Павлом Шереметевым. Днем посетил три лазарета с ранеными: армянского благотворительного общ[ества], купеческого общ. и судебного ведомства. Вернулся во дворец около 6 час.

Писал телеграммы. Обедал в том же составе. Около 10 час. вошли с улицы грузины с инструментами и проплясали несколько танцев; один из них принес корзину фрукт.

27-го ноября. Четверг. Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводит его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и депутации крестьян Тифлисской губ. Погулял в красивом саду $\frac{1}{4}$ часа. Принял двух раненых офицеров – нижегородцев и подп. кн. Туманова 4-го стр. И[мператорской] Ф[амилии] полка. После завтрака посетил больницу Арамянца – 180 раненых и лазарет в зданиях не открытой губ. тюрьмы – свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час., и пил чай, и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги...

30-го ноября. Воскресенье. В 9.40 прибыл в Карс. Морозу было 4°, тихо, но, к сожалению, туман. На станции начальство и отличный поч. кар. 1-я рота нового 10-го Кавказского стрелкового полка. На улицах шпал[ерами] 3-я Кавк[азская] стр[елковая] бригада, Карская креп. арт. и запасные батальоны. Был у обедни в креп. соборе; служил добрый экзарх. Завтракал в поезде. Затем выехал с Бенкендорфом осматривать крепость.

Посетил военный лазарет – немного раненых. Поехал на форты: Бучкиев, Рыдзовский и новый Южный, на противоположной стороне. Очень основательно и много сделано за время; но туман совершенно не давал возможности ориентироваться и видеть окружающую местность. Возвратился в поезд с наступлением сумерек...

1-го декабря. Понедельник. Самый знаменательный для меня день из всей поездки по Кавказу. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч[етном] кар[ауле]. Сел в мотор с Бенкендорфом, Воейковым и Саблиным (деж.) и поехал в церковь, а затем через два перевала на границу в с. Меджингерт. Тут были построены наиболее отличившиеся ниж. чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им Георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны! Совсем старые рисунки кавказской войны Хоршелъта. Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген. Мышлаевским, нач. штаба ген. Юденичем, другими лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 Георг. крестов; и в 4 $\frac{1}{2}$ часа уехал обратно на Карс. Поезд шел плавно и тихо...»¹⁷⁸.

Любопытно отметить, что в дневнике великого князя Андрея Владимировича, который приходился царю кузеном (служил при штабе генерала Рузского) и в силу своего положения был в курсе многочисленных слухов высшего света, имеется запись от 17 января 1915 года. Он отмечает обстоятельства упомянутой нами поездки императора на Кавказ: «В 11 часов утра я поехал в замок отдать визит кн. Енгальчеву. Мы снова разговорились. “Я сегодня получил шифрованную телеграмму из Ставки, – говорит мне кн. Енгальчев, – и вопрос о польских легионах решен в том духе, как я Вам вчера говорил. Ну, слава Богу, с этим теперь покончили...”

А вот на Кавказе – дела творятся. Прямо чудеса что такое...”

На это я рассказал Енгальчеву, то, что мне говорил генерал Гулевич про тот же Кавказ.

Государь был на Кавказе. Я лично уже слышал от Государя (ему Воронцов докладывал, что наступление турок нельзя ожидать раньше февраля – марта, когда снега стают. Потом Государь был в Сарыкамыше и только успел доехать обратно до Ставки, как была получена телеграмма, что Сарыкамыш уже окружен турками). Как теперь оказалось, именно в то время, когда Государю докладывали, что турки будут наступать не раньше февраля – марта,

два их корпуса уже обходили нас справа, а в то время, когда Государь был в Сарыкамыше, авангард турок показался уже на горах и курды, по сведениям пленных, даже хотели обстрелять царский поезд, но никак не ожидали, что он так скромно выглядит. Через два дня после отъезда Государя Сарыкамыш был занят. Из этого видно, в какой опасности Государь был благодаря беспечности и халатности штаба кавказского наместника...

На этом мой разговор с кн. Енгалычевым кончился, и я уехал. В приемной он мне представил своего помощника сенатора Любимова, жандармского генерала и других лиц»¹⁷⁹.

Позднее последний дворцовый комендант, генерал-майор В.Н. Воейков, который находился в Свите императора и отвечал за его безопасность, признавался в своих эмигрантских мемуарах:

«Возвратившись из Меджингерта в Сарыкамыш, я через несколько времени узнал, какую сделал оплошность, приняв на веру ручательство за безопасность посещения Государем передовых войск в Сарыкамышском направлении; оказалось, что штаб турецкой армии, с Энвер-пашою во главе, находился на высотах – так близко от ущелья, по которому пролегал путь Его Величества, что направление следования было видно с турецких аванпостов. Благополучный исход этого выезда можно приписать только счастливой случайности, так как туркам в голову не могло прийти, что в одном из появившихся на дороге автомобилей следовал Русский Белый Царь. Кроме того, как потом узналось со слов пленных, вблизи шоссе скрывались в дикой гористой местности курды и турецкие передовые части, производившие, при участии германских офицеров, рекогносцировку местности на путях к Сарыкамышу.

Когда Государь, покидая Меджингерт, сел в автомобиль, генералы, офицеры и казаки кинулись провожать Его Величество, поднялась дикая скачка по сторонам царского пути, пролежавшего по каменистому неровному грунту. Проявление теплых чувств к Его Величеству со стороны народонаселения Кавказа сразу парализовало мечты турок о том, что мусульманское население станет на сторону нашего врага и что в горных областях начнутся волнения, мятежи, беспорядки»¹⁸⁰.

6 января 1915 г. французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике: «Русские нанесли поражение туркам вблизи Сарыкамыша, на дороге из Карса в Эрзурум. Этот успех тем более похвален, что наступление наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же – никаких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изумительные подвиги»¹⁸¹.

Император Николай II продолжал пристально следить за боевыми действиями на Кавказе. 7 января 1915 г. он записал в дневнике: «По донесениям графа Воронцова видно, что преследование остатков разбитых турецких корпусов закончилось; они все прогнаны далеко за границу. Так окончилось знаменитое движение внутрь наших пределов армии под командою, мнящего себя Наполеоном, Энвер-паши!»¹⁸².

Сарыкамышская операция окончилась почти полным поражением 3-й турецкой армии. К началу 1915 г. в ней насчитывалось всего 12 400 человек. Она потеряла 90 тысяч человек, в том числе 30 тысяч замерзшими в горах, и свыше 60 орудий. Фактически от этого сокрушительного поражения 3-я турецкая армия так и не смогла оправиться до конца войны, несмотря на систематическое ее пополнение.

Экономический потенциал России позволил ей вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий в военной кампании 1914 г. Однако положение резко изменилось к лету 1915 г., в связи с отступлением русских армий из Галиции и Польши, что происходило в условиях острого недостатка боеприпасов, военного снаряжения и ошибок руководства. Военный министр генерал В.А. Сухомлинов был отстранен от должности и затем отдан

под суд. Обстановка в стране подтолкнула большинство фракций в Государственной думе и Государственном Совете объединиться в августе 1915 г. в «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайние правые и меньшевики. «Прогрессивный блок» выступал с критикой царского правительства за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ. Главным требованием «блока» являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной думой. Требование оставалось в рамках закона о Думе 1906 г.

На закрытом заседании Совета Министров 6 августа 1915 г. было объявлено о решении Николая II лично возглавить армию в столь ответственный и критический момент. Оппозиция, предвидя, что такой шаг императора осложнит ей политическую борьбу и критику хода военной кампании, насторожилась. Ряд министров тоже пытались убедить Николая II не брать на себя ответственность за обстановку на фронте, утверждая, что это все усложнит управление государственными делами. В коллективном письме ряда министров к царю прямо указывалось, что его отъезд в Ставку «грозит по нашему крайнему разумению России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями»¹⁸³.

Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин предостерегал своих коллег, что любая попытка переубедить императора в своем решении не будет иметь успеха. Его речь не достигла своей цели, но она дает объяснение позиции Николая II:

«Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь влияния. Оно подсказано сознанием царского долга перед Родиной и перед измученной армией. Я так же, как и военный министр, прилагал все усилия, чтобы удержать Его Величество от окончательного решения и просил его отложить до более благоприятной обстановки. Я тоже нахожу принятие Государем командования весьма рискованным шагом, могущим иметь тяжелые последствия, но он, отлично понимая этот риск, тем не менее не хочет отказаться от своей мысли о царском долге. Остается склониться перед волей нашего царя и помочь ему»¹⁸⁴.

Стоит отметить, что председатель Государственной думы М.В. Родзянко еще 12 июля 1915 г. направил письмо императору Николаю II с призывом не принимать на себя Верховное командование действующими армиями¹⁸⁵.

Особенно было встречено «в штыки» известие о намерении императора Николая II взять на себя бремя Верховного главнокомандующего со стороны целого ряда ближайших родственников. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна категорически отвергала эту идею. В ее дневнике имеется запись за 12 (25) августа 1915 г.: «Ники пришел со всеми 4-мя девочками. Он сам начал говорить о том, что хочет принять на себя высшее командование вместо Николая [Николаевича]. Я была в таком ужасе, что со мной едва не случился удар. Я высказала ему все. Я настаивала на том, что это будет крупнейшей ошибкой! Я умоляла его этого не делать. В особенности теперь, когда наше положение на фронте такое серьезное. Я добавила, что если он так поступит, то все усмотрят в этом приказ Распутина. Мне кажется, что это произвело на него впечатление, потому что он сильно покраснел! Он не понимает, как это опасно и какое несчастье это может принести нам и всей стране»¹⁸⁶.

В самой Ставке в Могилеве шла также невидимая борьба. Так, например, даже за два дня до своей смены великий князь Николай Николаевич пытался, по свидетельству протопресвитера Российской армии и флота отца Георгия Шавельского, повлиять на ситуацию:

«Когда я вошел к великому князю, у него уже сидел генерал Алексеев. Великий князь сразу же обратился к нам.

– Я хочу ввести вас в курс происходящего. Ты, Михаил Васильевич, должен знать это как начальник Штаба; от о[тца] Георгия у меня нет секретов. Решение Государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава. Императрица, очень честолюбивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война... он назначил меня Верховным. Как вы знаете оба, я пальцем не двинул для своей популярности, она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это беспокоило, волновало и злило императрицу, которая все больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа... Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление и на членов императорской фамилии, и на Совет Министров, и на общество... Конечно, к должности, которую он принимает на себя, он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, со своей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу... Иное дело, если Государь сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть. Так же и вы, о. Георгий»¹⁸⁷.

Отметим, что Николаю II были известны настроения в Ставке. До его сведения давно доходили слухи, что великий князь Николай Николаевич позволял себе говорить многие непозволительные вещи, как, например, что императрицу Александру Федоровну «надо заточить в монастырь».

Все упорнее ходили слухи о возможном дворцовом перевороте. Об этих разговорах свидетельствовал начальник канцелярии Министерства императорского двора, генерал А.А. Мосолов:

«Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях – и к его восшествию на престол. Переворот считался еще возможным ввиду распрей в императорской фамилии и, главное, ввиду популярности великого князя в армии.

Об этих настроениях знали полиция и контрразведка. Не знать о них, конечно, не мог и Государь. Попали ли тогда в его руки какие-либо конкретные доказательства, положительно не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения пред влиянием великого князя на фронте, в польских кругах и т. д.

Слухи о перевороте упорно держались в высшем обществе: о них, чем дальше, тем откровеннее говорили. Имел ли к таким слухам какое-либо отношение Николай Николаевич? Не думаю. Со временем отъезда великого князя на Кавказ это просто стало невероятным»¹⁸⁸.

В популярной книге советских времен М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» приводится версия, что великий князь Николай Николаевич стал жертвой интриг Григория Распутина. По словам Касвинова, так и не успел Николай Николаевич осуществить свою заветную мечту: «Буде Григорий Ефимович (Распутин) мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующими извинениями перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени»¹⁸⁹.

Стоит заметить, трагикомичность ситуации заключалась в том, что именно великий князь Николай Николаевич в свое время ввел Г.Е. Распутина в царскую семью. Известный в широких петербургско-московских придворных и промышленных кругах князь М.М. Андронников, допрошенный Чрезвычайной Следственной Комиссией уже после падения царского режима 6 апреля 1917 г., дал следующие показания по этому поводу[?]:

«Распутина выдумал великий князь Николай Николаевич...»

Председатель. – Каким образом?

Андронников. – Очень просто. У него заболела легавая собака в Першине. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар заявил, что по щучьему велению – это довольно странно! Он заявил, что у него есть такой заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщик был выписан: оказался – г-н Распутин. Он заговорил собаку. Я не знаю, каким это образом возможно, была ли это случайность или нет, но факт тот, что собака не околела...

Председатель. – Откуда Вы это знаете?

Андронников. – Я знаю из рассказа одного из покойных Газенкампов. Потом заболела герцогиня Лейхтенбергская. (Она еще не была великой княгиней: она была невестой Николая Николаевича, жила в Першине.) Распутин ее тоже заговорил – одним словом она ожила... Великий князь и герцогиня знали наклонность императрицы Александры Федоровны к гипнотизму (как Вы изволите помнить, был сначала Филипп, потом Папиус и целый ряд других гипнотизеров), и вот они рекомендовали Распутина Государыне. Это было давно; лет 10 тому назад. Тогда совершенно скромно явился этот мужичок, который развернулся впоследствии в большого политического деятеля.

Председатель. – Для Вас несомненна политическая роль Распутина?

Андронников. – Ясно, как Божий день! Если он позволял себе звонить к министрам и говорить: «Я тебя сокрушу, выгоню»...

Председатель. – Не только говорил, но в иных случаях и реализовал.

Андронников. – Реализовал, потому что он имел огромное влияние: он входил к больной императрице и к сумасшедшей Вырубовой, и этих двух заставлял делать все по-своему. Они, в силу гипноза, опять-таки, совершенно болезненного, всецело подчинялись всем требованиям этого глупого мужика...»¹⁹⁰.

Однако вернемся к нашему повествованию. Можно предположить, что император знал о многих «тайных делах» великого князя Николая Николаевича, что сыграло также определенную роль в его смещении с поста Верховного главнокомандующего. Когда министр императорского двора граф В.Б. Фредерикс начал было заступаться за великого князя перед Николаем II, то тот, хлопая рукой по папке, резко сказал: «Здесь накопилось достаточно документов против великого князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом».

Николай II остался непреклонным в своем решении. Прибыв в Ставку, он отдал следующий приказ:

«Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в Милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять Наш святой долг защиты Родины до конца и не посраим земли Русской.

*Николай»*¹⁹¹.

В тот же день император подписал рескрипт на имя бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича о назначении его своим Наместником на Кавказе.

Начальник канцелярии Министерства императорского двора генерал А.А. Мосолов так комментировал эти события:

«Государь полагал, что он один мог сменить великого князя благодаря своему знанию командного состава армии. Этим избегалась обычная ломка ее организации. Замену же Янушкевича Алексеевым царь надеялся придать иной ход военным действиям.

С политической точки зрения Государь считал удаление Николая Николаевича на Кавказ желательным. Оппозиционные элементы, памятуя ту роль, которую великий князь сыграл пред 17 октября [1905 г.], поддерживая Витте, старались использовать его имя для своих целей, хотя с тех пор Его Высочество давно перешел в лагерь самых ярых реакционеров.

Итак, постепенно создалось расхождение между Ставкой и монархом. При замкнутости характера царя мало кто это замечал. Проявилось оно, когда царь высказал сперва Фредериксу, а затем и другим своим близким созревающее у него решение принять на себя Верховное командование. Граф сразу высказался против этого намерения по причинам политическим. Но не все окружение царя последовало примеру министра двора. Главную же сторонницу этого решения была императрица. Она уже делила людей на черных и белых душою, а вокруг Николая Николаевича ей чудились черные.

Несмотря на единодушный совет всех членов правительства, перемена состоялась.

Решение стоило царю дорого. Сочувствия и понимания он нашел мало, но веление долга, как он его понимал, Николай II исполнил»¹⁹².

Стоит отметить, что этим решительным шагом император возложил на себя всю ответственность за положение на фронтах и в действующей армии. Тем самым был положен конец распрям в взаимных обвинениях генералов друг друга и правительства за неудачи в военных действиях и плохом снабжении фронта боеприпасами. Перед монархом не поспоришь. Оппозиции также пришлось на какое-то время поубавить пыл в критике всего и всея, добиваясь своего участия в государственном аппарате управления великой державой.

Вскоре Николай II с волнением сообщал супруге:

«Благодарение Богу, все прошло и вот я опять с этой новой ответственностью на моих плечах. Но да исполнится воля Божия! Я испытываю такое спокойствие, как после Святого причастия... Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано, один Бог Всемогущ ведает!

Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожавшей рукой!..»¹⁹³

Заметим, что Николай II еще во время Русско-японской войны при первых неудачах на фронте порывался взять на себя Верховное командование, но этому не было суждено тогда сбыться. Теперь же он настоял на своем требовании, хотя многие, даже близкие родственники, отговаривали его от этого шага.

Однако, забегая вперед, мы отметим, что этот поступок императора оказался на том этапе оправданным: фронт стабилизировался, улучшилось снабжение армий и т. д. Позитивные сдвиги вынуждены были признать многие противники этого решения. Так, например, жандармский генерал А.И. Спиридович с удовлетворением писал о замене великого князя Николая Николаевича на столь ответственном посту:

«После отъезда великого князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл совершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа». Он также далее отмечал: «Принятие Государем Верховного командования было принято на фронте хорошо. Большинство высших начальников и все великие князья (не считая Петра Николаевича, брата ушедшего) были рады происшедшей перемене. Исторические предсказания изнервничавшихся министров не оправдались»¹⁹⁴.

Великий князь Андрей Владимирович, свидетельствуя о переменах в настроении офицеров и вообще на фронте, сделал следующую запись в своем дневнике:

«Смена штаба и вызвала общее облегчение в обществе. Большинство приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича. В итоге все прошло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и

радости. Вера в своего Царя и в Благодать Божию над ним создала благоприятную атмосферу»¹⁹⁵.

Через некоторое время новое свидетельство в дневнике:

«Как неузнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоилось. И ежели была бы паника, то Государь одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может. Он со всеми говорит, всех обласкает; для каждого у него есть доброе слово. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего»¹⁹⁶.

В переписке с супругой Александрой Федоровной император Николай II называл своего начальника штаба генерала Михаила Васильевича Алексева «моим косоглазым другом» и всегда о нем благоприятно отзывался, а о совместной работе и сотрудничестве с ним говорил, что это носит характер «захватывающего интереса».

Заметим, что к этому времени стала очевидной политическая расстановка сил в стране. Обнаружились разногласия «государственных мужей» с императором о его роли во время войны, а также стремление ряда министров, вопреки воле Николая II, найти опору в сотрудничестве с «Прогрессивным блоком». В результате образовался государственный кризис. 3 сентября 1915 г. Дума была распущена до следующей сессии, и вопрос о «министерстве доверия» ликвидировался. Вопрос, который мог бы быть безболезненно решен, перерос в затяжной кризис власти. Истоки кризиса лежали в неудачах на фронте, что породило надежды оппозиции на изменение государственного курса и вхождение ее представителей в состав нового правительства. Николай II вновь стоял перед дилеммой, как в 1905 г.: «Или сильная военная диктатура... или примирение с общественностью».

Однако в памяти Николая II еще свежи были уроки грозного 1905 г., когда наказ его отца Александра III о сохранении в неприкосновенности устоев самодержавия был нарушен. И в те дни было много противоречивых советов, как спасти «больную» Россию, – от рецепта дяди царя, великого князя Владимира Александровича: «Лучшее лекарство от народных бедствий – это повесить сотню бунтовщиков», – до уступок оппозиции и провозглашения конституции. Тогда пришлось пойти на компромисс и таким образом спасти положение, но в душе Николая II все протестовало, когда решения навязывались помимо его воли.

Неудачи на фронтах Первой мировой войны не только ухудшили экономическое, но и обострили политическое положение в стране. Требуя реформ, активизировалась оппозиция в лице либеральной буржуазии и общественности. Представители оппозиции все настойчивее требовали политических уступок от самодержавия. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – утверждал один из членов Прогрессивного блока В.В. Шульгин. – Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят... За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной»¹⁹⁷.

Теперь один за другим были уволены в отставку министры, пользовавшиеся симпатиями «Прогрессивного блока». С отъездом императора в Ставку усилилась министерская чехарда, в которой судьба того или иного претендента на власть все в большей степени зависела от Александры Федоровны (не без некоторого влияния Г.Е. Распутина). «В своем политическом веровании, – как отмечал граф В.Н. Коковцов, – императрица была гораздо более абсолютна, нежели Государь»¹⁹⁸.

Такая позиция в деле управления страной вызывала резкую критику на заседаниях Государственной думы со стороны лидеров «Прогрессивного блока». В частности, 1 ноября 1916 г. Павел Николаевич Милюков заявил: «Мы имеем много, очень много отдельных причин быть недовольными правительством. Но все частные причины сводятся к этой одной

общей: к неспособности и злонамеренности данного правительства». С парламентской трибуны он бесстрашно призывал: «Вы должны понять, почему у нас сегодня не осталось никакой другой задачи, кроме той задачи, которую я уже указал, – добиваться ухода этого правительства. Вы спрашиваете, как же мы начинаем бороться во время войны. Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Они для войны опасны... Кучка темных личностей руководит в личных и низменных интересах важнейшими государственными делами... Я вам назову этих людей: Манасевич-Мануйлов, Распутин, Питирим, Штюрмер...». Следующая фраза: «Победа придворной партии, группирующейся вокруг молодой царицы» – была произнесена Милюковым по-немецки для того, чтобы председатель заседания Думы не оставил его и не лишил слова. В речи Милюкова, прежде всего, имелось в виду назначение (протезе Распутина) Б.В. Штюрмера председателем Совета Министров. Он выступил с резкой критикой действий правительства, задавая риторическим вопросом: «Что это: глупость или измена?»¹⁹⁹.

Последовавший запрет публикации речи кадета П.Н. Милюкова способствовал распространению ее в списках. В конце концов она была напечатана в газетах с большим количеством пропущенных мест, как результат работы цензуры. Эти пропуски в сознании многих граждан заполнялись своим им только созвучным смыслом. Однако по рукам ходили полные списки текста речи без всяких пропусков, а иногда и со своеобразными добавлениями, которых не было на самом деле. Царица обвинялась в принадлежности к «немецкой» партии – сторонникам сепаратного мира с немцами. Обвинение строилось на тезисе, что «ибо сама императрица была родом из Германии», то среди воюющей против России армии Вильгельма II было немало ее августейших братьев и родственников. Кроме того, в Думе прозвучали прямые обвинения о влиянии Григория Распутина через царицу на государственные дела. Впоследствии многие называли эту речь штурмовым сигналом революции!

Следует отметить, что выступления в Думе привлекли внимание и великого князя Михаила Александровича, который на тот момент был болен и находился в Гатчине. В его дневнике от 5 ноября 1916 г. имеется пометка: «Потом приехал Врангель, неожиданно, с интересными вестями о том, что вообще говорится в Петрограде и в Думе в особенности»²⁰⁰. Нам любопытно сравнить свидетельства его ближайшего окружения, о роли великого князя в эти дни на политические события. Так, например, барон Н.А. Врангель записал в своем дневнике: «Пришли к заключению, что согласно общей воле решительно всех этого негодяя (Распутина. – В.Х.) следует устранить. Великий князь в шутку предлагал мне поехать вместе с ним на моторе и покончить с ним. Говоря серьезно, великий князь хочет написать Государю. Но я отсоветовал – лучше поговорить на словах в Ставке, когда он поправится. Он чувствует за собой долг это сделать, долг перед семьей и родиной... Между прочим, великий князь рассказал, что про необходимость удалить Распутина уже говорил Государю откровенно один старик (вероятно, принц А.П. Ольденбургский?). Старик этот даже расплакался и вызвал слезы у Государя, но ничего не было сделано»²⁰¹.

Михаил Александрович также решил внести свою лепту в общее дело «раскрыть глаза царю». В письме Николаю II от 11 ноября 1916 г. он писал из Гатчины следующее:

«Дорогой Ники, год тому назад, по поводу одного разговора о нашем внутреннем положении, ты разрешил мне высказывать тебе откровенно мои мысли, когда я найду это необходимым. Такая минута настала теперь, и я надеюсь, что ты верно поймешь мои побуждения и простишь мне кажущееся вмешательство в то, что до меня в сущности не касается. Поверь, что в этом случае мною руководит только чувство брата и долга совести. Я глубоко встревожен и взволнован всем тем, что происходит вокруг нас. Перемена в настроении самых благонамеренных людей – поразительная; решительно со всех сторон я замечаю образ мыслей, внушающий мне самые серьезные опасения не только за тебя и за судьбу нашей семьи,

но даже за целостность государственного строя. Всеобщая ненависть к некоторым людям, будто бы стоящим близко к тебе, а также входящим в состав теперешнего правительства – объединила, к моему изумлению, правых и левых с умеренными, и эта ненависть, это требование перемены уже открыто высказывается при всяком случае. Не думай, прошу тебя, что я пишу тебе под чьим-либо влиянием: эти впечатления я старался проверить в разговорах с людьми разных кругов, уравновешенными, благонамеренными и преданными, чьи взгляды выше всякого сомнения, и, увы – мои опасения только подтверждаются. Я пришел к убеждению, что мы стоим на вулкане и что малейшая искра, малейший ошибочный шаг мог бы вызвать катастрофу для тебя, для нас всех и для России. При моей неопытности я не смею давать тебе советов, я не хочу никого критиковать. Но мне кажется, что решив удалить наиболее ненавистных лиц и заменив их людьми чистыми, к которым нет у общества (а теперь это вся Россия) явного недоверия, ты найдешь верный выход из того положения, в котором мы находимся, и в таком решении ты, конечно, получишь опору, как в Государственном Совете, так и в Думе, которые в этом увидят не уступку, а единственный правильный выход из создавшегося положения во имя общей победы. Мне кажется, что люди, толкающие тебя на противоположный путь, т. е. на конфликт с представительством страны, более заботятся о сохранении собственного положения, чем о судьбе твоей и России. Полумеры в данном случае только продлят кризис и этим обострят его. Я глубоко уверен, что все изложенное подтвердят тебе все те из наших родственников, кто хоть немного знаком с настроением страны и общества. Боюсь, что эти настроения не так сильно ощущаются и сознаются у тебя в Ставке, что вполне понятно; большинство же приезжающих с докладами, оберегая свои личные интересы, не скажут резкую правду. Еще раз прости за откровенные слова; но я не могу отделаться от мысли, что всякое потрясение внутри России может отозваться катастрофой на войне. Вот почему, как мне ни тяжело, но любя так, как я тебя люблю, я все же решаюсь высказать тебе без утайки то, что меня волнует. Обнимаю тебя крепко, дорогой Ники, и желаю здоровья и сил. Сердечно любящий тебя *Миша*»²⁰².

По некоторым сведениям, проект письма великого князя составил барон Н.А. Врангель, а редактировать его помогал известный кадет В.А. Маклаков. По утверждению дневниковой записи Н.А. Врангеля: «Волконский настоял на смягчении в письме великого князя к Государю всех намеков об “уступках” большинству в Думе и пр., т. к. императрица, едущая завтра в Ставку, этим пугает Государя». Далее Врангель уточнял: «Между тем, ознакомленный с мнением Волконского великий князь очень желал писать Государю более решительно, но я его отговорил»²⁰³.

Следует подчеркнуть, что флирт светских и великокняжеских кругов с либералами казался противоестественным Николаю II и только делал бесперспективными их попытки повлиять на императора.

Уступить и пойти на встречу требованиям Государственной думы настаивали ряд великих князей, которые придерживались завета императора Александра II: «Лучше начать сверху, чтобы не началось снизу». Реформы, по мнению части «семейства», можно было совершить только через «ответственное министерство», представляющее интересы крупной буржуазии, уже давно контролирующей развитие экономики страны. Еще 28–29 октября 1916 г. при нахождении императора в Киеве с ним имели встречи великий князь Александр Михайлович и великая княгиня Мария Павловна (старшая), которые пытались убедить Николая II уступить требованиям Думы, а также удалить Распутина. Их поддержала вдовствующая императрица Мария Федоровна, постоянно там живущая. Переговоры успеха не имели. Мария Федоровна 29 октября записала в дневнике: «Всю первую половину дня Ники делал смотр кадетским училищам... Торжественный завтрак с Ники и его свитой. Проехались с ним и милым Алексисом по двум мостам, которые мальчика необычайно заинтересовали. Затем заехали к Ольге [Александровне], чтобы Ники смог попрощаться с нею. Она

собирается венчаться в пятницу, без посторонних, в маленькой церквушке, а затем отправиться в деревню! Не ведаю, что мне делать – присутствовать при этом или нет? Надеюсь, Господь ниспошлет мне верное решение. Дома пили чай. Пауль, Дмитрий [Константинович] и Михень от всей семьи преподнесли мне замечательную икону. За обедом был только Ники, беседовали обо всем понемножку. В 10 часов он уехал. Два таких счастливых дня остались позади»²⁰⁴.

Великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях отмечал о встречах с Николаем II в 1916 г. и передавал атмосферу, которая была при разговорах, в том числе в Ставке: «Когда я переменял тему разговора и затронул политическую жизнь в С.-Петербурге (так в воспоминаниях. – В.Х.), в его глазах появились недоверие и холодность. Этого выражения, за всю нашу сорокалетнюю службу, я еще у него никогда не видел... Беседа была натянутой... После завтрака я отправился к моему брату Сергею Михайловичу, бывшему генералинспектором артиллерии, и имел с ним беседу. По сравнению с Сергеем Михайловичем, брат мой Николай Михайлович был прямо оптимистом! Последний, по крайней мере, находил средства к борьбе в виде необходимых реформ. Настроение Сергея было прямо безнадежным»²⁰⁵.

1 ноября в Ставку (Могилев) к царю приезжал великий князь Николай Михайлович все с теми же уговорами. Император в этот день сделал пометку в дневнике: «После обеда у меня долго сидел Ник[олай] Мих[айлович]»²⁰⁶. В своем письме великий князь Николай Михайлович к Николаю II в начале ноября 1916 г. указывал:

«Ты часто выражал волю вести войну до победы. Но неужели же ты думаешь, что эта победа возможна при настоящем положении вещей?

Знаешь ли ты внутреннее положение империи? Говорят ли тебе правду? Открыли ли тебе, где находится корень зла?

Ты часто говорил мне, что тебя обманывают, что ты веришь лишь чувствам своей супруги. А между тем слова, которые она произносит, – результат ловких махинаций и не представляют истины. Если ты бессилён освободить ее от этих влияний, будь, по крайней мере, непрерывно настороже против интриганов, пользующихся ею как орудием.

Удали эти темные силы, и доверие твоего народа к тебе, уже наполовину утраченное, тотчас снова вернется.

Я долго не решался сказать тебе правду, но я на это решился с одобрения твоей матери и твоих двух сестер. Ты находишься накануне новых волнений. Я скажу больше: накануне покушения. Я говорю все это для спасения твоей жизни, твоего трона и твоей родины». (Это письмо впервые было опубликовано после Февральской революции в газетах «Русское слово» № 54 и «Речь» № 58 от 9 (22) марта 1917 г. – В.Х.)

Николай II, не выдержав общего штурма родни, отправил послание великого князя Николая Михайловича супруге для сведения: «Посылаю тебе письма Николая [Михайловича], которых он не отсылал мне, но привез с собой, – они дадут понятие, о чем мы говорили»²⁰⁷. Раздражение Александры Федоровны не имело пределов. Императрица 4 ноября в своем очередном письме к супругу с возмущением отмечала: «Большое тебе спасибо за твое дорогое письмо, только что мною полученное. Я прочла письмо Николая [Михайловича] и страшно возмущена им. Почему ты не остановил его среди разговора и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь, так как это уже граничит с государственной изменой? Он всегда ненавидел меня и дурно отзывался обо мне все эти 22 года, – и в клубе также (у меня был такой же самый разговор с ним в этом году), – но во время войны и в такой момент прятаться за спиной твоей мамы и сестер и не выступить смело (независимо от согласия или несогласия) на защиту жены своего императора, это – мерзость и предательство. Он чувствует, что со мной считаются,

что меня начинают понимать, что мое мнение принимается во внимание, и это невыносимо для него. Он – воплощение всего злого, все преданные люди ненавидят его, – даже те, кто не особенно к нам расположен, возмущаются им и его речами. – А Фред[ерикс] стар и никуда не годен, не сумел его остановить и задать ему головомойку, а ты, мой дорогой, слишком добр, снисходителен и мягок. Этот человек должен трепетать перед тобой; он и Николаша – величайшие мои враги в семье, если не считать черных женщин (великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, черногорские принцессы. – В.Х.) и Сергея [Михайловича]. . . Во вчерашней речи Милуков привел слова Бьюкенена о том, что Шт[юрмер] изменник, а Бьюк[енен] в ложе, к которому он обернулся, промолчал, – какая подлость! Мы переживаем сейчас самые тяжелые времена, но Бог все же поможет нам выйти из этого положения, я не страшусь. Пускай они кричат – мы должны показать, что мы не боимся и что мы тверды. Жenuшка – твоя опора, она каменной скалой стоит за тобой. . . Тяжко и грустно: так горячо борешься за правое дело, а вследствие этого, конечно, «злоумышленники» стараются все дело погубить. – Я чувствовала, что Николай [Михайлович] не к добру поехал в Ставку, – скверный он человек, внук еврея! . . . Прощай, радость жизни моей, мой единственный и мое все»²⁰⁸.

В этот же период великий князь Георгий Михайлович также в унисон родственникам отмечал в письме к императору: «Затем считаю долгом написать тебе, после длинных разговоров с доблестным и редко преданным тебе ген[ералом] Брусиловым, о тех прискорбных явлениях, которые мне пришлось уже замечать не только в тылу, но и здесь.

Положительно у всех заметно беспокойство за тыл, т. е. за внутреннее состояние в России. Прямо говорят, что если внутри России дела будут идти так, как теперь, то нам никогда не удастся окончить войну победоносно, а если это действительно не удастся, то тогда конец всему. Ненависть к Штюрмеру чрезвычайная.

Тогда я старался выяснить, а какие же меры могли бы излечить это состояние? На это могу ответить, что общий голос – удаление Штюрмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров.

Эта мера считается единственной, которая может предотвратить общую катастрофу. Если бы я это слышал от левых и разных либералов, то я не обратил бы на это никакого внимания. Но это мне говорили и здесь говорят люди, глубоко преданные тебе и желающие от всей души блага только тебе и России нераздельно; вот почему я решился написать это тебе.

Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здесь, в армии, то же, что я слышал всюду в тылу. Значит, это желание всеобщее, глас народа, глас Божий, и я уверен, что Господь тебе поможет пойти навстречу всеобщему желанию и предупредить надвигающуюся грозу из нутра России.

Прости, что я тебе так откровенно написал, но совесть моя заставила меня написать это именно из армии, ибо я услышал это из уст самых преданных тебе, глубоко порядочных и отважных людей, и писал я тебе это письмо, как верноподданный и горячо тебя любящий человек»²⁰⁹.

Позднее об этом письме Георгий Михайлович делился воспоминаниями с чиновником Могилянским:

«– Когда я в последний раз был в Ставке у Государя, я, по поручению ген. Брусилова, настойчиво просил Государя о том, чтобы образовано было министерство, приемлемое для Государственной думы, из всем известных и почтенных общественных деятелей. Я пошел дальше поручения Брусилова, я настойчиво рекомендовал дать министерство ответственное перед Государственной думой. Мало того, я передал Государю собственноручно написанную записочку в этом смысле.

– Как реагировал Государь на слова Вашего Высочества?

– Никак. Он хранил упорное молчание. Записку, не говоря ни слова, взял и... начал говорить о посторонних сюжетах. Я понял, что моя миссия окончилась абсолютной неудачей.

– Как Вы объясняете себе настроение Государя?

– Он целиком под влиянием императрицы. По-моему, он любит ее и не хочет ее огорчать, зная ее враждебное отношение к конституционному режиму вообще, а к Государственной думе в частности...»²¹⁰.

Совпало так, что после выступления П.Н. Милюкова через считанные дни Б.В. Штюрмеру пришлось уйти. Натиск Государственной думы, как отмечалось выше, был поддержан давлением великих князей. 9 ноября 1916 г. император Николай II отправил председателя правительства Б.В. Штюрмера в отставку. Вместо него был назначен из того же правого лагеря А.Ф. Трепов, который, между прочим, также недолго находился у государственного руля. Тем не менее это был первый случай в истории России, когда смена главы правительства произошла как бы по прямому требованию Думы. Это обстоятельство усилило впечатление от выступления и повысило авторитет Милюкова как политического и государственного деятеля. Вслед за этим 26 ноября Государственный Совет, а 30 ноября съезд объединенного дворянства присоединились к общему требованию устранить влияние «темных сил» и создать правительство, готовое опираться на большинство в обеих палатах. Все это вместе взятое было грозное коллективное предупреждение царскому режиму. В то же время деятели оппозиции постоянно подчеркивали, что ведут «борьбу с правительством во имя сохранения государственной идеи», т. е. борьбу с окружением монарха во имя монарха.

Позднее Н.А. Базили, находясь уже в эмиграции, брал интервью у одного из лидеров оппозиции А.И. Гучкова по поводу этого демарша Государственной думы:

«Б а з и л и. Я одного только не понимаю, ведь речи Милюкова были одним из крупных факторов в революционировании общественного мнения. Как он сам на это смотрел. Ведь если он боялся взрыва, то с этим не вяжется характер его речи.

Г у ч к о в. Он потряс основы, но не думал свалить их, а думал повлиять. Он думал, что это, прежде всего, потрясет мораль там, наверху, и там осознают, что необходима смена людей. Борьба шла не за режим, а за исполнительную власть. Я убежден, что какая-нибудь комбинация с Кривошеиным, Игнатьевым, Сазоновым вполне удовлетворила бы. Я мало участвовал в этих прениях, не возражал, а только сказал одну фразу, которая послужила исходной нитью для некоторых дальнейших шагов и событий: мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполняют революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции. Вот эта фраза, которая не означала призыва присоединиться к революции, а только указывала, что из этих двух возможностей, о которых мы говорили (возможность, так сказать, катастрофы власти под влиянием революционного напора [либо] призыва государственных элементов), я видел только вторую. Я был убежден, что, если свалится власть, улица и будет управлять, тогда произойдет провал власти, России, фронта.

Этих совещаний было два. Еще раз мы как-то собрались, а затем я был болен, лежал, и вдруг мне говорят, что приехал Некрасов, который никогда не бывал у меня. Приехал ко мне и говорит: из ваших слов о том, что призванным к делу создания власти может оказаться только тот, кто участвует в революции, мне показалось, что у нас есть особая мысль... Тогда я ему сказал, что действительно обдумал этот вопрос, что допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумаю вопрос о дворцовой революции – это единственное средство»²¹¹.

Генерал А.И. Деникин позднее определенно утверждал, что борьба «Прогрессивного блока» с царским правительством находила, «несомненно, сочувствие у Алексеева и командного состава». Речи В.В. Шульгина и П.Н. Милюкова 1 ноября 1916 г. в Государственной думе, свидетельствовал он, «читались и резко обсуждались в офицерских собраниях». Один «видный социалист и деятель городского союза» говорил генералу А.И. Деникину, что, побывав впервые в армии в 1916 г., он был поражен, «с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д., говорят о негодности правительства, о придворной грязи»²¹².

Весьма осведомленный и приближенный к императору генерал-майор свиты Д.Н. Дубенский несколько иначе передавал в своих дневниках и записках политическую атмосферу, которая царила в это время в Ставке и обеих столицах России:

«В конце ноября, по служебным делам, мне пришлось приехать из Ставки в Петроград. Государь оставался в Могилеве, и отъезд Его Величества в Царское Село предполагался в половине декабря.

Столица поразила меня после тихой, спокойной, деловой и серьезной жизни в Ставке. – Там и Государь, и Штаб, и все учреждения с утра до вечера работали и были заняты серьезными, неотложными делами, вызываемыми громадной войной. Почти все были чужды других интересов. Те слухи, которые доходили из столицы до Могилева, мало сравнительно интересовали занятых людей и только та или другая бойкая газетная статья, речь Пуришкевича в Государственной думе, какая-либо особо злобная и крупная сплетня о Царском Селе или о Распутине, заставляли толковать о Петроградских вестях более напряженно.

Здесь в Петрограде – наоборот, весь город жил не столько серьезной политикой, сколько пустыми слухами и пошлыми сплетнями. Появилась положительно мода ругать в обществе правительство и напряженно порицать Царское Село, передавая ряд заведомо лживых и несообразных известий о Государе и его семье. Газеты самые спокойные и более, так сказать, правые, подобно «Новому Времени», все-таки ежедневно стремились указывать на ту или иную, по их мнению, ошибку правительства. Государственная дума, руководимая «Прогрессивным блоком», с августа 1916 г., определенно вела открытую борьбу с правительством, требуя, как наименьшего, ответственного министерства.

Бывало, вернешься домой, повидеешь гвардейских офицеров, близких знакомых, разных общественных деятелей и лиц служебного мира, поговоришь с ними и невольно поразишься всем тем, что услышишь.

Точно какой-то шквал враждебной правительству агитации охватил наш Петроград и, как это ни странно, в особенности старались принять в ней участие наш высший круг и нередко и сами правящие сферы. Все вдруг стали знатоками высшей политики, все познали в себе способности давать указания, как вести великую империю в период величайшей войны. Почти никто не упоминал о трудах Государя, о стремлении его помочь народу вести борьбу с врагом успешно. Наоборот, все говорили о безответственном влиянии темных сил при Дворе, о Распутине, Вырубовой, Протопопове, о сношениях Царского Села даже с Германской императорской фамилией. Лично я стоял далеко от всего этого шума столичной жизни, так как, находясь в Ставке при Его Величестве, мало бывал в Петрограде во время войны.

После Нового года, на короткое время, я уехал в Москву. Там в Первопрестольной шли те же совершенно разговоры, как и в Петрограде.

Торгово-промышленный класс, имевший огромное влияние и значение в Первопрестольной, руководил общественным мнением. Фабриканты, заводчики, получая небывалые прибыли на свои предприятия во время войны, стремились играть и политическую роль в государстве. Их выражение: – «промышленность теперь все», не сходило с языков. Московская пресса – «Русское Слово» (Сытина) и «Утро России» (Рябушинских) – бойко вела агитацию против правительства и Царского Села»²¹³.

Стоит подчеркнуть, что в свою очередь императрица Александра Федоровна не очень жаловала Государственную думу. «И зачем Дума? – вопрошала она. – Неужели нельзя править без нее?»

В позиции императрицы в годы Первой мировой войны произошли заметные изменения. Как справедливо отмечал один из исследователей биографии Александры Федоровны: «Пока дела шли более или менее благополучно, у императрицы не было оснований для вмешательства в дела правления; она была поглощена семейной жизнью... Началась “осада властей” революционерами и общественностью. Положение ее державного супруга делалось все более трудным и сложным. Чувствовалась опасность для самой царской семьи, для династии. Могла ли императрица смотреть на это равнодушным взором? Ведь это становилось уже делом ее семьи, любимого мужа, обожаемого сына...».

Из дневников и писем царицы видно, что она стремилась в трудную минуту стать помощницей и опорой супругу. Вот строки из ее письма, написанного к Николаю II: «Если бы я только могла больше тебе помочь, я так усердно молюсь, чтобы Бог дал мне мудрость и разумение, чтобы быть тебе настоящей помощницей во всех отношениях...»

Переписка императорской четы составляет несколько сотен писем, значительная часть из них на английском языке. Она касается многих вопросов, в том числе повседневной жизни Романовых, и говорит о многом. Так, например, Александра Федоровна 12 ноября 1916 г. пишет Николаю II на фронт: «Трудно писать и просить за себя, уверяю тебя, но это делается ради тебя и Бэби, верь мне. Я равнодушна к тому, что обо мне говорят дурно, только ужасно несправедливо... Я всего лишь женщина, борющаяся за своего повелителя, за своего ребенка, за этих двух самых дорогих ей существ на земле, и Бог поможет мне быть твоим ангелом-хранителем...»²¹⁴.

Продолжаем цитировать письма императрицы. Со свойственной Александре Федоровне решительностью и темпераментом она принимает вызов оппозиции: «Но, уверяю тебя, хоть я и больна и у меня плохое сердце, все же у меня больше энергии, чем у них всех вместе взятых... Меня не любят, ибо чувствуют (левые партии), что я стою на страже интересов твоих, Беби и России. Да, я более русская, нежели многие иные, и не стану сидеть спокойно»²¹⁵. Императрица предостерегала своего супруга в ноябре 1916 г. об угрозе дворцового переворота: «Милый, остерегайся, чтобы Николаша не вырвал у тебя какого-нибудь обещания или чего-нибудь подобного... Прости, что пишу тебе это, но я чувствую, что так надо... Ради блага России помни, что они намеревались сделать – выгнать тебя (это не сплетня, – у Орл[ова] уже все бумаги были заготовлены), а меня заточить в монастырь. Ты не касайся этого в разговоре, так как все это миновало, но дай им почувствовать, что ты не забыл и что они должны тебя бояться. Они должны дрожать перед своим Государем, – будь более уверен в себе – Бог тебя поставил на это место (это не спесь), ты помазанник Божий, и они не смеют этого забывать. Они должны почувствовать твою власть – пора, ради спасения твоей родины и трона твоего сына»²¹⁶.

Непримиримость политических сил в России всё возрастала. Продолжалась вынужденная перестановка министров в правительстве. Еще в сентябре 1916 г. Николай II признавал пагубность этого явления: «От всех этих перемен голова идет кругом. По-моему, они происходят слишком часто. Во всяком случае, это не очень хорошо для внутреннего состояния страны»²¹⁷. Император пытался найти приемлемый компромисс, но это не удавалось, т. к. уступки принимались за слабость власти и тут же выдвигались новые требования.

В это время произошло событие, которое повлияло на осложнение политической ситуации в стране. А.Д. Протопопов, выдвигаемый как сторонник «Прогрессивного блока», неожиданно был назначен с согласия императора в Министерство внутренних дел. Однако это назначение резко изменило позиции самого Протопопова и превратило его в рьяного

сторонника самодержавия, чем он, по образному выражению председателя Государственной думы М.В. Родзянко, «вонзил нож в спину» думской оппозиции. Таким образом, появление Протопопова на политической сцене было проявлением не столько «темных сил», сколько порождением самой Думы, что и вызывало столь ожесточенную борьбу «Прогрессивного блока» за его смещение. Это поднимало против него особую ненависть бывших товарищей. «Маленький Протопопов – большое недоразумение»²¹⁸, – бросил в конце 1916 г. крылатую фразу А.И. Гучков. Но при этом «забыл», что в интервью с журналистами по поводу назначения Протопопова сам недавно заявлял: «У Протопопова хорошее общественное и политическое прошлое. Оно целая программа, которая обязывает»²¹⁹. Сказано достаточно определенно. Подлинная суть «большого недоразумения» с Протопоповым состояла в том, что породила Протопопова Дума, а именно та партия, которую возглавлял Гучков. По выражению российского историка А.Я. Авреха: «Унтер-офицерская вдова сама себя высекла – вот глубинная причина ненависти Думы и «общественности» к своему недавнему соратнику»²²⁰. В ход пошли интриги и последовали новые осложнения в важных государственных делах. Следует ради справедливости заметить, что часто сам А.Д. Протопопов своими опрометчивыми действиями давал повод к таким нападкам.

Николай II в нерешительности заколебался. В ноябре 1916 г. в одном из писем Александре Федоровне он сообщал о необходимости перемен в составе правительства: «Мне жаль Про[топопова] – хороший, честный человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения. Я это с самого начала заметил. Говорят, что несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни (когда он обращался к Бадмаеву). Рискованно оставлять в руках такого человека мин[истерство] внут[ренних] дел в такие времена! Старого Бобринского также надо сменить. Если мы найдем на его место умного и энергичного человека, тогда, надеюсь, продовольственный вопрос наладится и без изменений в существующей системе. Пока будут происходить эти перемены, Думу закроют дней на 8, иначе они стали бы говорить, что это делается под их давлением... Только, прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга. Ответственность несу я, и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе... Нежно целую вас всех. Навеки твой Ники»²²¹.

Вскоре последовал ответ Александры Федоровны, в котором подчеркивала: «Душка, помни, что дело не в Протоп[опове]... Это – вопрос о монархии и твоём престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а затем и нас самих. Вспомни, как в прошлом году ты уезжал в армию, – ты тогда тоже был один с нами двумя против всех, которые предсказывали революцию в том случае, если ты поедешь. Ты пошел против всех, и Бог благословил твоё решение. Снова повторяю, что тут дело не в Прот[опове], а в том, чтоб ты был тверд и не уступал – “Царь правит, а не Дума”. Прости, что снова пишу об этом, но я боюсь за твоё царствование и за будущее Бэби»²²².

Николай II предпринимал попытки найти выход из изоляции и политического тупика. В ноябре 1916 г. в Ставку был экстренно вызван военно-морской министр адмирал И.К. Григорович (пользовавшийся доверием Думы). По свидетельству самого Григоровича, из предварительного разговора с начальником штаба Ставки генералом М.В. Алексеевым у него сложилось впечатление, что ему предложат возглавить правительство. Кстати заметим, что среди архивных документов Николая II сохранились несколько вариантов состава «министерства доверия» с участием представителей «Прогрессивного блока». Однако император после переговоров с супругой переменял свое намерение. Назначение Григоровича на новый ответственный пост не состоялось. Главой правительства был назначен А.Ф. Трепов.

За политическими событиями в России пристально и настороженно следили многие иностранные дипломаты. Так, например, французский посол в Петрограде Морис Палеолог в своем дневнике за 11/24 ноября 1916 г. с нескрываемой тревогой записал:

«Отставка Штюмерера официально объявлена сегодня утром. Трепов заменяет его на посту председателя Совета министров; новый министр иностранных дел еще не назначен. С точки зрения военной, которая должна преобладать над всякими другими соображениями, назначение Трепова доставляет мне большое облегчение. Во-первых, заслуга Трепова в том, что он не терпит Германии. Его пребывание во главе правительства, значит, гарантирует нам, что союз будет лояльно соблюдаться и что германские интриги не будут больше так свободно развиваться. Кроме того, он – человек энергичный, умный и методичный; его влияние на различные ведомства может быть только превосходным.

Другая новость: генерал Алексеев получил отпуск. Временно исполнять его обязанности будет генерал Василий Гурко, сын фельдмаршала, бывшего героя перехода через Балканы.

Отставка генерала Алексеева мотивирована состоянием его здоровья. Правда, генерал страдает внутренней болезнью, которая заставит его в ближайшем будущем подвергнуться операции; но есть, кроме того, и политический мотив: император решил, что его начальник Главного штаба слишком открыто выступал против Штюмерера и Протопопова.

Вернется ли генерал Алексеев в Ставку? Не знаю. Если его уход является окончательным, я охотно примирюсь с этим. Правда, он всем внушает уважение своим патриотизмом, своей энергией, своей щепетильной честностью, своей редкой работоспособностью. К несчастью, ему недоставало других, не менее необходимых качеств: я имею в виду широту взгляда, более высокое понимание значения союза, полное и синтетическое представление о всех театрах военных операций. Он замкнулся исключительно в функции начальника Генерального штаба высшего командования русских войск. По правде сказать, миссию, высокую важность которой недостаточно понял генерал Алексеев, должен был бы взять на себя император; но император понимал это еще меньше, в особенности с того дня, как единственным истолкователем союза при нем сделался Штюмерер.

Генерал Гурко, заменивший ген. Алексеева, – деятельный, блестящий, гибкий ум; но он, говорят, легкомыслен и лишен авторитета»²²³.

Правых взглядов А.Ф. Трепов, назначенный во главе правительства, оказался очередной промежуточной временной фигурой. В одном из писем императрицы Александры Федоровны к супругу, в Ставку от 14 декабря 1916 г. мы читаем: «Трепов ведет себя теперь, как изменник, и лукав, как кошка, – не верь ему, он сговаривается во всем с Родзянко, это слишком хорошо известно»²²⁴. Дни А.Ф. Трепова как премьер-министра были сочтены. Так был упущен еще один шанс, добиться приемлемого компромисса и выйти из политического кризиса.

Царя буквально обложили со всех сторон требованиями уступок оппозиции и проведения буржуазных реформ. В этом преуспевали не только Государственная дума, Прогрессивный блок. Так, 25 декабря 1916 г. великий князь Александр Михайлович начал писать свое нескончаемое письмо Николаю II, в котором указывал: «Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством?.. Какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, и Россию к неминуемой гибели. Я говорю – тебя и Россию – вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия, не может; это надо раз навсегда себе усвоить, и, следовательно, существование министерства с одной головой и палат совершенно необходимо; я говорю – палат, потому что существующие механизмы далеко не совершенны и не ответственны, а они должны быть таковыми и нести перед народом всю тяжесть ответственности; немыслимо существующее положение, когда вся ответ-

ственность лежит на тебе, и на тебе одном... Как председатель, так и все министры должны быть выбраны из числа лиц, пользующихся доверием страны... Состоявшиеся... назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение «чем хуже, тем лучше» составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип...

Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, что она жаждет, т. е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем сил народных, а следовательно, и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые подлаживаются под что-то непонятное».

Спустя некоторое время, 25 января 1917 г., Александр Михайлович, собравшись с духом, продолжил свое послание: «События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, тобой и Россией.

Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом... Такое положение продолжаться не может...

В заключение скажу, что, как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище: революции сверху, а не снизу. Твой верный Сандро»²²⁵.

Письмо было дописано только 4 февраля 1917 г. и, казалось, не произвело особого впечатления на Николая II, но настойчивые предостережения и требования окружения, несомненно, подготавливали его к необходимости перемен.

Доклады Охранного отделения были в унисон общественному мнению и предупреждали об опасности надвигавшихся голодных бунтов: «Озлобление растет, – констатирует охранка 5 февраля 1917 г., – и конца его росту не видать. А что стихийные выступления народных масс явятся первым и последним этапом по пути к началу бессмысленных и беспощадных эксцессов самой ужасной из всех анархической революции, сомневаться не приходится».

Среди некоторой части приближенных к императору преобладали фатализм и вера в судьбу, а поэтому и пассивное отношение к событиям. «Морской волк», друг Николая II адмирал К.Д. Ниллов в присущей ему простоватой манере твердил: “Будет революция, нас всех повесят, а на каком фонаре – это все равно”. Несмотря на нараставший размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны.

Накануне Февральской революции, несмотря на кажущийся многим поворот к самодержавию, все же твердой власти не было. Были лишь небольшие штрихи и попытки к ее проявлению. Дума не была распущена до конца войны, как было сделано с подобными органами в ряде стран воюющей Европы. Назначение премьер-министра с диктаторскими полномочиями (что предлагал генерал М.В. Алексеев), отвечающего за стабильность положения внутри страны и подчинение экономики нуждам войны, так и не состоялось. Хотя подобная мера была широко использована во время Первой мировой войны во Франции.

Революция витала в воздухе. Такое предчувствие было у многих. Зрели многочисленные заговоры, о чем часто говорили открыто. Необходимы были решительные и скорые действия.

Глава III

На путях к дворцовому перевороту

Во все усложняющейся обстановке Первой мировой войны, возрастающем революционном движении, непрекращающейся министерской чехарде многие видели кризис власти и неспособность Николая II справиться с ситуацией. Вызревали многочисленные варианты дворцового переворота.

Французский посол в России Морис Палеолог в дневниковой записи от 13 августа 1915 г. излагал (со слов бывшего гвардейского офицера) один из таких вариантов. Суть его состояла в том, что императора Николая II оставить на троне как своего рода декорацию, а императрицу Александру Федоровну и ее сестру, московскую игуменью Елизавету Федоровну, сослать в монастырь Приуралья; «распутинскую клику» запрятать еще дальше, в «глубь Сибири»²²⁶.

Строились и более радикальные планы, даже после убийства «святого» и «всемогущего» Григория Распутина. 5 января 1917 г. на банкете у миллионера Богданова фабрикант Путилов прямо предложил, обращаясь к князю императорской крови Гавриилу Константиновичу, собрать нечто вроде «земского собора» (всю царскую фамилию, лидеров партийных фракций в Государственной думе, представителей дворянства, командующих армиями и т. п.), «торжественно объявить императора слабоумным, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и объявить царем наследника под регентством одного из великих князей»²²⁷.

Таким настроениям в немалой степени способствовали поджигательские речи, звучащие с трибуны Государственной думы. Атака велась систематически и продуманно, под флагом критики и строгой законности, и лидеры оппозиции твердили, что они все делают для пользы России, для освобождения народа от ига «темных сил» и что поэтому они не против царя как такового; что они настоящие «монархисты» и являются не «оппозицией Его Величеству», а «оппозицией Его Величества»...

Другими словами, что они против окружающих царя неверных слуг, для пользы же самого царя.

В то же время, 1 ноября 1916 г., как мы уже отмечали выше, один из лидеров «Прогрессивного блока» П.Н. Милюков произносит в Государственной думе речь, в которой прозрачно обвиняет царицу в измене. Впоследствии многие называли эту речь штурмовым сигналом революции!

Опытной рукой направляются слухи о дворцовом перевороте, о предстоящей неизбежной революции, о попытках подготовки сепаратного мира с немцами и т. п.

Ползет клевета. Царь женат на немке, которой Германия конечно ближе, чем Россия! Царица – изменница России!

А за первой клеветой другая.

Царица неверная царю жена! Наследник? Да разве вы не знаете, что он не сын царя Николая? Наследник ведь сын генерала Орлова. А о Гришке Распутине слышали?

Под видом все дозволенной критики «святого старца» на страницах газет на самом деле чернили царскую семью. Так велась кампания по подготовке общественного мнения для предстоящих переворотов в государстве и царском дворце.

Член Государственной думы, монархист В.В. Шульгин признавал: «Раздражение России... действительно удалось направить в отдушину, именуемую Государственной думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию слова в пламенные речи и в искусные звонко звенящие «переходы» к очередным делам». Удалось подменить «революцию»,

т. е. кровь и разрушение – «резолуцией», т. е. словесным выговором правительству... Но... В минуту сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задававшихся целью потушить революцию, мы невольно становились ее поджигателями»²²⁸.

Всякое слово обличения царского правительства и «темных сил» в такой обстановке моментально подхватывалось многоголосым эхом оппозиции, а всякое слово увещания правительства все больше гложло, как «глас вопиющего в пустыне». Николай II понимал, что в таких условиях каждая уступка правительства побуждает оппозицию к выставлению все новых и новых требований.

Определенные круги оппозиции отдавали себе отчет, что с Николаем II договориться трудно, а с Александрой Федоровной просто невозможно, поэтому необходим переворот с выдвиганием на трон более покладистого монарха. Конечно, без помощи военных в таком деле не обойтись, кроме того, необходима была поддержка дипломатов. Если в армии существовала определенная оппозиция влиянию царицы на государственные и военные дела, то дипломатов Антанты стали запугивать перспективой заключения «распутинской кликой» сепаратного мира. Утверждалось даже, что экономический кризис в стране царское правительство создает искусственно, чтобы иметь повод вскоре предательски завершить войну за спиной союзников.

Николай II, чтобы покончить с подлыми слухами об якобы предпринимаемых царским правительством попытках заключения сепаратного мира с немцами, отдает распоряжение генералу В.И. Гурко: подготовить проект приказа. Вскоре 12 декабря 1916 г. император обращается к армии и флоту и подписывает приказ, который приведем полностью:

«Среди глубокого мира более двух лет тому назад Германия, втайне издавна готовившаяся к порабощению всех народов Европы, внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию, что вынудило Англию присоединиться к нам и принять участие в борьбе. Проявленное Германией полное пренебрежение к основам международного права, выразившееся в нарушении нейтралитета Бельгии, и безжалостная жестокость германцев в отношении мирного населения в захваченных ими областях понемногу объединили против Германии и ее союзницы Австрии все великие Державы Европы.

Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждена была в первый год войны уступить врагу часть своих пределов. Но эта временная неудача не сломила духа ни наших верных союзников, ни в нас, доблестные войска Мои. А тем временем путем напряжения всех сил государства разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще с осени минувшего 1915 года, враг наш уже не мог овладеть ни единой пядью русской земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне. Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости.

И вот, подобно тому, как во время превосходства в своих боевых силах над силами своих соседей, Германия внезапно объявила им войну, так теперь, чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире.

Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения степени ее слабости, до окончательной потери ее боеспособности. При этом она стремится для создания ложного представления о крепости ее армии использовать свой временный успех над Румынией, не успевшей еще приобрести боевого опыта в современном ведении войны. Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзницы,

среди коих теперь находятся могущественнейшая Англия и благородная Италия, в свою очередь, имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они сочтут для себя благоприятным.

Время это еще не наступило. Враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войною задач, – обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ее ныне разрозненных областей, – еще не обеспечено. Заключить ныне мир – значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские русские войска и флот, труды эти, а тем более священная память погибших на полях доблестных сынов России не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить.

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных Моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда, окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердой уверенности, что самую силою вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору.

Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный ваших героических подвигов, славные войска Мои, – мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память.

На подлинном Собственной Его Императорского Величества рукой написано:

«НИКОЛАЙ»²²⁹.

Однако слухи о подготовке сепаратного мира продолжали эксплуатироваться оппозицией вплоть до начала Февральской революции.

Члены английской миссии в России лорда Мильнера не раз слышали откровенные разговоры о возможном убийстве царя и царицы, а сэр Джордж Клерк писал: «Каждому из нас приходится слышать о неизбежности самых серьезных событий, вопрос только о том, кто должен быть устранен: император, императрица, Протопопов или все трое».

Сама идея дворцового переворота ее организаторами преподносилась как бы «против революционной прививкой».

Такая тактика приносит свои плоды. Так, в дневнике великого князя Андрея Владимировича от 11 сентября 1915 г. читаем: «Удивительно, как непопулярна бедная Аликс. Можно, безусловно, утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатии к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует. Единственно, в чем ее можно упрекнуть, – это, что она не сумела быть популярной»²³⁰. Далее в дневнике имеются и такие строки: «По мнению графа Ад. Замойского, после войны, безусловно, будет революция, которая отберет все земли у помещиков. Во главе этого аграрного движения станет Даниловчерный, а потому и надо быть с ним в хороших отношениях... Мысли, безусловно, дикие. Но я прибавляю – и вредные»²³¹.

Насколько глубоко мысль о предательстве запала в среду военных, говорят строки из дневника генерала В.И. Селивачева, которые публиковались в советской печати:

«Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из Царскосельского дворца от Государыни шел кабель для разговора с Берлином, по которому Вильгельм узнавал все наши тайны. Страшно подумать о том, что это может быть правда – ведь какими жертвами платит народ за подобное предательство!»

Со своей стороны отметим, этот слух имел такое широкое распространение, что даже после Февральской революции следователи Чрезвычайной Следственной Комиссии (ЧСК) Временного правительства выясняли его достоверность. Материалы ЧСК показали, что ничего подобного на самом деле не было. В частности, в протоколе допроса Б.В. Штюрмера (бывшего премьер-министра) от 31 марта 1917 г. на вопрос следователя об отношении Александры Федоровны к Германии и находила ли она нужным скорейшее заключение мира, тот ответил: «Если кто-нибудь это утверждает, то я говорю – никогда ничего подобного не было. Это было такое презрение к Вильгельму, какое я редко от кого слышал, именно скажу презрение, иного ничего не было».

Обвинения царя и царицы в склонности к сепаратному миру было лишь оружием оппозиции для подготовки их свержения. Известно, что Николай II до конца оставался верен союзническим обязательствам. Когда в конце 1915 г. граф Эйленбург пытался начать мирные переговоры, царь их отверг, то же самое повторилось, когда весной 1916 г. попытался это сделать великий князь Гессенский (брат царицы)²³².

Насколько сильным оружием в руках оппозиции оказалась клевета, говорит выступление после революции В.В. Плеханова на Всероссийском совещании Советов, где он упомянул, что «царь не хотел защищать Россию», что «царь и его приспешники на каждом шагу изменяли ей».

Подобные взгляды на роль Николая II в русской истории на долгие годы в нашей стране стали стереотипными.

Однако вернемся к последовательности событий. В такой обстановке напряженности, предшествующей революционным событиям 1917 г. в России, заговорщикам было не очень сложно найти опору для осуществления своих преступных замыслов. В архивных документах имеются свидетельства о нескольких таких мятежных очагах.

Например, в показаниях известного революционера В.Л. Бурцева, данных ЧСК 1 апреля 1917 г., он, сообщая о контактах с полицией, указал на жандармского генерала А.В. Герасимова: «... Он (Герасимов. – В.Х.), не будучи в заговоре, был, однако, посвящен в планы дворцовых переворотов и не в целях шпионажа, а в качестве человека сочувствующего... Вы, конечно, знаете, что в декабре – январе ждали в Кронштадте дворцового переворота. Он был в это посвящен. Нельзя было обойтись без цареубийства, и он был за цареубийство, как и я...».

Говоря о системе полицейского сыска и провокаций, Бурцев отмечал: «В печати я не раз говорил, что система провокации в деле Азефа была доведена до того, что царь лишь случайно не был убит, что убийца стоял около него ближе, чем Богров к Столыпину. Ко мне всегда приставали все, – разьяснить, в чем дело. Но так как я был связан честным словом, то я никогда не раскрывал тайны. На самом деле система этой провокации, во времена Герасимова, довела до того, что царь едва не был убит. Мне Азеф говорил с упреком: “Если бы не вы, так царь был бы убит. Не сейчас, так потом, – я его хотел убить...”. Если бы я не стал разоблачать Азефа, он сам говорил, что, идя тем путем, на котором он стоял, он мог сделать цареубийство».

Как мы видим, спектр вариантов переворота был очень обширен: от бескровного устранения монарха от дел или высылки его за границу до «тени Павла I» руками заговорщиков или просто террористического акта со стороны революционеров.

Заметим, что у последних был накоплен достаточный опыт по систематическому истреблению наиболее верных приверженцев трона. Известно, что от выстрелов и бомб террористов погибают: великий князь Сергей Александрович (супруг великой княгини Елизаветы Федоровны); царские министры: Плеве, Сипягин, Боголепов и Столыпин; генерал-губернаторы и губернаторы: граф Игнатъев, Слепцов, Старынкевич, Александровский, Хвостов, главный военный прокурор Павлов, петербургский градоначальник фон Дер-Лау-

ниц, генералы и адмиралы: Чухлин, Мин, Алиханов и многие другие. Изданная в 1907 г. «Книга Русской Скорби», в 14 томах, памятник жертвам революционного террора, содержит сведения от царских министров и губернаторов до урядников, священников и учителей. Что это?! Борьба за свободу или начало разрушения государства Российского?!

Этому валу разрушительной силы не был поставлен надежный заслон, как во времена императора Александра III. Многие царские министры служили интересам государства с опаской за свою жизнь и оглядкой на оппозицию, как бы чего не вышло. В то же время многие из них считали себя патриотами и верными сынами Отечества. Своеобразный «шкурнический интерес» таких карьеристов довольно верно подметил писатель Василий Иванович Немирович-Данченко: «Ведь и в верхах любили Россию, но странною любовью. Они любили Россию под собою, а не рядом. Им казалось, что замени их – и Отечество погибло. Ведь и Горемыкин и Штюрмер думали не иначе. Они отождествляли судьбу России со своими собственными, хотя они давно врозь. И когда, в какое время... Вот уж, именно, время великое, а люди малые и не только малые, но и недобросовестные...».

Многие «столпы Отечества» не отдавали себя отчета в критичности политической ситуации в стране, больше ища оправданий своим поступкам и действиям, чем служа интересам державы. Так, старый дипломат Е.Н. Шелькин передавал свой разговор с И.Л. Горемыкиным: «“Вы видите этот пепел, – говорил он мне, указывая на свою сигару. – Мне стоит дунуть, и он разлетится. То же представляет и пресловутая революция”. – “Однако же вы не дунули?” – спросил я его. Горемыкин, в то время уже не занимавший места председателя Совета Министров, нахмурился. “Я не раз хотел дунуть, – сказал он, – но Государь не хотел идти со мною до конца”».

Заговорщики понимали, что Николай II неуязвим среди армии, пока высшее командование остается верным присяге. Поэтому они направили все усилия, чтобы заручиться поддержкой хотя бы некоторых генералов. Однако в правящих государственных верхах считали, что они надежно контролировали ситуацию в стране. Многие считали, что в условиях военного времени широкого революционного выступления в армии невозможно. Однако не отрицалась возможность отдельных небольших заговоров. В секретных заседаниях Совета Министров 4 августа 1915 г. министр юстиции А.А. Хвостов уже говорил о поддержке А.И. Гучкова левыми кругами ввиду того, что «его считают, в случае чего, способным встать во главе батальона и отправиться в Царское Село».

В воспоминаниях А.Ф. Керенского также имеется свидетельство, что «в последнюю зиму монархии генерал Крымов, вместе с Гучковым и Терещенко, готовил дворцовый переворот».

Известно, что А.И. Гучков (основатель и лидер партии октябристов) из сторонников Николая II в годы русской революции (1905–1907 гг.) перешел позднее в наиболее непримиримую оппозицию. Недаром его имя часто упоминалось в письмах императрицы Александры Федоровны, которая еще в сентябре 1915 г. отмечала: «Все знают, что Гучков работает против нашей династии» или «Ах, если б только можно было повесить Гучкова»²³³. В частности, она в письме к Николаю II от 20 сентября 1916 г. с тревогой предупреждала: «...Пожалуйста, душа моя, не давай доброму Алексееву начать играть роль с Гучковым. Родзянко и тот теперь образуют одно и стараются обойти Алексеева, притворяясь будто никто, кроме них, не может работать. Он должен заниматься исключительно войною, – остальные отвечают за то, что происходит в тылу...»²³⁴. На следующий день, т. е. 21 сентября 1916 г. еще одно письмо с ее предостережением: «...Нужно вырвать Алексеева у Гучкова с его скверным влиянием... Родзянко, Гучков, Поливанов и компания интригуют гораздо больше, чем это наружу видно (я чувствую), для того, чтобы вырвать разные вопросы из рук министров»²³⁵.

О «подрывной деятельности» А.И. Гучкова знали силовые органы царского правительства. Так, например, жандармский генерал А.И. Спиридович характеризовал ситуацию: «В борьбе с правительством весомую роль сыграл Гучков, который вел опасную, конспиративную работу по организации заговора против Государя среди высшего состава армии. В этом деле ему помогал Терещенко. Он с Коноваловым прикрывал революционную работу рабочей группы Военно-промышленного комитета. Рабочие не верили, конечно, ни Гучкову, ни Коновалову, но, признавая их пользу в подготовке революции, шли с ними рука об руку. В данный момент Гучков широко распространял свое письмо к генералу Алексееву, в котором он выступал против отдельных членов правительства. В нем он распространял такие тайны правительства военного времени, за оглашение которых любой военный следователь мог привлечь его к ответственности за государственную измену. И только за распространение этого письма он, Гучков, мог бы быть повешен по всем статьям закона куда более заслуженно, чем подведенный им под виселицу несчастный Мясоедов.

Штюрмер доложил Государю о происках Гучкова и о письме Гучкова к Алексееву.

Государь допросил Алексеева. Тот ответил, что он не переписывается с Гучковым. Этим дело и закончилось. Слабость правительства и генерал Алексейев спасли тогда Гучкова. Верил ли Государь в его революционную деятельность – трудно сказать. Но царица правильно оценила весь приносимый им вред и правильно считала, что его надо арестовать и привлечь к ответственности»²³⁶.

Со своей стороны заметим, что письмо А.И. Гучкова к генералу М.В. Алексееву от 15 августа 1916 г. было впервые опубликовано еще в советские времена. Оно содержало ряд секретных сведений о поставках вооружений и т. п. Вместе с тем в нем Гучков резко критиковал царское правительство: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню. Ведь как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью... Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом. Наши способы борьбы обоюдоостры и при повышенном настроении народных масс, особенно рабочих масс, могут послужить первой искрой пожара, размеры которого никто не может ни предвидеть, ни локализовать. Я уже не говорю, что нас ждет после войны. Надвигается потоп, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик»²³⁷.

Скандалы, возникающие вокруг А.И. Гучкова, только добавляли его имени авторитет ярого оппозиционера. 14 декабря 1916 г. царица в письме к мужу указывала: «Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у Самарина (он подписал эту московскую бумагу). Милюкова, Гучкова и Поливанова – тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Я только женщина, но душа и мозг говорят мне, что это было бы спасением России – они грешат гораздо больше, чем это когда-либо делали Сухомлиновы. Запрети Брусилову и пр., когда они явятся, касаться каких бы то ни было политических вопросов...»²³⁸.

Планы заговорщиков вначале были очень туманными. Все разговоры вращались вокруг «ответственного министерства», согласие на которое необходимо было добиться у царя. Чтобы этого удалось достигнуть, решено было удалить Александру Федоровну в Крым (были и другие предложения), если даже пришлось бы применить силу.

В течение лета и осени 1916 г. в Ставке шли многочисленные тайные переговоры и совещания, в которых заговорщиками даже поднимался вопрос о низложении императора. В конце 1916 г. разговоры о военном заговоре звучали не только в Ставке (в Могилеве),

но и в столичных аристократических и политических салонах. В декабре великая княгиня Елизавета Федоровна, встревоженная подобными слухами, посылает своего приближенного фон В.В. Мекка предупредить царицу о готовящемся предательстве.

В курсе подготовки заговора был и начальник штаба Верховного главнокомандования в Могилеве генерал М.В. Алексеев. Он, имея негласные контакты и переговоры с представителями заговорщиков, одновременно готовил проект военной диктатуры, который 15 июня 1916 г. представил на рассмотрение императору Николаю II. Однако когда император, в конце концов, отверг этот проект, Алексеев стал склоняться к военному заговору «во имя спасения России».

Смысл плана заговора сводился к тому, чтобы во время одной из многочисленных поездок Николая II на фронт или в столицу захватить его поезд и вынудить отречься в пользу цесаревича Алексея при регентстве одного из великих князей. Затем в духе дворцовых переворотов XVIII века намечалось арестовать и сменить правительство.

Казалось, все было готово. Имеется свидетельство, что генерал М.В. Алексеев при обсуждении срока переворота сказал: «Так передайте князю Львову в спешном порядке, что для дела, о котором мы с ним говорили, я назначил день: 30 октября»²³⁹. Однако через некоторое время он сказался больным и вскоре уехал на лечение в Крым, сдав временно должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко. Болезнь М.В. Алексеева, можно предположить, была настоящая, а не «дипломатическая» или «медвежья», т. к. по возвращении в Ставку 23 февраля 1917 г. он чувствовал себя еще не совсем здоровым.

Любопытен и другой эпизод. Когда заговорщики посетили генерала Алексеева во время его пребывания в Крыму, он (по свидетельствам очевидцев) заявил: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду»²⁴⁰.

Факт посещения генерала М.В. Алексеева в Севастополе представителями «некоторых думских и общественных кругов» подтверждает в своих исследованиях и генерал А.И. Деникин. Приведем его версию событий:

«В Севастополе к больному Алексееву приехали представители думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость, как бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, “и так не слишком прочно держится”, просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял меня впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а всё дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее некоторые обстоятельства стали известны... предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»²⁴¹.

Февральские и мартовские события 1917 г. показали истинные позиции генерала М.В. Алексеева, который не оставил своих соучастников по общему «делу» без своеобразной координирующей поддержки.

Заметим, что «охранка» тоже не дремала, отрабатывая свой хлеб. В «совершенно секретном» докладе жандармского генерала К.И. Глобачева от 26 января 1917 г. сообщалось о «действующей пока законспирировано» группе, состоящей из А.И. Гучкова, князя Г.Е. Львова, С.Н. Третьякова, А.И. Коновалова, М.М. Федорова и некоторых других. В докладе подчеркивалось, что «вся надежда этой группы – неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего-навсего одной-двумя сочувствующими частями».

Слухи о военном заговоре беспокоили французского посла М. Палеолога. В своем дневнике он анализировал ситуацию: «Император Николай, конечно, останется верен союзу с нами, в этом я нисколько не сомневаюсь. Но ведь он не бессмертен. Сколько русских, и особенно в самой близкой к нему среде, втайне желают его исчезновения. Что может произойти при смене царя? На этот счет у меня нет иллюзий: Россия тогда немедленно откажется от участия в войне»²⁴².

Фактический отказ генерала М.В. Алексеева активно участвовать в военном заговоре затормозил его выполнение. В следственных материалах ЧСК Временного правительства имеются показания А.И. Гучкова, в которых он говорит о своей роли в заговоре: «...Я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры... Провести это было трудно технически... план заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой Императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство... Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны ж. д. пути, а это было трудно»²⁴³.

Технику исполнения плана дворцового переворота Гучков представлял так: «Предполагалось уговорить царя (что и было сделано. – В.Х.) поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить царя из Ставки и при помощи кавалергардов совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства».

Из следственных материалов ЧСК можно понять, что А.И. Гучков имел непосредственные связи через генерала А.М. Крымова с Румынским и, очевидно, через генерала Н.В. Рузского с Северным фронтами, а также имел свидания с некоторыми великими князьями. Некоторые из участников событий указывают на сочувствие заговору генерала А.А. Брусилова, который заявлял: «Если придется выбирать между царем и Россией, я пойду за Россией»²⁴⁴.

Однако, по признанию А.И. Гучкова, трудности были не только технические: «У многих были известные принципы, верования и симпатии, для многих это представляло трагедию..., требовалась с нашей стороны известная осторожность»²⁴⁵.

Некоторые участники заговора позднее в своих воспоминаниях пытались устраниться от этих событий и снять с себя, в какой-то мере, ответственность за все последовавшие катастрофические события в России. Так, например, генерал А.А. Брусилов писал:

«Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии – Николая Николаевича, но все это были темные слухи, не имевшие ничего достоверного. Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексею, который якобы согласился арестовать Николая II и

Александр Фёдоровну; зная свойства характера Алексея, я был убежден, что он это не выполнит»²⁴⁶.

В воспоминаниях А.И. Верховского, наоборот, выпячивается роль заговорщиков, приводятся дополнительные любопытные факты и откровения того же Гучкова в узком кругу единомышленников: «На 1 марта был назначен внутренний дворцовый переворот. Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено»²⁴⁷.

Заговорщики наметили гарнизон села Медыха и стали искать подходы к его офицерам. В начале января 1917 г. в Петроград приезжал командир одной из кавалерийских дивизий на Румынском фронте генерал А.М. Крымов, который приглашался на разные совещания верхи буржуазной оппозиции. В заговор были вовлечены генерал А.А. Маниковский, ответственный сотрудник Военного министерства, князь Д.Л. Вяземский, аристократ с большими связями среди высшего офицерства, и некоторые другие. Многие участники заговора, по свидетельствам С.П. Мельгунова, В.В. Шульгина и др., являлись членами масонских лож.

Князь Д.Л. Вяземский и М.И. Терещенко отправились на фронт, стремясь посетить воинские части охраны железной дороги между Петроградом и Могилевом. Заговорщики не сомневались в успехе своего дела. Однако обстоятельства не благоприятствовали им. На этот раз почувствовал себя плохо главный вдохновитель всего дела А.И. Гучков, который 13 октября 1916 г. выехал лечиться в Кисловодск. Хотя дело и без него продолжало двигаться, но медленно. Вернулся он в столицу только 20 декабря. А за три дня до этого был убит Г.Е. Распутин, что привело к ужесточению репрессий, общему ухудшению обстановки. Неожиданным и самым главным явилось то, что император Николай II спешно вернулся в столицу по срочному вызову своей супруги. Неделя шла за неделей, а император все продолжал оставаться в Царском Селе. В связи с этими обстоятельствами Гучков стал поговаривать, что «дело» придется отложить до Пасхи, т. е. до 2–3 апреля 1917 г.

Любопытное подтверждение этому имеется у английского посла Бьюкенена: «Один мой русский приятель, который стал потом членом Временного правительства, сообщил мне через полковника Тарнгидля, нашего помощника военного атташе, что революция произойдет перед Пасхой, но что мне нечего беспокоиться, так как она продолжится всего две недели»²⁴⁸.

По признанию самого А.И. Гучкова, о стадии подготовки к осуществлению военного заговора можно было судить следующим образом: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления...»

На самом деле, по нашему мнению, картина «военного заговора» вырисовывается недостаточно убедительной на деле, для реального планируемого переворота. Военные устами генерала А.М. Крымова говорят думской оппозиции: если вы решитесь, мы вас поддержим... А те, в свою очередь, подталкивают военных: если вы сумеете заставить царя отречься, то мы это используем на благо России. Все надеялись, что кто-то начнет первым и только «зондировали» позиции друг друга, опасаясь брать инициативу на себя. В то же время морально все были готовы к предстоящим событиям и каждый способствовал осуществлению плана переворота.

Вызывает удивление, что генерал А.М. Крымов в дни Февральской революции оказался в тени и не принимал активного участия. Тому есть свои причины.

Стоит отметить, что союзники по Антанте опасались заключения Россией сепаратного мира с Германией. Они желали содействовать урегулированию отношений между царским правительством с деятелями «Прогрессивного блока» и Государственной думой в целях более успешного ведения военных действий на фронте. Монархисты обвиняли английского

посла Д. Бьюкенена в том, что он подготовил русскую революцию, что под его влиянием думские лидеры пошли на обострение ситуации в борьбе с царским режимом. Французский посол в России М. Палеолог 28 декабря 1916 г. (по новому стилю) записал в дневнике: «Вот уже несколько раз меня спрашивают о сношениях Бьюкенена с либеральными партиями и даже серьезнейшим тоном спрашивают меня, не работает ли он тайно в пользу революции. Я каждый раз всеми силами протестую»²⁴⁹. Между прочим, Бьюкенену бросали такие же обвинения по его возвращению на родину. Ему приходилось постоянно оправдываться. Даже его дочь Мириэль вынуждена была его защищать. В своей книге она позднее писала: «Английское посольство являлось тем единственным домом в русской столице, в котором планы дворцовой революции не подвергались обсуждению... Верность его Государю стояла выше всяких подозрений»²⁵⁰.

Однако имеются и другие свидетельства. Жандармский генерал А.И. Спиридович позднее писал в воспоминаниях о событиях первого дня 1917 г.: «Новогодний Высочайший прием... Принимая поздравления дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути в Петроград Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов монарха. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции»²⁵¹.

Супруга великого князя Павла Александровича княгиня О.В. Палей, поддерживавшая знакомство со многими дипломатами, позднее писала в своих воспоминаниях:

«Так прошел январь, причем общее положение дел ухудшалось день ото дня. В газетах недовольство прорывалось даже сквозь цензуру. Революционная пропаганда в войсках резервистов распространялась не по дням, а по часам. А рассадником ее стало английское посольство под началом Ллойд Джорджа. Наши либералы, князь Львов, Милуков, Родзянко, Маклаков, Гучков и иже с ними, из посольства не вылезали. Там же и решено было отказаться от мирных путей борьбы и встать на путь революции. Причем сам английский посол, сэръ Джордж Бьюкенен, Государю нашему просто мстил. Николай не любил его и в последнее время держался с ним все суше и суше, особенно после того как Бьюкенен сошелся с Государевыми личными врагами. На последней аудиенции Государь принял посла стоя и даже не предложил ему сесть. Бьюкенен спал и видел отомстить. Водил он дружбу кое с кем из великих князей. С их помощью он чуть было не затеял дворцовый переворот...»²⁵².

В России в начале 1917 г. все ожидали решительных перемен, и политическая оппозиция начала «сжигать мосты». Особой активностью отличались думские лидеры «Прогрессивного блока», т. к. срок полномочий IV Государственной думы скоро истекал, предстоящие выборы не могли гарантировать их прежнего положения, а также личную неприкосновенность. Представителям оппозиции необходимо было набирать политические очки и попытаться решительно переломить ситуацию в свою пользу. Так, например, в воспоминаниях председателя Государственной думы М.В. Родзянко имеется описание одного из конспиративных совещаний, которое происходило на его квартире:

«С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Государственного Совета и чле-

нов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, – не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводят к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

– Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя.

Крымов замолк, и несколько минут все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим... Но кто на него решится? Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским: поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова:

“Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией”. Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

– Вы не учитываете, что будет после отречения царя... Я никогда не пойду на переворот. Я присягал... Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насильем...

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза, и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть»²⁵³.

Конечно, читая эти строки, трудно поверить в искренность уверений тонкого политика и искусственного царедворца Родзянко. Вскоре сами события показали, и стало ясно: у кого и как «слово» расходится с «делом».

Относительно боевого генерала А.М. Крымова (1871–1917) следует заметить, что в его политической позиции не все было однозначно. Во многих взглядах он был введен в заблуждение, что несколько для него прояснилось, когда он побывал в Петрограде. Возможно, этим можно объяснить то, что Крымов практически никак не проявил себя в дни Февральской революции, а затем принял активное участие в «корниловском мятеже» против Временного правительства. Стоит в этой связи упомянуть еще об одной встрече генерала Крымова с генералом Дубенским в начале 1917 г.:

«В пояснение сего расскажу случайную встречу мою (в начале февраля) с генералом Александром Михайловичем Крымовым. О нем говорили как о выдающемся боевом начальнике и имя его пользовалось большим уважением в Ставке. Я помню, как при каком-то сообщении о боях в Карпатах, где была дивизия Крымова, Государь сказал: “Там этот молодец Крымов, он управится скоро...”»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.